

Вифлеем — Дом Хлеба

Выпуск №4. Апрель, 2012

Сборник для христианского чтения

Издается Балаковской общиной
Русской Православной
Старообрядческой Церкви.

Заказать 1, 2 и последующие вы-
пуски этого сборника,
задать вопросы и высказать
свои пожелания вы можете,
написав нам по адресу:

ул. Заводская, д.49,
413850, г. Балаково
Саратовской области.

С нами также можно связаться по
телефонам:

8 (8453) 46-47-26,
+7-906-312-34-23

Адрес электронной почты:
MRodine@yandex.ru

Издатель не гарантирует
публикации всех полученных
материалов, не возвращает рукописи
и оставляет за собою право вносить
технические коррективы в тексты.

С содержанием сборника
можно будет ознакомиться
на страничке в Интернете
<http://orthodox-balak.livejournal.com/>
Тираж 800 экз.

Сборник «Вифлеем — Дом Хлеба»
издается по благословению
священноиерея
Вадима Коровина (г. Саратов)

Содержание:

К читателю	2
Христианство — религия подвига.	2
Опечатки «Вифлеема» №3	6
Святое писание	11
Соборное послание апостола Иякова.	11
Духовная аптека	33
Легкая заповедь.	33
Тайна страдания.	35
Цветник	37
Об исходе души от тела и о мытарствах.	37
О Таксиоте.	41
Хвальинск и Черемшан	43
Хвальинская старообрядческая община.	43
Хвальинские иконы.	47
Вклад хвальинских купцов-старообрядцев в городскую архитектуру и благотворительность.	53
Черемшан.	61
Святой Черемшан.	87
Преподобный Серапион Черемшанский	105
Страница из прошлого старообрядчества Поволжья.	105
Серапион архимандрит. настоятель Черемшанского монастыря.	109
Из детских воспоминаний С.И. Быстрова о преподобном Серапионе.	110
Из рассказов С.И. Быстрова о преподобном Серапионе.	111
Письмо инока Порфирия (Морозова) о смерти преподобного Серапиона.	112
На Черемшане и у останков о. Серапиона.	113
Черемшанский подвижник.	117
Из постановлений Освященного собора.	118
Поминайте наставников ваших	119
Житие преподобного отца нашего Серапиона, архимандрита Черемшанского.	119
Молитвословия	125
Служба преподобному Серапиону Черемшанскому.	125
Черемшанский фотоальбом	141
Наследие Черемшана	153

К ЧИТАТЕЛЮ

Христианство — религия подвига

Распятие Господне.
Греческая икона 1552 г. Византия,
монастырь «Великий метеор».

Взгляните на древнюю икону страдающего Господа. Обращает на себя внимание правая рука Логина Сотника. Он, язычник, увидев солнечное затмение и землетрясение во время распятия Иисуса, внезапно уверовал во Христа. Его десница сложена на иконе в двуперстное крестное знамение — во исповедание веры во Христа как Бога и Человека в одном лице. Это двуперстие — зримый символ Христианства, хоругвь Православия, знамя старой веры.

Первых учеников Христа враги называли христианами как бы в издёвку. Но это наименование и они сами быстро подхватили. Даже в Деяниях святых Апостол говорится, что в Антиохии ученики впервые стали сами называться христианами. А св. Апостол Петр наставляет тех, кто терпит как христианин, переносить страдания с радостью...

Христианами их стали называть потому, что все их слова, мысли, мечты — вся их жизнь была сосредоточена на одном Христе. Апостол Павел выразил это так:

«И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал.2:20). Каждый день давал им возможность подтверждать это наименование: им непрестанно приходилось переносить насмешки, издёвки, притеснения, лишения, преследования. В любой момент их верность Учителю могла пройти проверку. Многих приводили в суд, пытали и казнили — а они приводили своих палачей в недоумение: пытки и смерть они принимали с радостью, пели и молились.

Когда в Римской империи стихли гонения, тогда верность христиан Господу Иисусу нашла другое выражение: многие пошли в пустыни, чтобы вдали от мира жить только со Христом и только для Христа. Они отказывались от всего — от всего, что составляет земную жизнь — ради того, чтобы быть со Христом. И в те же времена появилась ещё одна возможность проявить верность Господу. Гонения от язычников стихли, но поднялись новые преследования — от различных еретиков¹. В истории Церкви было несколько периодов, когда разные еретики оказывались у власти (императорами становились последователи ересей) и начинали жестокие гонения на христиан, хранящих правую веру. Бывало, что епископы и патриархи совращались в ереси и становились губителями душ и гонителями христиан. Около 70 лет, например, главы всех 5 вселенских патриархий исповедовали ересь монофелитства и гнали пра-

¹ Еретики — последователь изменённых, новопридуманных вероучений и преданий, в отличие от православных, то есть неуклонно следующих древним учению и преданию Церкви.

Мучения святителей Поликарпа Смирнского и Ипатия Гангрианского.
Фреска. Дионисиад. Св. гора Афон.

вильно верующих священников и мирян, вынуждая их собираться для молитвы в местах потаенных. 6-й Вселенский собор осудил эту ересь и восстановил православие у греков и римлян.

На Русь христианская вера пришла уже после проверки всеми этими испытаниями. И неудивительно, что здесь она очень быстро засияла и мучениками, убитыми за Христа (их в первое время на Руси было немного), и огромным сонмом преподобных чудотворцев, отказавшихся от всего ради Христа и ушедших в леса. Первое время на Святой Руси не было заметных еретических движений – она хранила чистоту веры неуклонно. Однако и нашу Церковь постигли тяжёлые времена. Сначала жидовствующие немного смутили христиан, а потом «новолюбцы» нанесли по Церкви сильный удар.

Середина XVII века – кровавая рана православной Руси. Как в древности еретики *иконоборцы* во главе с императорами Византии восстали на церковный обычай почитания святых икон, так и новые *обрядоборцы* во главе с царём Алексеем и патриархом Никоном начали борьбу против древних церковных преданий: двоеперстного крестного зна́мения (которым с апостольских времён осеняли себя все христиане), осьмиконечного креста, сугубой «аллилуйи», хождения «посолонь» (по ходу солнца – за «Солнцем правды» – Христом) в крестных ходах и при крещении и венчании... «Новолюбцы» проклинали святую древность и безумно учили, будто до них Русская Церковь не умела правильно ни молиться, ни крестить-

Старые православные обряды.

Новые никоновы обряды.

Патриарх Никон избивает епископа Павла Коломенского.
С раскрашенного лубка. XIX в. СОМК.

ся, ни поклоняться Богу². Они провозглашали, что очищают Церковь от ереси (иконоборцы у греков ранее говорили точно так же)! И очищали «огнём и мечом», беспощадно преследуя и казня православных христиан за непокорность богохульному безумию «новолюбцев».

Вспомнились первые времена христианства — верные шли на казни и в тюрьмы, их сжигали, им рубили руки и резали языки, их обезглавливали, вешали, топили, их лишали имущества и гражданских прав, их облагали двойным налогом, им запрещали занимать какие-либо государственные должности, им мешали воспитывать в исконной вере детей. Им придумали новые клички (слово «христианин» уже стало вполне благозвучным): стали обзывать раскольниками, старообрядцами, кержаками, кулурами... Даже те из них, кто жил в миру, были как бы из другого мира. Окружающий мир рушился: извращалась вера, заимство-

вались иноземная одежда, язык, привычки. Многим из них пришлось бежать в леса и на горы, спасаться от преследований за границами Империи — лишь бы не предать Христа и не отступить от Его учения.

Для чего такие сложности? К чему столько проблем? Неужели нельзя просто лицемерить в вере или послушаться начальства и поменять свою веру, как велят? Ведь можно же в чём-то уступить? Для христиан такие вопросы не вставали. «Один Господь, одна вера, одно крещение!» (**Еф.4:5**). «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни», — говорит Господь (**Откр.2:10**).

Павел, епископ Коломенский, уже в самом начале никоновской реформы возвысил голос за правду Христову, против клеветы на древнюю православную Церковь, — и Никон тут же избил святителя, содрал с него мантию и отправил без суда в заточение, где тайно умертвил и сжёг его тело. Другие архиереи утрашились смерти и не стали противиться злобному реформатору. Однако, хотя горстка епископов и убоялась земного владыки паче Бога, но народ церковный стал за поправанное и оклеветанное Предание Церкви. Христиане желали лучше расстаться с временной жизнью, чем предать благочестие и лишиться Жизни Вечной.

Многие из православных «староверов» были замучены до смерти, другие же бежали от гонителей веры в необжитые и отдалённые места. Сосновый Остров (будущий город Хвалынский) и его окрестности привлекали беженцев прекрасной природой, плодородными почвами, рыбной ловлей, обилием родников с

² Так, древнее двоеперстное крестное знамение, преданное нам от Христа через апостолов, они проклинали и кощунственно называли в своих книгах еретичеством, арианством, македонянством, несторианством, бесовским знамением, демонским седалищем и прочими скверными наименованиями.

чистейшей водой, а главное – удалённостью от преследователей древней православной веры. Середина и конец XVII века ознаменовались первой волной массового переселения староверов в эти места.

Во времена Екатерины Второй, через сто лет после жестокого разгрома древнего православия, гонения на время ослабли. Царица призвала староверов заселять необжитые земли Поволжья. Началась вторая волна переселения. Из-за границы возвратилось множество потомков тех, кто бежал в старые годы от преследований. Тогда возникли новые монашеские скиты на реке Ирғиз, превратившиеся в крупнейшие монастыри, в духовный центр староверов России. Одно время на старообрядческом Ирғизе официально числилось только священников до 200 человек! Но поскольку оставшиеся в живых архиереи уклонились от древней веры, то рукополагать священников староверы не имели возможности. Все эти сотни батюшек были «беглыми» из государственной церкви: узнавая о правде старой веры и неправоте «новолюбцев», они оставляли казённую церковь, прибегали к староверческим священникам прежних поколений, каясь в прежних заблуждениях, и получали от них прощение. Таинство миропомазания, совершаемое при этом над ними, воссоединяло их с Церковью и давало благодать для священнодействия в Ней. Так в XVII веке благословил принимать переходящее от «новолюбцев» священство епископ-страдалец Павел Коломенский, идя на мучение. Так и поступали староверы, сохранив священство до середины XIX столетия.

Царь Николай I объявил новый «крестовый поход» против древлеправославия. «Беглых попов» объявили вне закона, стали отлавливать и заточать в темницы. Строго-настрога было запрещено староверам принимать новых переходящих священников. Были разгромлены и переданы государственной церкви Ирғизские монастыри староверов. Их насельники разбежались кто куда. Часть поселилась у г. Хвалынска на речке Черемшан, где со временем образовались новые небольшие монашеские обители.

Староверы, не желая оставаться без священников, постарались найти архиерея, который бы пожелал возвратиться в древнюю православную веру и возглавить гонимую Христову паству. По промыслу Божию это событие произошло за границей, на Буковине. В 1846 году в русском селе Белая Криница (Австро-Венгрия) присоединился к древлеправославной Церкви греческий митрополит Амбросий. Он рукоположил ещё двух епископов, а они – других архиереев, и с той поры полнота церковной иерархии была восстановлена.

Был рукоположен архиепископ Антоний (Шутов), возглавивший Русскую поместную церковь. Он поставил ряд епископов на российские области, в том числе и первого Саратовского епископа Афанасия (Телицина, или Кулибина), который поселился на Черемшане. Так Хвалынск и Черемшан стали на многие десятилетия духовным центром староверов Поволжья. Черемшан прославился святым угодником Серапионом – праведником, исповедником веры

Митрополит Амбросий
Белокриницкий.
Фото XIX в. с гравюры. СОМК.

Архиепископ всероссийский
Антоний (Шутов).
Фото XIX в. с живописного
портрета. СОМК.

и чудотворцем, чьи нетленные мощи были обреты через 10 лет после смерти.

Нынешний выпуск «Вифлеема» посвящается истории староверия в Хвалынске и на Черемшане, а также памяти преподобного отца нашего и исповедника Серапиона, архимандрита Черемшанского.

Мы помещаем сегодня в наш сборник и уже опубликованные, но являющиеся библиографической редкостью материалы, и редчайшие тексты и фотографии, ранее не изданные, из музеев и частных архивов, а также новые фотоснимки зданий Хвалынска и Черемшана и предметов, хранящихся в музеях и храмах Саратовской области.

При публикации используются следующие аббревиатуры:

ГАСО – Государственный архив Саратовской области;

СОМК – Саратовский областной музей краеведения;

ХКМ – Хвалынский краеведческий музей;

ХКГ (Хвалынская картинная галерея) – Хвалынский художественно-мемориальный музей им. К. С. Петрова-Водкина;

МУЧ – Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (г. Саратов);

СМСО – Сосново-Мазинская старообрядческая община.

Редакция благодарит руководство и коллективы вышеуказанных музеев, а также Дома-музея К. Федина (г. Саратов) за помощь в сборе материалов для данного выпуска «Вифлеема».

ОПЕЧАТКИ «ВИФЛЕЕМА» №3

Уважаемые читатели!

Просим вашего прощения за допущенные в 3-м выпуске «Вифлеема» опечатки. Неправильно указан глас на несколько воскресных дней.

Следует читать: 30 января – глас 2, 6 февраля – глас 3, 13 февраля – глас 4, 20 февраля – глас 5, 27 февраля – глас 6, 5 марта – глас 7, 12 марта – глас 8, 19 марта – глас 1, 26 марта – (глас 2).

В части тиража по ошибке типографии отсутствуют 4 страницы: 169–172. В настоящем выпуске мы их помещаем ниже.

Редакция «Вифлеема».

ПРОСТИТЕ ХРИСТА РАДИ!

25 8 Суббота

☩ **Отдание праздника Введёния Пресвятыя Богородицы [Сл].** Иже во свв. отец наших свцмчч. Климента, папы Римскаго [4], и Петра, архиеп. Александрскаго [4].

Прп. отца нашего Петра Молчальника.

На Лит. пред Ап. «Песнь Богородицы», и прокимен святым; Ап. Евр. 320, Гал. 213 (под главу) и Флп. 246; «аллилуйя» Богородице и святым; Ев. Лк. 54, Лк. 51 (под главу) и Мф. 11; причастны «Чашо спасения» и «В память вечную». Поклоны все поясные.

Пища с рыбой.

26 9 Воскресение

Неделя 27-я по Пятидесятнице. Глас 2-й [Пл].

Прп. отца нашего Алимпия Столпника (610–641) [4; служба на Павечернице].

✚ **Освящение церкви св. влмч. Георгия, иже в Киеве, пред враты св. Софьи (1051–1054) [Пл].**

Прп. Иякова Отшельника (ок. 457). Прпт. Никона (998) и Стилиана.

Поклонами или молитвами молимся: **Слава Господи Воскресению Твоему. Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас. Святыи великомучениче Георгие, моли Бога о нас. Святыи великомучениче Меркурие, моли Бога о нас. Преподобне отче Алимпие, моли Бога о нас.**

Отпуст (на Вечерни взятое в скобки не читается): **[Воскресыйи из мёртвых,] Господи Иисусе Христе Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Ти Матере, [силою Честнаго и Животворящаго Креста,] святых славных и всехвальных апостол, и преподобнаго отца нашего Алимпия Столпника, и святых великомученик Георгия Победносца и Меркурия Смоленскаго, и всех святых, помилуй и спаси нас, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.**

Служба св. влмч. Георгию купно с влмч. Меркурием Смоленским (См. устав: Минея ноябрь, 24 число, л. 391). На Утр. Ев. Лк. 113. На Лит. Ап. Еф. 233 и Тим. 292, Ев. Лк. 71 и Ин. 52. Поклоны все поясные.

Пища с рыбой.

27 10 Понедельник

Седмица 28-я по Пятидесятнице.

Св. влмч. Иякова Персянина (421) [6]. И прп. отца нашего Паладия (VI–VII) [4; служба на Павечернице].

⊕ **И еже о Бозе бывшее Знамение Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы в Великом Новё-граде (1169 или 1170) [Бд].**

✚ **И память иже во свв. отца нашего Иякова, еп. Ростовскаго, чудотворца (1391 или 1392) [Пл; служба переносится на ин день, егда настоятель изволит].**

✚ **И обрётение мощей св. благовернаго князя Всеволода, нареченнаго во св. крещении Гавриила, Псковскаго чудотворца (1192) [Пл; служба переносится на ин день, егда настоятель изволит].**

Древлецимые списки иконы Знамения Пресв. Богородицы: в Санкт-Петербурге (1175; написан повелением св. кн. Всеволода [Гавриила]; до 1917 г. - в Знаменской церкви, доньяне не сохранившейся); во Владимире (XIII; принадлежала св. Александру Невскому; до 1917 - в Рожественском монастыре); в Глушицком монастыре (XV; под Вологдою; написан св. Дионисием Глушицким); в Москве (XVI; в Знаменском монастыре близ Кремля); Абалацкий (1637; под Тобольском); в Успенском соборе г. Владимира (1650).

Прпт. Пинуфрия (IV) и Нафаняила (ок. 375). Прп. Романа Чудотворца (V; имеет благодать разрешения неплодства и безчадия). Прп. Акакия (VI). Свв. прпмчч. 17 индийских (VI или VIII). Преставление прп. Диодора (Дамиана) Юрьегорскаго (1633; подвизался под г. Каргополом).

На сий день во дни часов 7, а в нощи 17.

Поклонами или молитвами молимся: **Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас. Святыи мучениче Иякове, моли Бога о нас. Святителю Христов Иякове, моли Бога о нас. Святыи благоверный княже Всеволоде, моли Бога о нас.**

Аще служба Знамению Пресвятыя Богородицы точно: на Утр. Ев. Лк. 4; на Лит. Ап. Тим. 294 и Евр. 320, Ев. Лк. 97 и 54.

Аще служба Знамению и св. мч. Иякову: на Утр. Ев. Лк. 4; на Лит. Ап. Евр. 320, Тим. 294 (под главу) и Еф. 233, Ев. Лк. 54, Лк. 97 (под главу) и Ин. 50.

Поклоны приходные, исходные и на службе поясные, на келейном Правиле – на произволение.

Пища с маслом.

28 11 Вторник

☩ Св. прпмч. Стефана Новаго, исп. (767) [6]. Св. мч. Иринарха, и с ним пострадавших св. свцмч. Акакия презвитера и седми мцц. жен (303) [4; служба на Павечернице]. И преставление иже во свв. отца нашего Феодора, архиеп. Ростовскаго, чудотворца (1394) [службы несть, токмо тропарь и кондак].

Св. мчч. Тимофея и Феодора епт., Петра, Иоанна, Сергия, Феодора и Никифора презвитеров, Василия и Фомы диаконов, Иерофея, Даниила, Харитона, Сократа, Комасия и Евсевия мнихов и Етимасия, Тивериопольских (361). Св. мчч. Василия, Стефана, двух Григориев, Иоанна, Петра, Андрея, Анны и иже с ними, иже со св. Сетфаном Новым пострадавших (767). Свт. Феодора, еп. Феодоситольскаго. Св. блгвв. царей Константина (641) и Маврикиана (602), Греческих.

Поклоны приходные, исходные и на Правиле земные, на службе поясные. **Пицца с рыбой.**

29 12 Среда

Св. мч. Парамона, и с ним 370 мч. (250) [«аллилуиа»]. И св. мч. Филумена (ок. 274). И прп. отец наших Виссариона (IV–V) и Акакия (VI), иже в «Лествице» свидетельствованнаго [«аллилуиа»].

Св. свцмч. Дионисия, еп. Коринфскаго (ок. 182). Св. свцмч. Иоанна Персидскаго. Св. мчч. Валерина и Федра. Св. мчч. шести. Свт. Урвана, перваго еп. Македонскаго. Свт. Николы, архиеп. Солунскаго. Прп. Панкосмия и Питируна (IV). Св. свцмч. Авива, еп. Некресскаго, грузинскаго (VI). Прп. Нектария Печерскаго (XII). Св. прпмч. и исп. Филитта певца, за древлецерковное благочестие пострадавшаго (2-я пол. XVII).

Поклоны все земные, по «Царю Небесный» – земной поклон; на «Честнейшую» – 17 поклонов с молитвою св. Ефрема Сирина. Павечерница накануне великая; по «Достойне» и Трисвятом – тропари дню, храму и проч. (писаны в Малой павечернице). По «Нескверной» – Трисвятое, и по Отче наш, Господи помилуй, 12; отпуст малый (обычный).

Пицца без масла.

30 13 Четверг

✠ Св. и всехвальнаго ап. Андрея Первозваннаго [Пл].

Брат св. верховнаго апостола Петра. Первозванным называется потому, что услышав проповедь Иоанна Предотечи об Иисусе Христе, первым последовал за Ним. После Пятидесятницы св. Андрей отправился с проповедию Евангелия и прошел Малую Азию, Фракию, Македонию, по Дунаю до побережья Черного моря, пришел в Крым и по Днепру вверх дошел до места, где теперь город Киев. Здесь он водрузил Крест и предсказал распространение христианства. Отсюда ап. Андрей прошел чрез земли варягов в Рим и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем Константинополе, основал христианскую общину. На своем пути ап. Андрей много мук и страданий претерпел от язычников, неся людям свет Христовой веры. Принял мученическую кончину в г. Патры (Ахажия), будучи распят на кресте по приказу правителя города (62).

Иконы Пресв. Богородицы Григориатския (XV; на Афоне).

Иже во свв. отца нашего Фрументия, архиеп. Индийскаго (Ефиопскаго) (ок. 380).

Поклоны приходные, исходные и на службе поясные, на келейном Правиле – на произволение.

Пицца с рыбой.

Д Е К А Б Р Ь

1 14 Пятница

Св. пророка Наума (VII до Р.Х.) [«аллилуиа»].

Свт. Онисима (I), Анании и Солохона, епт. Ефессских. Св. мч. Анании Персянина. Свт. Порфирия, патр. Антиохийскаго (413). Прп. Антония Новаго. Св. мч. и исп. Феодора, в Москве за древлецерковное благочестие сожженнаго (2-я пол. XVII).

Поклоны все земные, по «Царю Небесный» земной поклон; на «Честнейшую» – 17 поклонов с молитвою св. Ефрема Сирина. Павечерница накануне великая; по «Достойне» и Трисвятом – тропари дню, храму и проч. (писаны в Малой павечернице). По «Нескверной» – Трисвятое, и по Отче наш, Господи помилуй, 12; отпуст малый (обычный).

Пицца без масла.

2 15 Суббота

Св. пророка Аввакума (635–606 до Р.Х.) [«аллилуиа»; служба на Павечернице]. И св. праведнаго Филарета Милостиваго (792) [службы несть, токмо тропарь и кондак].

✠ Св. свцмч. и исп. протопопа Аввакума, в Пустозерске за древлецерковное благочестие сожженнаго [Пл].

Родился в 1621 г. в с. Григорове в Нижегородских пределах, в семье священника. Рано потеряв отца, воспитывался матерью, «великою постницей и молитвенницей». Женился на односельчанке Анастасии Мар-

ковне, ставшей его «верной помощницей ко спасению». В 21 год рукоположен в диаконы, в 23 в иереи, а через восемь лет «совершен в протопопы» г. Юрьевца-Повольского. Дар проповедника, дар исцеления больных и бесноватых, готовность «душу положить за овцы своя» привлекали к нему многочисленных духовных чад из всех слоев общества. Но суровые обличения произвола местных властей и нравственной распущенности паствы вызывали недовольство и озлобление, вследствие чего он не раз был биен едва не до смерти и гоним. Ища защиты в Москве, сблизился там с кружком «Боголюбцев» (ревнителей благочестия), возглавляемым царским духовником о. Стефаном Внифантьевым. К кружку примыкал и будущий патриарх Никон. Целью «Боголюбцев» было упорядочение церковного Богослужения, издание исправной Богослужебной и духовно-просветительной литературы, а также улучшение нравов тогдашнего русского общества. Став патриархом, Никон стал действовать в противоположном направлении. Вместо исправления он стал изменять книги и чин Богослужения по новогреческим образцам, изданным в еретических латинских типографиях Венеции.

Никоновские реформы застали Аввакума в Москве, где он служил в церкви Казанской иконы Божией матери на Красной площади. Борьбу за святоотеческое предание возглавил «огнепальный протопоп». Сторонники Никона не гнушались самыми жестокими средствами: пытки, уморение голодом, сожжение на костре – все шло в ход для насаждения «затеек» своевольного и жестокого патриарха. Аввакум был посажен «на чепь», потом вместе с семьей сослан в Тобольск, затем еще дальше на Восток, в дикую Даурию (в Забайкальский край), под начало «лютого воеводы» Пашкова. После десятилетнего скитания в невероятных тяжелых условиях Сибири, где он потерял двух малолетних детей, страдальца вызвали в Москву и стали убеждать принять «Никоновы новины». Но Аввакум остался непреклонен. Опять ссылка, теперь уже на Север. Перед собором 1666 г. Аввакума вновь привозят в Москву, в Боровский монастырь, и десять недель уговаривают отказаться от борьбы, но тщетно. «Сице аз верую, сице исповедую, с сим живу и умираю!» – отвечал мучителям святой воин Христов. Беззаконно расстриженный и преданный анафеме, вместе со своими единомышленниками: иереем Лазарем, диаконом Феодором и иноком Епифанием, – он был отправлен в далекий Пустозерск, расположенный близ Северного моря, в край вечной мерзлоты, где в земляной яме томился 15 лет. Лишенный возможности устной проповеди, Аввакум пишет и чрез верных людей рассылает по всей Руси послания, толкования и утешения чадам Церкви Христовой. Ныне известно более 90 творений святого, и почти все они созданы в годы пустозерского заточения. Здесь же им написано знаменитое «Житие». Внимая призывам протопопа Аввакума, все большее число русских людей вставало на защиту старой веры. Рьяный поборник нововведений, патр. Иоаким стал требовать казни святых исповедников. После смерти царя Алексея Михайловича на российский престол восходит его малолетний сын Феодор. Протопоп Аввакум шлет новому царю челобитную с призывом вернуться к дедовскому благочестию. В ответ последовал приказ: сжечь пустозерских узников «за великия на царский дом хуль». 14 апреля 1682 г. (по другим данным – 1 апреля 1681 года), в пятницу Страстной седмицы, приговор был приведен в исполнение...

Свв. мчч. Исидора и Миропии (ок. 251). Свт. Иисея, еп. Цилканскаго, грузинскаго (VI). Свт. Солóмона, архиеп. Ефесскаго. Прп. Иоанна, Ираклемона, Андрея и Фебфила (IV). Прп. Кирила. Прп. Афанасия (ок. 1176) и другаго Афанасия (XIII), Печерских. Убиение св. страстотерпица блгв. царя Стефана Уроша, Сербскаго (1367). Св. свецмч. Тихона, еп. Томскаго (1937) [М].

Служба св. свецмч. Аввакуму (по нарбчитоу рукописи или Общей минеи и Каноннику). На Утр. Ев. Лк. 52. На Лит. Ап. Флп. 246 и Еф. 218. Ев. Лк. 77 и 67. Поклоны все поясные.

Пища с рыбой.

3 16 Воскресение

Неделя 28-я по Пятьдесятнице. Глас 3-й [Пл].

Св. пророка Софония (635–605 до Р.Х.) [«аллилуиа»]. И прп. отца нашего Феодула, бывшего епарха Константина-града (ок. 440) [службы несть, токмо тропарь и кондак].

✚ **И преставление прп. отца нашего Савы, составльшаго обитель Пресвятая Богородицы, на месте, нарицаемем Сторбжи (1406; основатель монастыря под Звенигородом) [Пл].**

Явление иконы Пресв. Богородицы Пахромския (1472; под Москвою).

Св. свецмч. Феодора, архиеп. Александрскаго (606). Свв. мчч. Агатия, Селевка и Маманта. Прп. отца нашего Иоанна Молчальника, бывшего еп. Колонийскаго (558). Прп. Феодула Кипрскаго (755).

Поклонами или молитвами молимся: **Слава Господи Воскресению Твоему. Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас. Преподобне отче Саво, моли Бога о нас. Святги пророче Софоние, моли Бога о нас. Преподобне отче Феодуле, моли Бога о нас.**

Отпуст (на Вечерни взятое в скобки не читается): **[Воскресѣи из мѣртвых,] Господи Иисусе Христе Сыне Божии, молих ради Пречистых Ти Матере, [силою Честнаго и Животворящаго Креста,] святых славных и всехвальных апостол, и святаго пророка Софония, и преподобнаго отца нашего Феодула, бывшего епарха Константина-града, и преподобнаго отца нашего Савы, составльшаго обитель Пресвятая Богородицы, на месте, нарицаемем Сторбжи, и всех святых, помилуй и спаси нас, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.**

На Утр. Ев. Лк. 114. На Лит. Ап. Кол. 250 и Гал. 213, Ев. Лк. 91 (переносное с Нед. Праотец) и Мф. 10. Поклоны все поясные.

Пища с рыбой.

4 17 Понедельник

Седмица 29-я по Пятьдесятнице.

☩ Св. влмц. Варвары и св. мц. Иулиянии (ок. 306) [6; св. *Варваре молимся о сохранении от внезапных, без покаяния, смерти*]. Прп. отца нашего Иоанна Дамаскина (ок. 780) [4].

Иконы Пресв. Богородицы Дамаскиновой Троеручицы (VIII; по другим данным – иконы Пресв. Богородицы Дамаскинской, написанные прп. Иоанном Дамаскиным в благодарность за исцеление отсеченной руки).

Св. мчч. Христула и Христулы девицы. Прп. Иоанна Коловодскаго (Поливотскаго) (VIII). преставление свт. Генадия, архиеп. Новгородскаго (1505).

Накануне на Вечерни и Павечернице приходные поклоны поясные, исходные – земные. В понедельник на Полунощнице, Утрени и Часах поклоны приходные и исходные земные, а на службе – поясные; на келейном Правиле поклоны земные.

Пища без масла.

5 18 Вторник

⊕ **Прп. отца нашего Савы Освящённого (532) [Бд].**

И св. прав. диакона Иоанна Феодорова, печатника книгам словенским (1583) [4].

Св. мч. Анастасия (III). Св. мчч. Аверкия и Диогена. Св. прпмчч. афонских, от латиномудрствующих царя и патриарха пострадавших (1275–1281). Прп. Карiona, и Захарии, сына его (IV). Прп. Нонна и Грата. Прп. Филофея Карейскаго (XV–XVI) и Нектария (1500) Афонских. Преставление свт. Гурия, архиеп. Казанскаго (1563).

Поклоны приходные и исходные и на службе поясные, на келейном Правиле – на произволение.

Пища с рыбой.

6 19 Среда

⊕ Иже во свв. отца нашего Николы, архиеп. Мир-Ликийских, чудотворца (343–345) [Бд; имеет нарочитую благодать избавления от потопления на водах и различных бед и напастей].

Свт. Николы, еп. Тмутараканскаго (XI). Преставление свт. Максима, митр. Киевскаго и всея Руси, владимирскаго чудотворца (1305).

Поклонами или молитвами молимся: **Святителю Христов Никблае, моли Бога о нас.**

Отпуст: **Господи Иисусе Христе Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Ти Матере, и иже во святых отца нашего Николы, архиепископа Мир-Ликийских, чудотворца, и всех святых, помилуй и спаси нас, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.**

На утр. Ев. Ин. 36. На Лит. Ап. Евр. 312 и 335, Ев. Лк. 104 и 24. Прокимен святому писан в Минее.

Поклоны все поясные.

Пища с маслом (Кирилов устав – **сущи**, Соловецкий устав – **пища с рыбой**).

7 20 Четверг

Иже во свв. отца нашего Амбросия, еп. Медиоламскаго (397) [«аллилуиа»].

⊕ **И преставление прп. отца нашего Антония Сийскаго, новаго чудотворца (1556) [Бд; служба ему бывает, аще настоятель изволит].**

Иконы Пресв. Богородицы Владимирския Селигерския (келейная икона прп. Нила Столбенецаго; известна с 1528).

Св. прпмч. Анфинодора (ок. 304). Св. мчч. Дометия, Исидора, Акепсимы, Льва, Приска, Мартина и Николы. Св. мц., иже в Риме сожженыя. Св. мц. Симферусы (до IX). Св. мц. Филофеи девы, Валасиския (1060). Прп. Иоанна Постника, бывшаго еп. Колонийскаго (VI). Прп. Игнатия. Прп. Павла Подвижника (Повинника, или Послушливаго). Прп. Иоанна Постника, печерскаго (XII). Прп. Григория Молчальника, афонскаго (XV). Преставление прп. Нила Столбенецаго, новгородскаго чудотворца (1554).

Аще служба свт. Амбросию: устав см. 8 декабря, **пища с маслом.**

Аще служба прп. Антонию Сийскому: поклоны приходные, исходные и на службе поясные, на келейном Правиле – на произволение, **пища с рыбой.**

8 21 Пятница

Прп. отца нашего Потания (VII) [4; аще понедельник, среда или пятток: «аллилуиа»].

Свв. ап. от Седмидесяти: Сосфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Епафродита, Кесария и Онисифора (I). Свв. мчч. Африканских, иже от ариан пострадавших: 62 иереев и 300 мирян (477–484). Св. мц. Анфисы (V). Преставление прп. Кирила Челмогорскаго (Челмскаго), каргопольскаго (1367 или 1368).

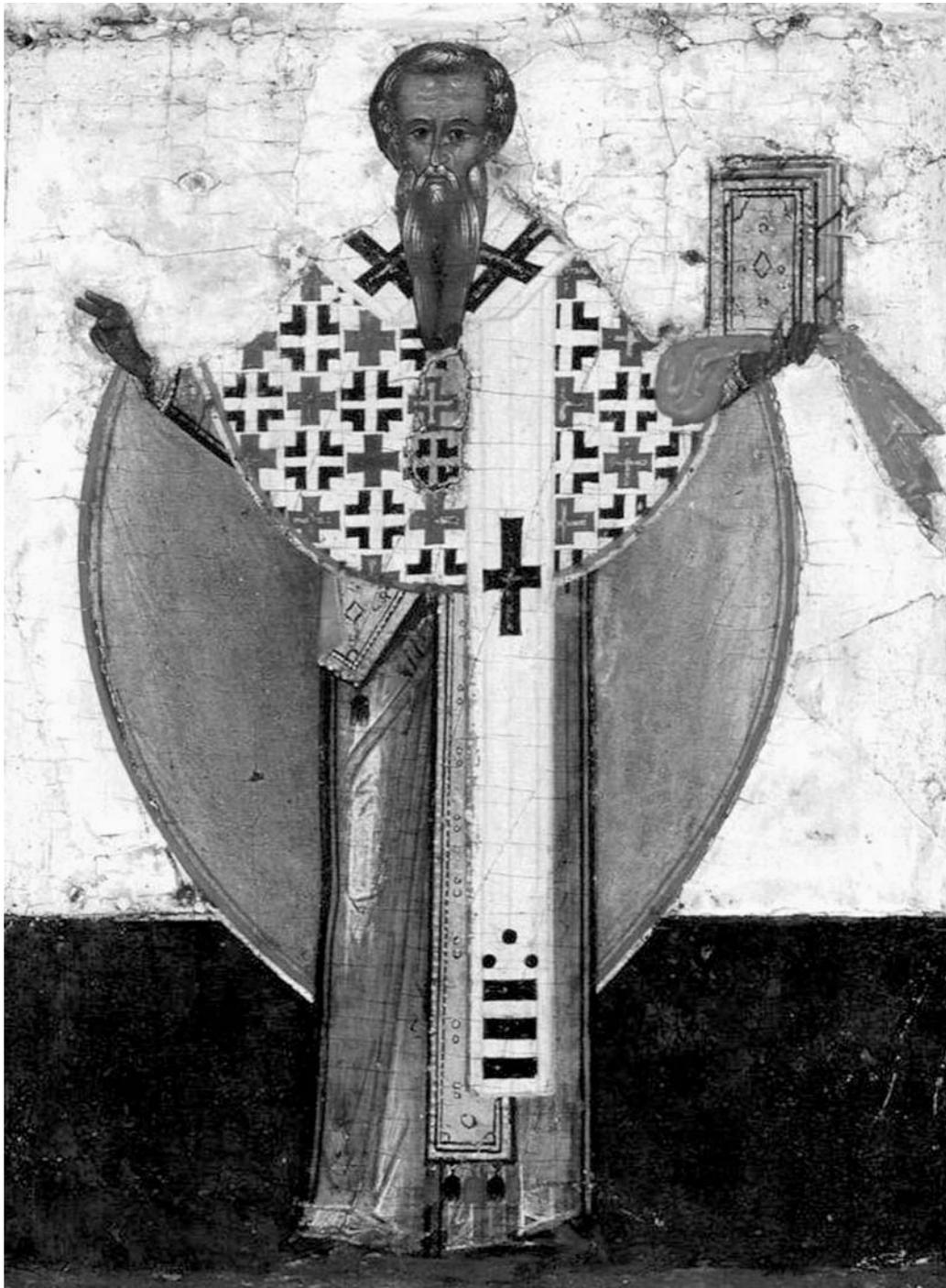
Поклоны все земные, по «Царю Небесным» земной поклон; на «Честнейшую» – 17 поклонов с молитвою св. Ефрема Сирина. Павечерница накануне великая; по «Достойне» и Трисвятом – тропари дню, храму и проч. (писаны в Малой павечернице). По «Нескверной» – Трисвятое, и по Отче наш, Господи помилуй, 12; отпуст малый (обычный). **Пища без масла.**

9 22 Суббота

⊕ **Зачатие св. Анны, «егда зачат Пресвятую Богородицу» (кон. I до Р.Х.) [6; аще храм Богородицы, кий ни есть, – Пл].**

Блаженный Феофилакт, экзарх Болгарский.

ТОЛКОВАНИЕ НА СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИЯКОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(1) Ияков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, — радоваться.

Раб Бога, то есть Отца, и Господа – Иисуса; а если равно раб Отца и Сына, то Сын равен Отцу и по существу, и по чести. Апостолы Господа выше всякого мирского достоинства поставляют то, что они рабы Христа.

(2) Великую радостью имейте, братья мои, когда впадаете в различные искушения.

Искушения и печаль ради Бога апостол признает похвальными и достойными радости, потому что они – самые крепкие узы и возвращение любви и сокрушения, почему и сказано: «Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (**Сир. 2: 1**), и Христос сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь» (**Ин. 16: 33**), ибо без подвигов нельзя получить венцов ни в мире, ни от Бога.

Называет их не детьми, но братьями – по смиренномудрию. Испытания доставляют рачительным всякую радость потому, что через них обнаруживается испытание таковых, а испытание приводит к совершенному действию. Но тогда кто-нибудь скажет: если таково действие испытаний, то как Христос научает нас в молитве просить Бога: «И не введи нас во искушение» (**Мф. 6, 13**)? Отвечаем: искушения бывают двоякого рода. Одни происходят от нас, а другие посылаются на нас Богом для упражнения и прославления нашего. И от нас происходящие искушения двоякого же рода. Одни бывают от нерассудительной храбрости, которую мы называем дерзостью и от которой заповедует нам Господь беречься, потому что хотя и бодр дух, но во время подвигов бодрость угасает, почему храбрость та не оканчивается добром для имеющих ее. Другие искушения, как, например, гибель содомлян (**Быт. 19: 13**), посылаются за грехи. Этих искушений всеми силами должно избегать через жизнь безгрешную; искушений же от Бога, каковы были Иову, Аврааму, не только не должно избегать, но, если возможно, нужно привлекать их терпением и благодарением, потому что они удостоивают прославления и венцов. Сказал **«различные искушения»** потому, что одни искушения, как объяснили мы, бывают от Бога, а другие от нас.

(3) Зная, что искушение (испытание) вашей веры производит терпение.

Хотя искушения, как сказали мы, двоякого рода, но терпение полезно в каждом их роде. В искушениях от Бога оно полезно тем, что через них мы получаем прославление, как получили оно Авраам, Иов, а в искушениях от нас – тем, что перенесением их с благодарностью мы делаем как бы вознаграждение за свои грехи, ибо кто сознает свои грехи, тот положил начало своему спасению и приобрел себе черту праведника, так как праведный муж первый обвиняет сам себя.

(4) Терпение же да имеет совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка.

«Терпение же да имеет совершенное действие» – примечай: апостол не сказал в определенном наклонении: «терпение имеет совершенное дей-

ствие», но в повелительном: «да имеет», – ибо он не возвещает готовую уже добродетель, но заповедует такую, которая ныне должна быть совершаема. **«Чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка»** – причиной совершенного действия называет мудрость, ибо знает, что испытание веры и терпения в искушениях не есть удел всех людей, но мудрых о Боге, почему желающих выказать веру и терпение возбуждает к молитве о мудрости.

(5) Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем без лицепрятия и без упреков, – и дастся ему.

Говорит не о человеческой мудрости, но о духовной, ибо в ней указывает нам причину совершенного действия, а причина эта – небесная мудрость, укрепляясь которой мы сможем совершить добро вполне.

(6) И да просит с верою, нимало не сомневаясь.

Если верит, пусть просит, а если не верит, пусть и не просит, ибо не получит ничего из просимого. Сомневающийся – и тот, кто просит с высокомерием. Но очевидно, что кто просит сомневаясь, тот есть обидчик, ибо если ты не уверен, что Бог исполнит просьбу твою, то вовсе не приступай к прошению, чтобы не оказаться тебе через неразумное двоедушие обвинителем Того, Кто все может. Посему нужно умолять об избавлении от такой постыдной болезни.

(6-7) Потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Бога.

Сомневающийся – тот, кто далек от твердого действования и недоумевает, сбудется то или иное или нет. Такой не получит, как не уверенный относительно того, чего ожидает.

(8) Муж двоедушный не устроен во всех путях своих.

Двоедушный – находящийся в замешательстве, неустроенный, несовершенный, двоящийся мыслями, лицемер, а путями называет апостол душевные движения, которыми возвышаются надежды, добрые ли то или недобрые, как и Давыд сказал: «Пути мои Ты провидел» (**Пс. 138: 3**). Иначе: мужем двоедушным апостол называет неустановившегося, который не стремится крепко ни к будущему, ни к настоящему, но носится туда и сюда и придерживается то будущего, то настоящего. Такого уподобляет он морской волне, не имеющей постоянства, и цвету травы, цвету, остающемуся не долго, но засыхающему с восходом солнечным, почему и сравнил его не с травой, которая продолжительнее, но с цветом ее, чтобы представить его кратковременность.

Почему же назвал его двоедушным? Потому что он не стремится с уверенностью ни к настоящей, ни к будущей жизни, ибо в Писании душой называется и жизнь, например: «Всё, что только имеет человек, даст за душу свою» (**Иов. 2: 4**). Удали от себя двоедушные и нисколько не сомневайся просить у Бога, не говори в себе: «Как я могу просить от Господа и получить, когда столько согрешил против Него?» Не думай так, но от всего сердца своего исповедуйся и обращай к Господу и проси у Него без сомнения, и ты познаешь Его благоутробие, потому что Он не оставит тебя, но исполнит «желания сердца твоего» (**Пс. 36:4**), ибо Бог незлопамятен и милостив к Своим созданиям.

(9) Да хвалится же брат смиренный (униженный) высотой своею.

Так как смирение признает апостол хранителем всего доброго и ничто не совершается без него у рачительных, то прибавляет: **«Смиренный пусть хвалится высотой своею»**. Сомневающегося он уподобляет морской волне, а она от дуновения ветра поднимается и скорее, чем возвысится, опускается. Подобное испытывает и сомневающийся, когда по надмению не утверждает прошений своих ни на чем непременимом. Поэтому апостол прибавляет: пусть хвалится «брат смиренный». Он говорит как бы так: кто хочет просить чего-нибудь, тот пусть, во-первых, просит необходимого, относительно испрошения чего он не может обмануться, то есть «Царства Божия и правды Его» **(Мф. 6:33)**. Потом пусть просит этого постоянно, – не так, что немного помолится, да тотчас и отступился, ибо это свойственно гордым, но пусть просит неотступно, терпеливо ожидая получения со смирением душевным.

(10-11) А богатый – унижением своим, потому что он пройдет, как цвет на траве; ибо воссияло солнце со зноем, и иссушило траву, цвет ее опал, исчезла красота лица ее; так и богатый в хождении своем увядает.

Богатство уподобляет апостол цветку травы, желая представить, сколь оно скоропреходяще. **«Исчезла красота лица ее»** – слово «лицо» он употребил не в настоящем значении его, ибо оно употребляется только о человеке, а о других предметах не употребляется. **«Так и богатый в хождении своем увядает»** – хождениями называет заботы в настоящей жизни.

(12) Блажен муж, который претерпит искушение; потому что, будучи искушенным, получит венец Жизни, который обещал Бог любящим Его.

Мы сказали, что искушения двоякого рода и что терпение полезно в каждом их роде. Апостол, помня о молитве Господней, внушающей нам безопаснейшее, то есть чтобы мы молились, дабы не впасть нам в искушение, возвращается к объяснению того, какое искушение от Бога и какое от нас, от нашего произволения. Впрочем, хорошо и следующее: Господь и Бог, взирая на большую немощь человеческой природы, предложил молиться об удалении от нас искушений, так как ученики Его были еще далеко не совершенны; но когда познанием Его воскресения и вознесением на небо немощная природа наша укрепилась, то брат Его по плоти научает уже не бояться искушений.

(13) И пусть никто искушаемый не говорит: Бог меня искушает, – ибо Бог – не искуситель зла, и не искушает Он ни кого.

Если искушения двоякого рода, то почему апостол поставляет теперь всякое искушение вне воли Божией? Но примечай: он не сказал: «искушенный», но – «искушаемый». Кто через грех и невоздержную жизнь сам изобретает себе искушения и как бы в постоянной буре погружается в опасности, тот говорит апостол, искушается не **от Бога**, но от собственной похоти. Ибо кто победил нашедшее искушение и сделался тверже, тот уже нелегко поддается искушениям, особенно находящим от него самого, потому что на свободе от искушений постоянно склоняется к жизни более любомудрой.

«Ибо Бог – не искушитель зла, и не искушает Он ни кого» – Бог не искушается злом, как сказано: «Что Божественно и блаженно, то ни само ничего не делает [не терпит вреда], ни другим не дает дела [не вредит]». Все это свойственно естеству смертному и земному, в котором усматриваются изменение и переменчивость, эти первичные свойства нашей природы. Похоть же и грех и рождающаяся от нее смерть для души стали как бы ступенями гибели человеческой. Ибо похоть, найдя место пристанища, соделала грех, который родил смерть, и только искоренив его через покаяние мы полагаем начало другой нашей жизни.

(14-15) Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; и так похоть, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.

Поскольку о Божеской природе доказано, что Бог ни Сам не искушается, ни других не искушает, то здесь искушениями называет помыслы, смущающие душу, ибо искушения от Бога не смущают, но утверждают душу, озаряя ее, почему говорит: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца Светам» (ст. 17), – тогда как все, происходящее от нас, имеет несовершенство.

(16-17) Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца Светам, у Которого нет изменения и ни тени перемены.

Под Отцом Светам разумей Бога, а под Светами или силы Ангельские, или просвещенных Духом Святым людей.

«У Которого нет изменения и ни тени перемены» – у Бога Светам нет изменения, ибо Он Сам взывает через пророка: «Я – Господь Бог ваш, и не изменяюсь» (Мал. 3:6), а выражение **«ни тени перемены»** означает, что в Боге нельзя даже помыслить какой-либо перемены.

(18). Ибо Он, восхотев, породил нас Словом истины, чтобы нам быть начатком некоторым Его созданий.

Сказал **«восхотев»**, потому что есть люди, которые по наваждению бесам умствуют, что мир составился как бы случайно. Выше сказал: **«У Которого нет изменения»**, – и тем показал, что Божество неизменяемо; теперь присовокупляет: **«Ибо Он, восхотев, породил нас»**. Если мы произошли, то явно, что мы не неизменяемы, ибо возможно ли, чтобы неизменяемым было то, что из небытия пришло в бытие через изменение?

А чтобы по поводу слова «породил» не подумал кто, что Бог и Сына родил так же, как нас, апостол присовокупил: **«Словом истины»**, – ибо, по словам Иоанна Богослова, «все чрез Него начало быть» (Ин. 1:3), то есть через Слово истины; посему, если мы произошли через Слово, то не однородны с Тем, от Кого произошли по бытию. Слова **«начатком некоторым»** означают преимущество и высшее достоинство, а **«созданиями»** называет видимую природу

(19) Итак, братия мои возлюбленные, да будет всякий человек скор на слушание, медлен на слова, медлен на гнев.

Скорым нужно быть на слушание не простое, но деятельное, возбуждающее прилагать выслушанное к делу, ибо известно, что кто слушает прилежно и внимательно, тот готов будет и исполнять слышанное, а кто, напротив, медленно располагается к чему-нибудь и откладывает то, тот впоследствии может и совсем отстать от предприятия. Посему относительно изучения Божественных предметов апостол заповедует скорость, а относительно того, совершение чего соединено с опасностью, медленность. Таковы: слова, гнев. Ибо говорливость в гневе не оканчивается добром. Посему один богомудрый муж часто раскаивался в том, что он говорил, а в том, что молчал, никогда не раскаивался. Так и блаженный Давид заповедует: «гневайтесь, и не согрешайте» (**Пс. 4:5**) то есть не гневайтесь скоро и не впадайте от гнева в бешенство. Подобна этой и настоящая заповедь о словах и о гневе, особенно о гневе, который, быв допущен до безрассудства, лишает правды Божией. Почему и говорит апостол: гнев правды Божией не сотворяет (**ст. 20**).

(20) Ибо гнев мужа не сотворяет правды Божией.

Правда есть свойство души, воздающее каждому должное, а гнев губит и разумных (**Притч. 15, 1**). Как же он, в страстном размере помрачая ум, составит добродетель, которая рассудительно воздает каждому должное? Примечай и то, что апостол сказал не просто о том, кто «не творит правды Божией», но о том, кто мужается в пагубном для него самого[3]. А что у него такая мысль, видно из выражения «блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (**Пс. 1: 1**), ибо прибавление приставочного члена показывает, что слово «муж» означает имеющего склонность к тому или другому, к добру или к злу. Нужно заметить и то, что апостол не просто сказал: «творит», но с предлогом («сотворяет»), в значении «исполняет». Это значит, что гнев не совершенно чужд правды, ибо в гневе можно усматривать некоторую пользу, поскольку в нем, как и во всяком душевном движении, за неимением похвального можно находить не одно худое, но нечто и полезное.

(21) Потому, отложив всякую скверну и избыток злобы, в кротости примите всажденное Слово, могущее спасти ваши души.

Сказав «скверну», апостол прибавляет: «избыток злобы», — желая внушить, чтобы если кто-нибудь и впадал часто в нечистоту, скорее отставал бы от нее, дабы, оставаясь в ней, не дать злу усилиться через привычку, ибо совершаемое нами часто и в обилии становится обыкновенно как бы природой, получая свойство природы. «В кротости» сказал апостол, имея в виду учительное «слово», которое не принимается среди шума и возмущения; а всажденным называет он то Слово, по Которому мы явились на свет разумными и способными различать добро и зло.

(22-23) Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, прельщающие самих себя. Ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему лицо бытия своего в зеркале.

«Лицо бытия» означает познание самого себя через закон. Посему-то к слову «лицо» и прибавил апостол слово «бытия», ибо через закон мы узнаем, какими явились мы на свет, и уразумеваем, в какое состояние перерождает нас духовный закон через баню возрождения (св. крещение, — *ред.*). Потом, не пребывая в такой созерцании через деятельность, мы забываем о полученном

даре духовном, ибо кто предаётся злым делам, тот не помнит, чем он облагодетельствован от Бога, ибо если бы помнил, что он рожден свыше, оправдан и причислен к сынам Божиим, то не предавался бы делам, отвергающим дарованную благодать. От обыкновенного зеркала апостол переводит речь к зеркалу мысленному, ничего не выведя из представленного в кратких словах примера. Ему надлежало бы сказать так: «Кто слушает закон и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему лицо свое в зеркале. Как этот посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он, так и тот, усмотрев из закона Моисеева, для чего он сотворен, а именно для славы Божией и для жизни по образу создавшего его Бога, ничего из виденного не исполнил, но поступил точно так же, как и смотревшийся в зеркало: ему следовало воспользоваться виденным, а он, как и тот, не воспользовался». И не без цели поступает так апостол (умалчивает нечто): он сосредоточивает слушателя и напрягает его слушать это не между делом, ибо блаженны не такие слушатели, но соединяющие с слушанием дело. И фарисеи были слушателями, но так как они не были исполнителями, то и не блаженны они. **«Прельщающие самих себя»** значит обманывающие самих себя, ни во что ставящие собственное свое спасение.

(24) Ибо он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков был.

К слышанию прибавил апостол исполнение, потому что для душевного спасения недостаточно одного слышания закона, но слышание должно быть еще подтверждено исполнением.

(25) Но кто приникнет (заглянет внутрь) в закон совершенный свободы и пребудет в нем, тот – не слушатель забывчивый, но исполнитель дела, тот блажен будет в своем действии.

Апостол сказал **«кто приникнет»**, а не «войдет», ибо духовный закон, везде имея преимущество и величие, умеет привлекать и самым кратким чтением его.

К словам **«закон совершенный»** прибавил **«свободы»**, чтобы указать на отличительную его черту – свободу, ибо закон Христов, освободив от рабства плотского, поставляет приходящего к Нему в свободе, делает его через эту свободу более внимательным и освобождает его от забвения, вредного для всего доброго.

(26) Если кто из вас думает, что он верен, и не обуздывает своего языка, но обольщает сердце свое, у того суетна вера.

По понятию иудеев, благочестив тот, кто оказывает верность в делах, потому что таковой кажется не принадлежащим к толпе. Иудеи, исполняя предписанные законом наблюдения, высоко думали о себе, сосредоточивали в этих наблюдениях все благочестие по отношению к Богу и, занимаясь только этими, мечтали стяжать через то блаженство, а к другим относились с большим осуждением, как видно из евангельской притчи о самохвале фарисея и мытаре (**Лк. 18: 10-14**).

Удерживая от такого мнения, апостол и дает настоящее наставление. Упомянув об исполнителе дела и назвав его блаженным, он тотчас исправляет зло, рождающееся у многих при исполнении. Он как бы говорит: "Хвалящийся исполнением закона, не думай получить блаженство за одно исполнение!" – ибо это неприятно Богу, но приятен Ему тот, кто исполняет и с тем вместе далек от самомнения и не относится к неисполняющим с осуждением.

«Оболяет сердце свое» – как бы душил и по самомнению, как исполнитель закона, обольщает свою совесть, ибо сердце означает здесь то же, что и в словах сердце сокрушенно и смиренно (Пс. 50, 19).

(27) Ибо чистая и непорочная вера пред Богом и Отцем такова: посещать сирых и вдовиц в их скорбях, и неоскверненным себя хранить от мира.

Благочестие, кажется, подразумевает нечто больше, нежели вера. Слово это обещает знание сокровенного и твердость в созерцаемом верою. Посему и употребил апостол такое слово в речи о благочестивом. Он как бы говорит: «Ты считаешь себя знатоком тайн закона и точным хранителем его. Как так? Так думаешь ты, не умеющий обуздать языка, осуждающий ближнего, живущий высокомерно и не оказывающий сострадания никому из бедных! Между тем закон не одобряет даже того, кто злословит, но повелевает оказывать сострадание и врагам. Итак, если хочешь быть благочестивым, обнаруживай благочестие не в чтении, но в исполнении закона, которое состоит особенно в оказывании сострадания ближнему». Ибо сострадание ближнему есть своего рода уподобление Богу «Будьте, – сказано, – милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6, 36). Только милосердие ваше должно быть чуждо лицепрятия, потому что и Бог оказывает свои благодеяния не каким-нибудь лицам отдельно, но «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45).

«Неоскверненным себя хранить от мира» – под миром здесь должно разуметь народ простой и черный, растлевающий себя в обольстительных похотях своих.

ГЛАВА ВТОРАЯ

(1) Братия мои, не взирая на лица, имейте веру Господа нашего Иисуса Христа славы.

Кто делает что-нибудь с лицепрятием, тот навлекает на себя большой позор как не уважающий однородного и прежде него самого себя, потому что обхождение с подобным препосылается и к самому делающему

(2-3) Ибо, если в собрание ваше войдет человек, носящий золотой перстень, в красивой (богатой) одежде, войдет же и нищий в худой одежде, и вы, смотря на одетого в богатую одежду, скажете ему: «Ты сядь здесь хорошо (на почетном месте)», – а бедному скажете: «Ты стань там, или садись здесь, у ног моих».

У евреев, кажется, особенно в обычае было носить перстни. Но при этом иной скажет, может быть, что если Ияков есть учитель завета Христова, то почему не прекращает подзаконного, но еще возвышает оное, принимая остающихся в благочестии подзаконном, а не порицая их? Такому мы отвечаем, что теперь Ияков беседует с ними поближе и снисходит их немощи, чтобы, тотчас отменив закон, не заставить их отступить от него по новости учения. Но он ведет дело с основательным расчетом, уступив, насколько это было безвредно для него, в Новом Завете и подзаконным обрядам. Ибо чем отвращало его от

веры Христовой соблюдение субботы или пост и воздержание от снедей? Через эту уступчивость завладев их вниманием к своим собственным словам, он мало-помалу убеждает их отставать от подзаконных обрядов как бесполезных и ведущих к рабству, а не к свободе, подаваемой о Христе.

Итак, мудро пользуясь небольшими уступками, он предложил приличное христианам как раз тогда, когда они беспрепятственно внимали его словам.

(4) И не пересуживаете ли вы в себе, становясь судьями с худыми мыслями?

Союз «и» поставлен здесь по обычаю древнего образа выражения, ибо здесь продолжение вышесказанного, почему союз «и» излишен. Ход речи такой: «Если кто войдет в собрание ваше» и прочее, потом – «не пересуживаете ли вы между собою» – это вторая часть предложения, почему и смысл речи должен быть таким: «Поскольку вы не рассудили, как должно, то стали судьями с худыми мыслями». «Не пересуживаете ли», – то есть вы испортили приговор свой, не сделав наперед никакого исследования о том, рачителен ли бедный или ленив богатый. Но ваше неразличение привело вас к лицепритию, заставило вас одного похвалить, как богатого, а другого презреть, как бедного. **«Становясь судьями с худыми мыслями»**, – то есть стали судьями несправедливыми, поддавшимися лукавству из лицепрития.

(5-6) Послушайте, братья мои возлюбленные: разве не Бог избрал нищих мира быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его? Вы же укорили нищего. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?

Поскольку для многих тяжело даже слышать о бедности, то, сказав **«нищих мира»** сего, тотчас прибавил: **«богатыми»**. Чем же богаты? Верою. Ибо неотъемлемый мир бедных, когда они перейдут к вере, делает их сильнее богатых. Посему и Господь избрал таковых в ученики и явил наследниками Царства.

(7-9) Не они ли бесславят доброе имя, которым вы названы? Итак, если вы исполняете закон Царский, по Писанию: возлюби ближнего твоего, как себя самого, – хорошо делаете; если же смотрите на лица, то грех делаете, и обличаетесь законом как преступники.

«Имя» новое – по словам пророка, «и повинующимся Мне наречется имя новое, которое благословится на земли, ибо они благословят Бога истинного» (Ис. 65:15-16).

(10-13) Ибо кто соблюдет весь закон и согрешит в одном (чем-нибудь), тот становится виновным во всем. Ибо Сказавший: «не прелюбодействуй», – сказал и: «не убей». И если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты стал преступником закона. Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы законом свободным. Ибо суд без милости не оказавшему милости; и хвалится милость на суде.

Кто согрешает в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем, потому что не имеет совершенной любви, ибо любовь есть глава всего добро-

го, а когда нет головы, и все остальное тело ничего не значит. А что об этом он говорит, видно из предыдущего наставления. Заповеди «не прелюбодействуй», «не убий» указаны для примера. Примечай, что и они взяты из закона, относящегося к совершенству любви, ибо кто любит ближнего, тот не будет ни прелюбодействовать, ни убивать, потому что такие дела свойственны врагу. Если бы не так, то никто из людей не уцелел бы, потому что никто не соблюдает всех заповедей, но кто соблюл чистоту, тот побеждается иногда гневом, кто творит милостыню, тот нередко имеет зависть. Посему говорится не о том, чтобы вовсе не было недостатка в добродетелях, но о любви, что ее не должно совершать с недостатком, с лицепрятием, но всецело. То же можем сказать и о прочих добродетелях. Кто несовершенно придерживается целомудрия или справедливости, но нечто опускает, тот, хромая в исполнении, вредит всему делу добродетели.

Итак, под словами «**весь закон**» должно разуметь закон о любви, о которой речь у апостола по преимуществу, а «**законом свободным**» он называет нелицеприятие, ибо действующий по лицепрятию не свободный, но раб, потому что кто кем побежден, тот тому и раб (**2 Пет. 2: 19**).

(14) Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли вера спасти его?

Если мы простили ближним согрешения их против нас и из имени своего уделяем часть нищим, то и нас восприимет милость Божия, когда будет судить наши поступки. Совершение сего важно. Напротив, тяжкое осуждение тем, которые не оказали благорасположения к подобным себе. Тех, которые не пожалелись над ближними, согрешившими против них, постигнет осуждение злого раба (**Мф. 18: 32-35**) с воздаянием по молитве, в которой мы просим Бога простить нам, как и мы прощаем согрешившим против нас (**Мф. 6: 12**), а тех, которые немилостивы или жестоки к нуждающимся в телесной помощи, встретит суд без милости. «Хвалится милость на суде», ибо милостивые, по изречению Господа, «помилованы будут» (**Мф. 5: 7**).

Или иначе. Милосердие к бедным могло доставить прощение даже идолослужителям, как мы слышим от пророка (**Дан. 4: 24**). Чего же не доставит оно людям верующим? Мне кажется, действие милосердия сходно с тем, что производит елей древесный на борющихся на поприще. Борцы, намазываемые елеем, легко ускользают от захватывания своими противниками. Так и наше милосердие к бедным даст нам на суде возможность избежать нападений со стороны бесов.

(15-16) Если же брат или сестра будут наги и лишены будут дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «Идите с миром, грейтесь и насыщайтесь», – но не даст им потребного для тела: что пользы?

Примечай духовный смысл. Не сказал только: «если имеешь веру», – но: «что пользы?» Говорит как бы так: покажи мне дело, по которому я придал бы тебе название верующего, ибо в этом дело веры. Слова же его значат: если кто делом не докажет, что он верен Богу, то такого не нужно и называть верным, ибо не тот верен, кто просто называет себя Господним, но тот, кто любит Господа так, что за веру в Него готов и на смерть. А что такая у него мысль, это видно из примеров, ибо он говорит, что Авраам делом показал, что верен Богу, когда первородного своего принес во всесожжение; подобно и Раав, веруя, презрела смерть.

(17-19) Так же и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «Ты имеешь веру, а я имею дела». Покажи мне веру твою из дел твоих, а я покажу тебе из дел моих веру мою. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут.

Это не противоречит словам блаженного Павла, ибо слово «вера» употребляется в двояком значении, иногда означая простое согласие ума с явлением, так как мы обыкновенно и это называем верой (почему и бесы веруют о Христе, что Он Сын Божий), и, опять же, именем веры мы называем сердечное последование, соединенное с твердым согласием.

Божественный Ияков называет мертвой верой простое согласие как не имеющее одушевляющих его дел. А Павел говорит о вере сердечной, которая отнюдь не лишена дел, ибо в не имеющем честных дел ее бы и не было. И Авраам получил ее не прежде, чем решился отвергнуть отцовскую немощь, за каковой подвиг и дана вера в награду Но Павел почитает ее выше дел закона, выше покоя субботнего, обрезания и прочих очищений. Ибо и в слове «дела» усматриваются два значения. Делами называются дела, подтверждающие веру, не имея которых она остается мертвой. Делами называются также и дела закона, без которых оправдывается Авраам и все христиане, ибо кто станет противоречить тому, что к нечистому не приступит вера (разумею веру дел)? Как миро не может сохраниться в сосуде, полном грязи, так и в человеке нечистом не будет находиться вера Божия. Итак, Божественные апостолы не разноречат друг другу, но, принимая слова в различных значениях, каждый употребляет оные в своем значении, где нужно.

(20) Но хочешь ли знать, человек суетный, что вера без дел мертва?

Пустым называет человека, который хвалится одной только верой, потому что, не осуществляя ее в делах, он не приобрел никакой полноты.

(21-23) Авраам, отец наш, не от дел ли оправдался, вознеся Исаака, сына своего, на жертвенник? Видишь ли, что вера помогала делам его, и от дел достигла совершенство вера? И совершилось Писание, говорящее: «И веровал Авраам Богу, и вменилось ему в праведность, и другом Божиим был назван».

Оба апостола приводят Авраама в подтверждение учения своего о вере. Один примером Авраама доказывает, что вера выше дел, а другой, что дела выше веры. Но выше сказано, что каждый принимает слова («вера» и «дела») в своем значении и берет полезное для него в подтверждение своих мыслей. Впрочем, некоторые отцы понимали это таким образом: Авраам, удаленный временами, есть образ той и другой веры – и той, которая до крещения, которая не требует дел, а только одной веры, исповедания спасения и слова, которым оправдываемся мы, верующие во Христа; и той, которая после крещения и которая соединена с делами. Так Дух Святыи, говоривший в них, оказывается не противоречащим Себе. Одна вера оправдывает приходящего одним только исповеданием, если он тотчас отрешился от жизни, ибо у него нет дел, но для него достаточно очищения через крещение, а другая требует выказывания добрых дел от уже крещенного. С этим согласен и Павел. В другом месте он говорит и учит, что вера после крещения требует усовершенствования через дела, когда говорит: не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью **(Гал. 5, 6)**. Но любовь для своей полноты требует много мудрости.

«И веровал Авраам Богу, и вменилось ему в праведность, и другом Божиим был назван».

Авраам был образом оправдания через одну веру тогда, когда поверил, и это вменилось ему в праведность (**Быт. 15: 6**), а образом оправдания через дела был он тогда, когда возложил сына на жертвенник, ибо он не только сделал дело, но и не отпал от веры относительно Исаака, что потомство его умножится, как звезды, но помыслил, что Бог воскресит его из мертвых (**Евр. 11: 19**).

Подобным образом Павел свидетельствуется и Давыдом, ибо Давыд Духом Божиим знал, что некогда придет вера о Христе, почему говорит: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха» (**Пс. 31: 2**).

(24) Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только?

От дел не Закона (Ветхого Завета, – *ред.*), как сказано, например обрезанием и подобными, но от дел правды и подобных добродетелей.

(25-26) Подобно и Раав блудница не от дел ли оправдалась, приняв соглядатаев и проводив их другим путем? Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(1) Не многие делайтесь учителями, братия мои, зная, что мы подвергнемся большему осуждению.

Выше апостол говорил и учил, что верные должны иметь веру не одну, но вместе с добрыми делами. Теперь он переходит к другой равнозначительной заповеди. Некоторые берутся учить тому, чего сами не совершали. Такие учителя, говорит, не получают никакой пользы, но подлежат большему осуждению. Ибо кто учит тому, чего сам не имеет, как имеющий будто бы это, тот достоин осуждения за то, что грешит своим языком.

Чтобы обстоятельнее подтвердить это, говорит, что если в ином случае язык обыкновенно и грешит от невнимательности, за что не избежит осуждения впавший в оную, как учит Соломон, «за грех уст впадает в сети грешник» (**Притч. 12,;13**), то как избежит неизбежного наказания тот, кто намеренно грешит языком, кто учит тому, чего не изучил на опыте?

(2) Ибо все мы много согрешаем. Если кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело.

«Ибо все мы много согрешаем», проводя жизнь невнимательно и нерадиво. Что ни один человек не избегает греха, это подтверждается легкой подвижностью языка. Отсюда же видно, что ни у кого нет совершенства – ибо кто не согрешил языком своим? Если же кто преодолет легкую подвижность языка своего, тот способен хорошо управлять и всем телом. Ибо кто удержал очень склонное к падению, тот с меньшим трудом при внимании подчинит себе то, что падает медленно.

(3) Так, мы и коням в рот удила влагаем, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их.

Упомянутая возможность обуздать все тело подтверждается примерами: удилами на конях, рулями на кораблях. **«Так»** поставлено вместо «посмотри». **«Коньям удила»** нужно сочетать в таком порядке: «влагаем удила в рот коньям». Без такого сочетания слов речь не будет иметь смысла. Посмотри: мы полагаем узду на коней, а корабли небольшим рулем, как и коней небольшой уздой, направляем, куда хотим. Так и язык должно управлять здравым разумом, хотя он бывает миром неправды в употреблении черни. Ибо миром называет здесь апостол множество.

Или: хотя язык есть украшение естества человеческого, ибо мы посредством него сообщаем друг другу свои мысли (в таком значении некоторые желают понимать слово «мир»), но он в употреблении простого народа несправедлив, оскверняет все тело и воспаляет весь круг жизни, будучи сам воспаляем от геены. Однако не трудно заставить его двигаться благословно и так, как пожелает распорядившийся им. Ибо если всякое естество зверей, пресмыкающихся, птиц и морских животных укрощено и укрощается естеством человеческим, то я не могу сказать, что язык есть неудержимое зло, что он полон смертоносного яда и что никто из людей не может укротить его, ибо если язык неукротим и не направляется ни к чему доброму, то как мы им благословляем Бога и Отца и им проклинаем людей? Вот он направляется по воле пользующегося. Но сему, братия мои, не должно быть так. Ибо если мы им благословляем, то не стыдно ли нам проклинать людей, сотворенных по подобию Божию? Несправедливо из одних и тех же уст выходить благословию и проклятию. Итак, сохраняя язык паче зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить равномерно, то царь спокойно будет сидеть на нем; если жепустишь его бежать и скакать без узды, то он сделается колесницей дьявола.

(4) Так, и корабли, которые велики и носятся сильными ветрами, направляются небольшим рулем, куда хочет (укажет) движение управляющего (кормчего);

И это говорится к тому же, то есть что язык должно двигать не как случится, но направлять его на лучшее. Ибо как мы уздой сдерживаем порывы коня и рулем переменяем течение корабля, так должны и язык направлять к лучшему. Выражение «так же и язык» (**ст. 5**) то и значит, что язык должен быть направляем здравым разумом, ибо хотя он мал, но делает великое: он зажигает нам великий костер, потому что и сам есть огонь. И что еще делает? Прикрашивает неправду красноречием и изяществом; оскверняет тело, убеждая женщин приманками; через соблазн совершает убийства; клятвопреступлениями присваивает чужое; разжигает круг (колесо) геены, будучи сам разжигаем от геены, как видно на богаче, страждущем в пламени языком (**Лк. 16: 24**), Так должно объяснять это место, если в тексте читать "колесо геены", как в некоторых списках и есть; но если читать "колесо рождения", то под колесом рождения нужно разуметь нашу жизнь.

Итак, язык, опаяя колесо рождения, оскверняет жизнь. Жизнь называет венцом и псалмопевец, когда говорит к Богу: «благословишь венец лета благодсти Твоей» (**Пс. 64: 12**). Венец же и колесо не разнятся между собой по виду как круглые. Жизнь есть колесо в том отношении, что вращается сама в себе.

(5) Так же и язык — малый член, а весьма похваляется. Вот, малый огонь, а какие великие вещи сжигает!

Так же, то есть таким же образом, по разумному направлению, должен двигаться и язык, ибо он небольшой член, а делает много, то есть зла и добра. «Весьма похваляется» сказано вместо «производит великие дела».

(6) И язык — огонь, прикраса [в греч.: мир] неправды; так и язык водворяется среди членов наших, скверня все тело и поджигает круг жизни нашей и [сам] опаляясь от геенны.

Так и язык, мир неправды, есть огонь, ибо как огонь все истребляет, так и он. Некоторые под миром разумеют здесь множество, как и в словах мир Его не познал (**Ин. 1:10**). Язык есть мир, то есть скопище неправды.

(7-8) Ибо всякое естество и зверей и птиц, и пресмыкающихся и рыб, укрощается и [может] укротиться естеством человеческим, языка же никто из людей не может укротить? — ибо неудержимо зло, полно яда смертоносного.

Эту причину нужно относить к вышесказанному. Апостол сказал и примером удил и руля объяснил, что хотя они малы, но при хорошем управлении производят великое, и прибавил, что так и язык должен быть управляем разумно. Теперь предложенными примерами он объясняет, что заповедует не невозможное. Он как бы так говорит: иной скажет, что язык, хотя небольшой член, но производящий много добра и зла, трудно покорить нашей воле. Но это не оправдание, ибо если человек укрощает зверей, отличных от него по природе, то тем более может он укротить свой собственный член.

«Никто из людей не может укротить» — это нужно читать не в утвердительной, но в вопросительной форме, именно так: человек, если укрощает и делает ручными неукротимых зверей, то ужели не укротит он собственного языка? Так нужно читать это. Ибо если читать это в утвердительной форме, то несправедливо было бы давать потом следующее наставление: не подобает, братия мои возлюбленные, сему так быть (**ст. 10**), ибо если невозможно укрощать язык, то напрасно апостол убеждает исполнять невозможное. А выражение «ибо неудержимо зло, полно яда смертоносного» нужно понимать как пояснение.

(9-12) Тем благословляем Бога и Отца, и тем проклинаям человека, сотворенного по подобию Божию? Из одних [и тех же] уст исходят благословение и проклятие?! Не подобает, братия мои возлюбленные, сему так быть. Разве источник из одного устья изливает сладкое и горькое? Разве может, братья мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы? так же и один [и тот же] источник не производит и соленую, и сладкую (пресную, — ред.) воду.

И это нужно понимать в форме вопросительной, как и нижеследующее: **«из одних [и тех же] уст исходят благословение и проклятие»**. Апостол хочет тронуть слушателей. Если нам повелевается всех благословлять, ибо зло-речивые не наследуют Царства Божия (**1 Кор. 6: 10**), то как не стыдно употреблять одно и то же орудие на зло и на добро? Никто из благоразумных не будет мешать одним и тем же орудием грязь и мир. Молишься ли? Не проклинай врага, ибо между молитвой и проклятием большое расстояние. Если не простишь оскорбившего тебя, то и сам не получишь прощения, и проклятие сам на себя привлечешь, когда будешь молиться, чтобы тебе прощены были долги так же, как сам ты прощаешь должникам своим (**Мф. 6: 12**).

(13-16) Кто премудр и искусен среди вас, пусть покажет из доброго жития свои дела в кротости и премудрости. Если же в сердцах ва-

ших имеет зависть (ревность, – ред.) горькую и рвение (сварливость, – ред.), не хвалитесь, ни лгите на истину; эта премудрость не Свыше нисходит, но земная, душевная, бесовская; ибо где зависть и рвение, там неустройство и все худое.

Люди, любящие начальствовать и хвелящиеся мудростью мира сего, проповедовали наперекор православным учителям, завидуя им и примешивая человеческое к Божественному, чтобы привлечь к себе слушателей новизной учения, отчего и ереси произошли. Посему, окончив слово об опрометчивости и необузданности языка, апостол обращает речь на «зависть», которая рождается в людях от подобной же безрассудности, и говорит, что такие учения не свойственны истинным учителям, потому что истекают не от Божественной мудрости, но от бесовской. Сказал же он это, предварительно похвалив доброго учителя. А так как ревность может иметь приложение и к доброму и к худому, ибо ревность есть пламенное стремление души к чему-нибудь с некоторым уподоблением тому, к чему есть рвение, то апостол прибавил: «горькую», – чтобы показать, о какой ревности говорит он. Сварливость же есть неодобрительная страсть к спорам. Называется так и оговор со злоречием.

(17-18) А премудрость, которая Свыше, во-первых, чиста есть, потом же мирна, кротка, добропослушна, полна милости и добрых плодов, не мнительна и не лицемерна. Плод же правды в мире сеется для миротворцев.

«Чиста», то есть беспорочна, не привязана ни к чему плотскому. «Не мнительна», то есть не соблюдает разбора в пище и различных омовений. Но об этом подробно рассуждает Павел в Послании к Колоссаем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

(1) Откуда вражда и ссоры среди вас? – не отсюда ли: от удовольствий ваших, воюющих членах ваших?

Апостол показывает, что хотя упомянутые люди присваивают себе звание учителей, однако они совершенно плотские. Они делают много весьма противного, изобретают себе удовольствия: одни ищут пышного стола, что осуждает и Павел, говоря, что такие люди служат не Господу, а своему чреву (**Рим. 16: 18**); другие желают приобрести поместья; иные – богатых домов; иной еще иного, что внушает им лукавый, старающийся лишить их спасения.

(2) Желаете, и не имеете; убиваете и завидуете, и не можете получить; ссоритесь и берете, и не имеете, поскольку не просите.

Здесь убеждает через положение и отрицание. Впрочем, положение умолчано как неприличное. Неприличие в том, что подразумеваемое в положении составляет разжжение похоти, ибо похоть оканчивается исполнением чувственного удовольствия. Убийство и зависть, препирательство и вражда – не добрые дела, почему и не достигают того, к чему стремятся. Нужно, впрочем, знать, что здесь говорится не о плотском убийстве и вражде, ибо это тяжело слышать даже о разбойниках, тем более о верующих (хотя некоторых) и приходящих к Господу. А мне кажется, что убийцами называет тех, которые убивают свои души такими предприятиями, за которые

у них и возникает вражда против благочестия. Так и далее **(ст. 4)** назвал прелюбодеями и прелюбодеицами не тех, конечно, которые таковы на самом деле, но тех, которые грешат против Божественных заповедей, примешивая к ним свои вымыслы, ибо никто не стал бы терпеть учителя блудника, хотя бы сам был грязнее свиньи. Так и о убийствах и войнах говорит не о телесных, но о душевных.

(3) Прóсите, и не получаете, поскольку худо [на] худое просите, чтобы потратить в своих удовольствиях.

Так было с фарисеем, упоминаемым в Евангелии **(Лк. 18: 10-14)**. Чем более перечислял он добродетели свои, тем более заграждал Божественный слух, и высокопарная речь была праздной в устах его и обратилась в пену, как бушующая волна. Но скажет иной: если истинно обещание Господа Иисуса, этого неложного Учителя: «всякий просящий получает» **(Мф. 7: 8)**, – то как же говорит это теперь настоящий апостол? Отвечаем. Для того, кто приступает к молитве должным путем, упомянутое обещание истинно; он не обманется ни в чем просимом. А кто, удалившись от цели преданной молитвы, будет по видимости просить, но просить не так, как должно, тот на самом деле и не просит, а потому и не получит. Представь, например, что учитель грамматики обещает научить грамматическому знанию всякого, приходящего к нему, а пожелавший учиться будет приходить не так, как должно, и не будет напрягать себя к усвоению преподаваемого, почему окажется на деле несоответствие с обещанным. Ужели справедливо кто-нибудь припишет ложь в этом случае самому учителю? Таковой поступит неразумно, ибо желавший учиться приходит не так, как требовал учитель. Как же и чего нужно просить? – скажет иной. Выслушай Самого Того, Кто дал вышеупомянутое обещание: «ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» **(Мф. 6:33)**. Очевидно, кто просит так и преимущественно этого, тот не обманется и в прочем, получение чего не отторгнет его от спасения. А кто просит вредного и пагубного, тому не станет подавать Тот, от Кого «всякое даяние доброе» **(Иак. 1: 17)**. Даже и тот, кто просит знания Божественного или другого какого-нибудь дара духовного, но просит для своих вожделений, не получит, потому что просит худо и на погибель себе, а Бог не подает худого.

(4) Прелюбодеи и прелюбодеицы, не знаете ли, что любовь мира сего – вражда против Бога? Ибо кто захочет быть другом миру, становится врагом Божиим. – Выше апостол лишь слегка обличил некоторых ложных мудрецов, искажающих Божественное Писание и по своей воле в превратном виде употребляющих оное, чтобы иметь повод к своей сладострастной жизни, а это есть не другое какое-нибудь зло, но вид гордости. Теперь же он выступает против них строже и, как бы вопреки своей кротости, употребляет слова укорищенные, называя таких людей прелюбодеями и прелюбодеицами, и делает почти такие обличения: «Скажи-ка мне, легкомысленный, ты хочешь выдавать себя за мудреца? Но откуда в вашей жизни распри и постоянная вражда? Отчего всегдашняя привязанность к настоящему? Отчего непрерывное стремление к удовольствиям настоящей жизни? Это свойственно не мудрецам, но людям простым и склонным к дружбе с миром, что и показывает, что вы прелюбодеи, ибо вы сокрытой внутри Божественной и целомудренной красоте предпочитаете красоту обыкновенную, постыдную и скверную и стремлением к настоящему (материальному, – ред.) воздымаете вражду против Бога. Ужели не знаете, что дружба с миром есть вражда против Бога, удаляющая от любви Божией и показывающая нас врагами Его?»

Миром называет здесь всю вещественную жизнь как матерья тления, приобщающийся которой немедленно становится врагом Бога, ибо при рвении к

бесполезному он небрежно и презрительно относится к предметам Божественным, каковые отношения мы допускаем к людям ненавистным и враждебным для нас. Так как есть два предмета, которыми занимаются люди: Бог и мир – и к каждому из этих двух предметов обращаются с любовью или ненавистью, то коль скоро мы сильно привяжемся к одному, очевидно, явемся нерадящими о другом, ибо внимание производит любовь, а небрежение – ненависть. Итак, кто прилепится к предметам Божественным, тот есть и называется другом Божиим, а кто вознерадел о Боге и возлюбил мир, тот в числе врагов Божиих. Поскольку же все это происходит от надмения и гордости ложных мудрецов, то апостол употребляет еще другое обличение, желая таких людей отрезвить от опьянения и возбудить от усыпления. Он говорит:

(5-6) Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «До ревности любит Дух, Который вселился в нас»? Дает и большую благодать, потому и говорит: Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Здесь употреблена фигура опущения – принятый обычаем оборот сокращенной речи. Апостол как бы так говорит: «Я собственными словами убеждал вас пользоваться своей мудростью правильно и неосужденно, чтобы вы по гордости не злоупотребляли ею, не подделывали и не извращали истинного учения. Если же вы желаете наставления и от Писания, то слушайте: **«Господь гордым противится»**. Если Он **«гордым противится»** (а мы противимся обыкновенно врагам), то, без сомнения, гордые должны быть причислены к врагам, ибо Писание напрасно, без основания или по зависти, не заповедует нам невозможного, но сильно желает, чтобы через его увещания вселилась в нас благодать. Поэтому если вы покорны Писанию, то смиритесь перед Богом и получите благодать через возвышение от Него. Гордость есть надменная до крайности злоба, но отлична от самомнения. Гордость воздымается над подчиненными ей, а самомнение над тем, чего вовсе не существует. Отличается и скромность от смирения. Скромность или смирение, прямо противоположное гордости, есть великое благо. И так как то и другое бывает в нас по нашему произволению, то всякий, возвышающий себя по гордости, осужден уже и уничижается от Господа, тогда как того, кто сам уничижил себя по скромности, Он возвышает в свое время, ибо самое упражнение в смирении возводит приобретшего оное на духовную высоту.

Иначе объясняет святой Кирилл. Если смерть вошла в мир через зависть диавола (**Прем. 2: 24**) и если Христос, по Писанию, вселился во внутреннего нашего человека (**Еф. 3: 16-17**), то вселился для того, чтобы упразднить смерть, происшедшую от зависти. Но Он не только это подает, но и большую благодать. «Я, – говорит Он, – пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (**Ин. 10: 10**). А что Бог вселился в нас по великой любви к нам, это ясно выразил пророк, когда сказал, что «не Ангел и не посредник, но Сам Господь – Тот нас спасет» (**Ис. 33: 22**), по любви к нам и попечению о нас. Как же Спаситель даровал и большую благодать? Низложив клеветника нашего сатану, почему и прибавлено: [Бог] **«гордым противится»**. Ибо как не горд тот, кто возглашает: «и вселенную всю рукою моею захвачу, как гнездо» (**Ис. 10: 14**)?

(7-10) Итак, покоритесь Богу и вопреки диаволу, и отбежит от вас. Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам; очистите руки, грешники, исправьте сердца ваши, двоедушные; сокрушись, и пролейте слезы, и плачьте; смех ваш в плач да обратится, и радость в сетование; смиритесь пред Господом, и вознесет вас.

Двоедушными называет апостол тех, которые не хотят жить однообразно, но постоянно водятся и увлекаются насилием людей, и не живут в Доме Господнем единомысленно, ибо «Бог вселяет единомысленных в Дом» (Пс. 67: 7). А что и жизнь называется душою, это видно из слов пророка: «кожу за кожу, и все, что только имеет человек, даст за душу свою», – то есть за жизнь (Иов. 2: 4).

(11-12) Не клеветите друг на друга, братия; ибо клеветущий на брата или осуждающий брата своего, клеветет на Закон и осуждает Закон; если же Закон осуждаешь, то ты – не исполнитель Закона, но судья. Один есть Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить; ты же кто таков, осуждающий друга?

Апостол знает, что гордость, начиная презрением и злословием, доводит тех, которые наступают на кротких, до совершенного уничтожения. Отвлекая их от этого, он хочет настоящим предложением уцеломудрить их.

«**Осуждает Закон**» значит презирает, ибо осуждающий делает это из презрения. Какой же закон осуждает он? Во-первых, тот, который повелевает: «не судите, и не будете судимы» (Лк. 6: 37). Во-вторых, тот, который высказан в псалме: «тайно клеветущего на ближнего своего я изгонял» (Пс. 100: 5). А так как это происходит от презрения, прибавляет, что если ты судишь Закон, то ты не исполнитель Закона, ибо захочет ли кто жить под властью того, кого презирает? Итак, не располагайся, говорит, уничижать и как бы противоузаконивать, ибо это не простится тебе, потому что один только Законодатель – Бог, могущий «**спасти и погубить**» преступников Своего Закона, ибо наказывать преступников Закона властны Закон и Законодатель, а ты не имеешь ничего более, чем пустословие, и сам навлекаешь на себя приговор осуждения, ибо делая то же самое, что осуждаемый тобой, ты насколько его осуждаешь, настолько осуждаешь и самого себя.

«**Ты же кто таков, осуждающий друга?**» – Говорит уничижительно. Когда ты сам таков, то как смеешь судить подобострастного?

(13) Послушайте ныне, говорящие: сей день или завтра пойдем в такой-то город и проживем там один год, и будем торговать и приобретать прибыль.

Не уничтожает произволение, но показывает, что не все зависит от самого человека – нужна и благодать Свыше, ибо можно бегать, и торговать, и совершать все нужное для жизни, но должно приписывать это не собственным трудам, а только человеколюбию Божию. И Иеремия говорит: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его» (Иер. 10: 23), – и Приточник: «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день» (Притч. 27: 1).

(14) [Вы,] которые не знаете, что завтра случится.

Показывает суетность нашей жизни и пристыждает нас за то, что всю жизнь проводим в суете, что весь труд наш истощается на привременное зло. То же и Давыд говорит: убо образом ходит человек, обаче все мятется (Пс. 38, 7), то есть суетится над тем, что не существует, а представляется как бы в призраке, или над тем, что не самостоятельно, но составляет как бы подобие и изображение истинно преуспевающей жизни.

(14-15) Ибо какова жизнь ваша? ведь она – пар, который ненадолго является, потом же исчезает. Вместо того, чтобы вам говорить: если Господь захочет, и живы будем, то сделаем то или другое.

«Пар» есть темный состав, происходящий от сильного жара и влажности и имеющий самое краткое бытие, ибо по причине крайней тонкости скоро **«исчезает»** от соприкосновения с окружающим, вступая в оное и разлагаясь, подобно тому как небольшая часть влаги в воду. Вот чему уподобил апостол **«жизнь»** нашу, и весьма прилично. Прервав на половине речь этим сравнением, он опять возвращается к ней и продолжает ее. Вот связь ее: «Теперь послушайте вы, говорящие: "Сего дня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год и будем торговать и получать прибыль"; между тем вам следовало бы говорить: "Если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое"».

(16) Ныне же похваляетесь в гордыне вашей; всякая такая похвала есть зло. – Прервав связь речи примером, которым апостол разительнее хотел показать суетность мирских забот, происходящую от гордости, он потом присовокупляет опущенное. Ход речи такой: "Вы, по своей надменности, тщеславитесь. Кто? Вы, которые не знаете, что случится завтра, ибо что такое жизнь ваша..." и так далее. Словами "что такое жизнь ваша?" приготовил он себе путь для этого тонкого предписания; потом прибавляет и самое наставление, делая это весьма кстати. **«Ныне же похваляетесь в гордыне вашей»** – гордый и гордость занимаются ненастоящими предметами, почему и называется «гордый», что значит «живущий в заблуждении или оболыщении». Всякое подобное тщеславие есть зло.

(17) Итак, кто разумеет делать добро и не делает, тому грех.

Опять заводит речь о суетной надменности, которая обыкновенно рождается от гордости, и, как бы заключая речь, говорит, что тщеславие есть зло. Если же оно зло, то происходит, без сомнения, от лукавого. Но тем, которые через святое крещение предали себя Господу, не следует принимать насеваемое лукавым. Прибавляет и сие: **«кто разумеет делать добро и не делает, тому грех»**. Опять вразумляет лжеучителей, чтобы не смели тому учить, чего не исполняют прежде сами, ибо блажен, сказано, не тот, кто научит, но тот, кто сотворит и научит (**Мф. 5: 19**); так как дела должны предшествовать словам, чем и возвещает праведник веру являемую. Ибо «кто, – говорит Господь, – нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей», – то есть тому, над чем сам не трудился, – «тот малейшим наречется... а кто сотворит и научит, тот великим наречется» (**Мф. 5: 19**). Посему и Сам Богочеловек сначала стал «творить», а потом «учить» (**Деян. 1: 1**). Такая, по моему мнению, мысль и в сих словах: «хвалящийся хвались Господом» (**1 Кор. 1: 31**), то есть подобным Господу, в Нем имея учителя и пример. Сходно с тем и Давыд говорит: «О Господе похвалится душа моя» (**Пс. 33: 2**), – не иное что говорит, как сие: желал бы я похвалиться тем, что хожу по заповедям Господним.

ГЛАВА ПЯТАЯ

(1) Придите ныне, богатые, плачьте и рыдайте о лютых бедствиях ваших, находящихся на вас.

Бережливость и скупость богачей нередко заставляет их плакать. Но апостол заставляет их рыдать, то есть сильно плакать о том, что они собирают бо-

гатство свое на истление и не раздают его нищим, ибо богатство не погибает только в том случае, когда издерживают его на бедных. Посему и Приточник говорит: «пошли хлеб твой на поверхность воды» (**Еккл. 11:1**), то есть на мнимое разрушение и тление, ибо так бывает с хлебом, бросаемым на воду. Он (хлеб, отданный бедным, – *ред.*) не погибает, но разложением своим доставляет нам прохлаждение, – прохлаждение тогда, когда язык наш будет мучиться в тамошнем (адском, – *ред.*) пламени.

(2-3) Богатство ваше сгнило, и одежды ваши моль поела. Золото ваше и серебро соржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и поест плоть вашу будто огонь; который вы собрали себе, в последние дни.

Гниение богатства, говорит, съедение одежд молью и ржавчина серебра и золота будут свидетельствовать против вас, обличая вас в том, что вы ничего не подавали. Посему и «**в последние дни**», то есть в пришествие Господне, богатство ваше окажется как бы огнем, собранным на гибель вашу, что и испытал богач, упоминаемый в Евангелии. «**Будто огонь; который вы собрали себе, в последние дни**».– это нужно соединить со словами «**богатство ваше**», чтобы речь имела такой вид: «Богатство ваше, которое вы собрали, как огонь, и на земле тратили на удовольствия и расточали».

(4-5) Вот, плата работников, возделавших ваши поля, удержанная вами, вопиет, и вопли жавших вошли о уши Господа Саваофа. Вы возвеселились на земле и насладились; откармливаете сердца ваши как бы на день заклания.

Это обличение и посрамление начальникам иудейским, которые пасли бедных и пресыщались почестями от всех, но сами готовились на заклание римским властям от рук их, особенно за то, что осудили единственного Праведника – Господа – и убили Его, когда Он «не противоречил, не вопиял» (**ср.: Ис.42:2; 53:1**).

(6) Вы осудили, убили Праведнаго; не противится вам.

Словами «**убили Праведнаго**» апостол, бесспорно, имеет в виду Самого Христа. Однако же, прибавлением **не противится вам** он обобщает речь, простирая ее на прочих, потерпевших от иудеев подобное, и, может быть, пророчески говорит о собственном страдании.

(7) Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия Господня. Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него долго терпит, пока получит дождь ранний и поздний.

Осудив роскошь начальников иудейских и жестокость их в отношении к бедным, апостол обращает речь к верным и говорит: братия! не соблазняйте при виде сего и не унывайте, будто бы не будет отмщения. Говорит о нашествии римлян и о пленении ими иудеев, которое и называет пришествием Господним, подобно как и приклонившийся к груди Господа Иоанн, когда говорит о своей кончине, представляет Самого Господа говорящим: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду» (**Ин. 21, 22**), ибо здешняя жизнь его простиралась до взятия Иеросалима и немного далее. А что «пришествие Господне» как здесь, так и у Иоанна означает истребление Иеросалима, это вид-

но и из слов пророка: «Вот, Он идет, говорит Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его» (**Мал. 3: 1-2**), то есть когда пришествие Божие наведет наказание на нечестивых. Иоанн Златоуст в некоторых своих толкованиях, когда разбирает слова «пока приду», видит в них так же указание на разрушение Иерусалима и подтверждает это молитвой трех отроков, которые говорят: «Так да будет жертва наша пред Тобою ныне, и да станет совершенной по Тебе» (**Дан. 3, 40**). При сем он говорит, что значит «по Тебе»: после того как пройдет гнев Твой. А когда он пришел? Когда Навуходоносор разрушил Иерусалим. Это о слове пришествия. Некоторые же из отцов говорят и то, что долготерпением апостол называет здесь сносливость по отношению друг к другу, а терпением – сносливость по отношению к внешним, ибо человек долготерпелив к тому, кому может и мстить, а кому не может мстить, от того терпит. Посему о Боге никогда не употребляется слово «терпение», но «долготерпение», а о людях – «терпение». **«Для него долготерпит, пока получит дождь ранний и поздний»** – дождем ранним означает слезное покаяние в молодости, а поздним – в старости. Все же зависит от человеколюбия Божия, почему говорит: «пока получит».

(8-12) Долготерпите же и вы, утвердите сердца ваши, ибо пришествие Господне приблизилось. Не вздыхайте друг против друга, братья, да не будете осуждены; вот, Судия пред дверьми стоит. Примите пример, братья мои, злострадания и долготерпения – пророков, которые говорили именем Господним. Вот, мы ублажаем терпящих. О терпении Иова вы слышали и конец [его страдания от] Господа видели, ибо многомилостив Он и щедр. Прежде же всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землею, ни иною какою клятвою; да будет же у вас: «да» – да и «нет» – нет, да не впадете в лицемерие.

Утверждение ваше пусть будет твердо в твердом и отрицание ваше пусть будет такое же. Иначе: пусть свидетельство вашей жизни будет тверже клятвы. Если кто-нибудь бесстыдный, не уважая вашей жизни, настоятельно будет требовать от вас клятвы, то вместо клятвы пусть будет у вас «да, да» и «нет, нет».

«Прежде же всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землею, ни иною какою клятвою; да будет же у вас: «да» – да и «нет» – нет, да не впадете в лицемерие» – лицемерием называет или то осуждение, которое постигнет нещадно клянувшихся и от привычки к клятве доходящих до клятвопреступления, или и самое лицемерие, которое иное есть и иным кажется. Каким же образом клянущийся впадет в лицемерие? Следующим: как клянущийся, он признается утверждающим истину, а когда последует преступление клятвы, он оказывается сущим лжецом. Клясться Богом апостол запрещает во избежание клятвопреступления, а небом и прочими предметами – для того, чтобы им не усвоить чести Божеской, ибо все клянущиеся клянутся высшим (**Евр. 6: 16**).

Но скажет иной: что делать, если иного принуждают клясться? Отвечаем: страх Божий сильнее насилия принуждающего. Иной, имея в виду Ветхий Закон, будет и так недоумевать: если Ветхий Закон одобряет клянущегося именем Господним, то как возбраняет делать это благодать? Отвечаем: Ветхий Закон повелел иудеям клясться Богом, чтобы отвратить их от клятвы идолами, подобно тому как повелел он им приносить жертвы Богу, чтобы отвлечь их от принесения жертв идолам. Но когда Он достаточно научил иудеев благочестию, тогда отменил и жертвы, как бесполезные, стал требовать в жертву не заклятия животных, но души сокрушенной. Какой же это? Такой, которая через смирение

вся сожигается огнем любви, подобно Павлу, который в высшей степени воспламенялся, когда некоторые из верных соблазнялись (**2 Кор. 11: 29**).

(13-14) Злостраждет ли кто среди вас? – да творит молитву; благодушествует ли кто? – да поет¹. Болеет ли кто среди вас? – да призовет священников церковных, и да сотворят молитву над ним, помазав его маслом во имя Господне.

Злостраданию пусть сопутствует молитва, чтобы для искушаемого легче был выход из искушений. Потом, когда волнения наши через молитву умолкнут и душа достигнет свойственного ей состояния, тогда пусть поет, чтобы блаженство ее приумножилось, ибо пение псалмов, по словам Василия Великого, производит мирное и беспечальное состояние души. Кто не достиг такого состояния, которое Давыд называет святостью, побуждая святых петь Господу (**Пс. 29: 5**), молитва того долго бывает пустословием.

(15) И молитва веры спасет больного, и восставит его Господь; и если бы грехи сотворил, отпустятся ему.

Это апостолы совершали уже и в то время, когда Господь жил еще между людьми: они помазывали больных елеем (**Мк. 6: 13**).

(16-18) Итак, исповедайте друг другу согрешения и молитесь друг за друга, чтобы вам исцелиться; ибо много может молитва праведного, получающая содействие. Илия был человек, подобострастный нам, и молитвою помолился, да не будет дождя, и не было дождя по земле три года и шесть месяцев; и снова помолился, и небо дало дождь, и земля произвела плоды свои.

Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда и тот, за кого он молится, содействует его молитве душевной скорбью, ибо если тогда, когда за нас молятся другие, сами мы проводим время в роскоши, неге и невоздержании, то мы через это ослабляем силу молитвы подвизающегося за нас, и сбывается на нас слово блаженного Петра: «Когда один строит, а другой разрушает, то что они получают для себя кроме утомления» (**Сир. 34: 23**).

(19-20) Братия, если кто среди вас заблудится от пути Истины, и обратит кто его, пусть знает, что обративший грешника от заблуждения пути его, спасет душу от смерти и покроет множество грехов.

То же говорит и Иеремия: «Если произведешь драгоценное из недостойного, будешь как уста Мои» (**Иер. 15: 19**), ибо всякий, возвещающий слова Божий, бывает устами Божиими. Ибо что говорит? «Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (**Мф. 10: 20**). Поэтому-то через Давыда и воспрещает Он грешнику поведать оправдания Его (**Пс. 49: 16**).

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

¹ В некоторых списках: «Да поет псалмы» (*Ред.*).

Епископ Михаил (Семенов).

Лёгкая заповедь

Михаил (Семёнов), старообрядческий епископ Канадский.
Фото нач. XX в.

«Как хотите, чтобы с вами поступали люди, и вы поступайте с ними так же» (Лк. 6, 31)

Христианину нашего времени должно быть стыдно и даже странно читать ту главу Евангелия Луки, в которой говорится: «Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас... давайте займы, не ожидая ничего... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если займы даете тем, от которых надеетесь получить, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же»... (Лк. 6,35; 32-34)

Читая эти строки, приходится сказать: не лучше ли бы христианам остаться язычниками? Язычники любили любящих их... Они дают займы, надеясь получить столько же. А христиане? По словам Златоуста, они носят имя христиан в поношение и язычникам именно потому, что хуже их.

«Когда язычник увидит, что тот, кому заповедано любить и врагов, обращается как с дикими зверями с одноплеменниками, не назовет ли он

наши ("христианские") слова пустыми бреднями» (Беседа 72 на Ев. Иоанна, т.8, стр.485, изд. Спб.дух. акад.)

«Язычники видят нашу порочную жизнь, видят, что мы столь же пристрастны к деньгам, как и они и даже еще больше, пред смертью так же, как они, трепещем, боимся бедности, одинаково любим власть и силу, – ради чего они станут веровать? Ради жизни праведной? Но она погибла. Ради любви? Но её и следа нигде не видно».

У нас все же есть преимущество перед язычниками: это – вера наша, догма, истина церковная...

Но тот же Златоуст указывает, что догмы мертвы без дела, соответствующего догме.

«Будем хранить догмы и вместе и жизнь вести такую, чтобы она свидетельствовала о догматах, и догматы сообщили жизни твердость» (Беседа 13 на книгу Бытия).

Но мы мало того, что не храним заветов Христа, мы переделываем их, уменьшаем, выдумываем законы полегче, поудобнее, которых Господь не давал. Господь требует чистоты тела, мысли, совершенства духа, а мы уверяем, что это для тех, кто избрал «высшие пути совершенства», для монахов. Как будто есть какая-то особая мораль для христиан «побольше» и христиан «поменьше», и не всем сказано: «Будьте совершенны, как Отец Мой совершен»... Мало того, что мы не исполняем заповедей Божиих, – мы уверяем себя, что и не обязаны их исполнять.

Но, может быть, заповеди Христа слишком тяжелы, не переносимы?

Нет, «заповеди Его тяжки не суть». Что может быть проще и естественнее этой заповеди: «Не делай другому того, что для себя не хочешь».

«Что тягостного заповедал Христос? Горы рассекать? – спрашивает Златоуст. – Переплыть Тирренское море? Летать по воздуху? Нет. Заповедано самое легкое, естественное... Именно закон любви, а не закон борьбы звериной естествен и, значит, лёгок для человека. Что трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти, никого не злословь: противное гораздо тяжелее».

«Любить ближнего, как самого себя. Что может легче этого? Ненавидеть тяжело и сопряжено с беспокойством: а любить — легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: "вы, люди, любите зверей", – такая заповедь была бы трудна; но когда Он заповедал любить людей же, к чему и однородность, и единство происхождения, и естественное влечение служат великим побуждением, то какая здесь может быть трудность? Это бывает и у львов, и у волков, и их родство природы располагает ко взаимной приязни.» **(Беседы на псалмы, т.5, ст.38.)**

Не Христос, а «мир», дьявол, страсти дают нам тяжелые заповеди и однако мы их-то и принимаем в закон себе. "Ни один господин, как бы жесток он ни был, не даст таких строгих и жестоких повелений, как страсти. Посрами свою душу, – говорят они, – без нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай природы; будет ли это отец или мать, отложи всякий стыд, восстань против них. Таковы повеления сребролюбия. Приноси мне в жертву, – говорит оно, – не тельцов, а людей... приноси в жертву не сделавших никакой неправды, убей и того, кто окажет тебе благодеяние. И опять: будь враждебен ко всем, будь общим врагом всех – и самой природы, и Бога... Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но если возможно, сними с него даже самую кожу... Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и постыдным... преступным и бесчестным, неблагодарным и бесчувственным, безжалостным... больше зверем, нежели человеком. Разве не это вещает оно? И мы слушаем его.

Но Бог дает противоположные заповеди. Будь дружен со всеми, будь кроток, всеми любим, никого напрасно не оскорбляй, чти отца, чти мать, помогай нуждающимся, не будь дерзким, ни наглым. Нет никого, кто бы слушался этого, но естественно ли это? Законно ли это? Не значит ли это налагать на себя бремена тяжелые и неудобноносимые, «раны и язвы» вместо того, чтобы мирно и счастливо идти в «ярме» под игом легких заповедей Христовых?

«Иго» Христово, благое, лёгкое само по себе, делается ещё легче тем, что Сам Господь идет рядом с нами и на Свои плечи принимает часть «ярма», помогает нам идти по крутым горам жизни.

А мы предпочитаем лёгким заповедям тяжелое бремя заповедей мира сего.

«Но доколе так будет? – спрашивает Златоуст. – До каких пор мы вместо светлого Христова пути будем блуждать по стремнинам? До каких пор будем ходить по терниям? Мы подчиняемся жестоким мучителям и отвращаемся от милосердного Владыки, Который ничего не говорит оскорбительного, ни грубого, ни жестокого, ни неразумного, но заповедует все нужное, прибыльное и доставляющее нам великую пользу» **(Беседа 18, I Тим., т.10, стр.753-755)**

Журнал "Церковь", 1912. № 43

Михаил (Семенов), епископ.

Тайна страдания

Трогательна и скорбна история Иова. Не без причины его назвали много-страдальным. Жила большая, дружная и любящая семья. Жила богато и счастливо. И вдруг «подул ветер», и все дети похоронены под развалинами дома. А богатство волей Божией оказалось рассеянным тоже по ветру.

Как известно, Иов «не даде безумия Богу», т.е. не возроптал. «Бог дал – Бог и взял», – говорил Иов. Но даже и он не понимал смысла постигшего его испытания, что это искушение должно бы еще более укрепить его душу и сделать достойным милости Божией...

А мы? Мы, не имея «терпения Иовля», часто безумно ропщем, обвиняя Господа в наших несчастиях и бедах. Часто говорим: «Зачем это испытание? Зачем Бог отнял у меня сына? Зачем послал мне болезнь? Зачем заставил меня нуждаться?»

Зачем? А затем, что страдание для человека то же, что гроза для воздуха: оно очищает и поднимает душу...

Оно её растит и формирует.

Рассказывают об одном знаменитом художнике. Высоко на лесах он расписывал стены какого-то дворца. Он только что кончил очень удавшуюся ему картину и отошел от нее полюбоваться своим созданием. Увлечшись, он забыл, что он на 10 сажень над землей и, пятясь назад, все ближе и ближе подходил к краю лесов.

Товарищ, увидев, какой опасности подвергается его друг, не знал, что делать. Крикнуть – тот обернется и упадет на каменные плиты. Остановить? Поздно. Тогда он бросил палитру с красками в только что оконченную фреску. Художник с криком ужаса кинулся к испорченной картине и был спасен.

Спрашивается, что едва не погубило жизнь художника?

Увлечение своим творением, которое заставило забыть обо всем, — об опасности падения.

Влюбленность в свое детище.

Точно так же нас радости жизни, счастье семьи, жизненные успехи иногда могут до того брать в свою власть, что мы забываем обо всем: и о душе, и о Боге, и об опасности служения кумирам мира.

И вот Господь, желая оторвать нас от этой опасности, напомнить нам о том, что есть кое-что кроме наших здешних привязанностей, и отнимает у нас самое дорогое для нас.

Разбивает идолов, которым мы служим.

Валтасар забыл и о Боге, и о народе своем. Он пиршествовал посреди

своего дворца, в то время, как враги осаждали город, и граждане города умирали от голода и жажды. И вот на стене дворца в самый разгар пира появляется огненная надпись: «Мене, текел, фарес». Приговор осуждения и гибели.

Мы – среди пира жизни, среди забот и суеты забываем о душе, о ее нуждах, голоде и жажде. Забываем и о ближних наших, их нужде и бедах. И вот таким же «мене, текел, фарес» раздался посылаемый Богом удар.

Несчастье... Лишение самого для нас дорогого – детей, богатства.

Горе – это голос Божий, вызывающий душу из усыпления. Оно разрушает наши человеческие постройки и планы, дабы внушить нам строить прежде всего дело Божие и Его воле вручить нашу земную жизнь.

Но вот, Иов, скажете вы, не забывал Бога? Да, но и его не забывал Бог. Он через испытания сделал его сильнее и крепче, умудрил его душу и приблизил к себе...

Вспоминаю слова поэта: «Ты, страдание, производишь истинных людей». «Ничто не возвышает нас так, как великое страдание».

Итак, зачем счастье всегда уходит? И зачем страдание никогда не перестает?

Чтобы нас отполировать. Чтобы сгладить трением все наши шероховатости.

Невидимая нежная рука воспитателя Господа руководит душою там, где необходимо исправить и возбудить жизнь. С какою умною настойчивостью страдание оказывает свое воздействие на человеческое сердце, и какие удивительные оно производит чудеса! Оно действует почти как таинство, какою-то невыразимую внутреннюю силою. Буйный, властный, себялюбивый человек становится приветлив с тех пор, как его коснулось страдание!

Молодой человек, бесстрашный в своей хуле на Бога, нечувствительный ко всякому духовному озарению, погруженный в рассеянность своих страстей, – как только страдание коснется его, почувствует, что страсти утихли, как упавший ветер. Очаг зла погас. Его нечистые мечты рассеялись. От прикосновения страдания все, что составляло, если он был христианин, стыд его души, его отчаяние, – улеглось. Да, страдание – великая Божия милость.

В неделю 20-ю: поучение святого Кирилла Философа об исходе души от тела и о мытарствах.

Поскольку эта тайна не всем открыта, то многим людям неизвестна, как сказал Кирилл Философ: мы не ради того были созданы, чтобы есть и пить, и в многообразные одежды наряжаться, – но чтобы угодить Богу и будущие блага получить. Но поскольку не изучаем Божественных писаний, из-за того заблудились с истинного пути. Поразмыслим: как мы зачались в материнской утробе, и как Бог вдохнул в нас живую душу и вывел на свет, и увенчал нас славою и честью. Ибо когда младенец рождается и принимает Крещение, тогда посылается к нему от Бога Ангел для сохранения его в человеческой жизни. А лукавого сатаны аггел [дьявол] отгоняется святым Крещением.

Когда же в разум младенец приходит, и начинает понимать добро и зло, тогда приближается аггел сатанин, поучая его на злые дела. И если, не внимая этому, начнет пребывать в правде, то принимает над ним старейшинство Ангел Божий – и сохраняет его от всякого дьявольского лукавства днём и ночью, и имеет та душа совет со Ангелом, и записывает Ангел все её добрые дела, от юности и до старости. Но когда человек начнет в злых делах пребывать, тогда принимает лукавый аггел сатанин власть и старейшинство над таким челове-

ком, и ходит следом за ним, записывая все его грехи, ночные и дневные, – Ангел же Господень плачет о таком человеке. Если же покается, то снова принимает старейшинство и власть Ангел Божий, а аггел сатанин удаляется со злобою.

Многие же люди не верят и почитают ложью, что во время смерти, когда исходит душа из тела, человеческие души испытываются. Но так поставил Бог три испытания каждому человеку. Первое испытание: когда должна душа различиться от тела, прежде приходят бесы и представляют ей все злые дела, какие она сотворила – от юности и до старости, открывая рукописные свитки. И начинают они обличать душу, показывая все ее грехи, какими согрешила она во всей своей жизни, говоря ей: «Ты забыла, чем согрешила в житии своем, но мы не забыли, а записали это ясно!»

И после этого появляются два Божиих Ангела, посланные от Бога за душою. Когда же их душа увидит, сильно ужаснется, и облик и вся красота лица изменится, руки и ноги отнимутся, и слух с ними, и язык заградится молчанием, и взгляд очей изменится, и будет весь уныл и скорбен. И потом явится смерть – и так со страшную бедою выйдет душа из тела и встанет, удерживаемая, видя свое тело – как если бы кто снял свою одежду и стоял, глядя на нее, так встанет душа, глядя на свое тело, из которого вышла, и жалобно кидая взгляды на Ангелов, видя пред собою все дела свои, и злые, и добрые, как бы взвешиваемые на весах.

И потом несут душу на воздух, ко второму испытанию – к двадцати мытарствам, поставленным Богом на воздухе перед вратами Небесными для испытания каждой души, исходящей из тела и грядущей к Небу.

Первое мытарство — обогания: сколько кого обогавшими окажемся мы.

Второе мытарство — оклеветания, сколько мы кого оклеветали, от юности и до старости.

Третье мытарство — зависти.

Четвертое мытарство — лжи.

Пятое мытарство — зависти и гнева.

Шестое мытарство — гордости.

Седьмое мытарство — бусловия и срамословия, и безстыдных слов, и плясания в пиру.

Восьмое мытарство — лихоимства и грабления, и насилия, и взяточничества.

Девятое мытарство — тщеславия, ради похвали и славы человеческой.

Десятое мытарство — златолюбия и сребролюбия.

Одиннадцатое мытарство — пьянства и запойства.

Двенадцатое мытарство — злопамятности — когда говорит кто-то: «Не забуду и до смерти!»

Тринадцатое мытарство — волхвования, колдовства и чародейства.

Четырнадцатое мытарство — объедения и раннего едения, и полуденного едения, и тайноедения.

Пятнадцатое мытарство — всякой ереси, и если кто верит [в приметы] – во встречу и в чихание, и в спотыкание, и в птичий крик, и в гадание: и кто [языческие] басни рассказывают, и на гусях играют.

Шестнадцатое мытарство — прелюбодеяния: если мужья блуд творят от жен своих, а жены — от своих мужей.

Семнадцатое мытарство — разбоя и убийства, и [нанесения] всякой раны, и рвания за волосы, [и биения] до крови.

Восемнадцатое мытарство — воровства и всякого крадения.

Девятнадцатое мытарство — всякого блуда: со скотом, и с мужским полом, и с блудницами, и ручной блуд.

Двадцатое мытарство — немилосердия и скупости: и здесь обличают

душу бесы, если мы когда брату досадили, или нищему, или кого из дома изгнали, или кому угрожали – то обличают нас бесы и переспоривают. Ибо даже если мы все заповеди Божии сохраним, но немилостивы будем к нищим, и немилосердны к рабам и рабыням, не подавая им достаточных пищи и одежды, но делом насилуя или какими-либо бедами, – то обо всем этом у врат Небесных будет душа испытываться и истязаться от воздушных бесов.

И если душа имеет добрые дела и истинное покаяние, то откупаясь теми, пройдёт все мытарства и потом радуясь войдет во врата Небесные, избавившись от злых воздушных бесов. И встречают её другие Божие Ангелы, посылаемые за иными душами человеческими, и веселятся о ней и радуются, что она убежала от лукавых бесов, и обнимая любезно целуют её. И потом приносится та душа ко престолу Вседержителя Бога и поклоняется подножию ног Господа Бога. И повелевает Он предать ее архангелу

Михаилу, говоря: «Ведите эту душу и покажите ей обители святых и Небесные райские чертоги и души праведных; и покажите ей во аде и в бездне мучки, приготовленные на мучение грешным, которые будут в день Великого Суда».

И прежде носят ту душу по Небу и показывают ей обители святых и райские дворы, и Небесные палаты, и город Вышний Иерусалим, который создал Сам Господь после Вознесения на Небеса. И потом несут душу в рай к праведным душам. И души праведных выходят и встречают ее, обнимая и с любовью целуя.

И потом ведут её во адскую пропасть, где заключены души грешных от века, и показывают ей все муки, устроенные далеко на западе.

И обходит праведная душа все эти места за сорок дней, и потом вносят её в рай, на место покоя, до последнего воскресения мертвых, когда души всех праведных и грешных войдут в свои тела и предстанут пред Богом в День Судный.

А когда душа грешного исходит из тела, предстают пред ней лукавые бесы и представляют ей все ее согрешения, которые она сотворила от юности и до старости – все написанные в свитках, – и начинают обличать её; и невозможно будет отпереться от них, ибо все ясно написано будет: когда как мы согрешили, в какой год, или в какое время и месяц, или в какой день и час, или в какие праздники, или до обеда, или после обеда, или днем, или ночью.

Но если кто исповедал отцу своему духовному и снова не возвратился к грехам, то [записи о] его согрешениях оказываются стёрты, ибо стирает их Святой Дух. Бесы же, зная, что истинным покаянием стираются грехи, скорбят, не поймав такового.

Если же кто утаил что из своих грехов и не исповедал отцу своему духовному, то не стираются грехи в свитках. Но если и исповедал отцу своему, а отец не наказал и не положил епитимии за эти грехи, и не обуздал, чтобы он не делал зла, – таковые оба получают безконечную мучку: ибо отец его духовный, зная грехи его, не положил ему заповеди, – а тот, также зная свои грехи, нашел себе отца послабляющего и ему исповедался, – потому оба осудятся.

И потом хватают душу лукавые бесы и люто избивают, не допуская подняться и до первого мытарства, но затворяется она во аде, во тьме и тени смерти, где держатся души грешных от века, и плачут, ожидая Судного Дня.

Но возвратимся к вышесказанному. Многие соблазнились, говоря, что уже нет святых на земле, и говоря так, многие заблудились и погибли, и других многих ввели в расслабление – тех, которые, слушая их и глядя на них, сбились с пути Истины и заблудились, послушав таковых невежд, ибо незнание – тяжкое согрешение.

Послушайте, братья, и вникните в сказанное Господом во Евангелии: «Истинно говорю вам: род этот не закончится, пока всё не совершится. Небо и земля пройдут, а слова Мои не могут ни пройти, ни измениться». Передавая это, евангелист говорит о святых, что род этот не пройдет и не оскудеет, то есть праведные и святые не оскудеют до скончания мира. И Матфей евангелист свидетельствует так же, и Иоанн Богослов о том же извещает, и Павел апостол говорит: «Ибо мы не все умрем, но все изменимся вскоре, во мгновении ока, в последней трубе». Толкование. Когда все люди умрут, тогда останутся многие праведные живы, не разлучатся их души от тел, хранимые Богом. Об этом, что должно быть, предрекли многие.

И если кто захочет убедиться, что уже приближается конец миру и мало остается нашей жизни и века, то да вникнет в то, что сказал Господь (**Мф., зач. 98**): Когда будет кончина миру, тогда восстанет царство на царство, и народ на народ, и страна на страну, царь на царя, и князь на князя, епископ на епископа, и брат на брата. И будут землетрясения и голод, и погибель по местам: все же это – начало болезней. При окончании же времени жизни, когда останутся три с половиною года, будет царство антихриста. По окончании же царства его солнце померкнет, и луна не даст света своего, небеса совьются, и звезды спадут. И тогда увидят Сына Божия, грядущего с силою и славою великою судить живым и мертвым и воздать каждому по делам его.

И пошлет Господь Архангелов своих Михаила и Гавриила, и вострубят. И от концов земли во мгновение ока воскреснут мертвые. Праведные же воскреснут прежде, по добродетели их светлыми. После же и грешники – по злым их делам потемнённые.

И потом потечет огненная река от востока до запада, сжигая горы и камни, и деревья, и высушивая море. Небо же совьется, как свиток, и вся видимая тварь от ярости огня, словно воск, растает и сгорит, кроме человека. И сквозь этот огонь должен будет пройти весь человеческий род, и негде будет скрыться, но будет тогда скорбь и болезнь, более же всего грешным и не покаявшимся, и никогда не заботившимся о душах своих, но только в великой праздности, в питье и пище, в блуде и в прелюбодеянии и в прочих злых делах жизнь свою потратившим. Потому явится им ярость Божия на отмщение: праведным же явится прохлада, как трем отрокам в печи, а грешным – огонь. Но никто не безгрешен – только Один Бог без греха, Который воспринял плоть ради нашего спасения. Но этим огнём будут испытаны все люди, и как золото в горне очистившись, тела праведных просветятся, как солнце; грешных же – опалятся и потемнеют. Это – третье и последнее испытание.

Река же та огненная повелением Божиим отойдет к западу и превратиться в огненное озеро – на мучение грешным. И потом будет земля ровной, как была изначала, и белой ярче снега. И снова взойдут из неё трава и многочисленные цветы, и деревья – не такие, как видим здесь, но высотой и величию предивные, и невозможно об этом рассказать устами человеческими, ибо это – духовное.

Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь.

Месяца марта в 28-й день: Слово о некоем воине по имени Таксиоте, воскресшем из мертвых.

Не умолчу о благодати Божией, бывшей на роде человеческом. Не обманывает Сказавший: «Не хочу смерти грешнику, но чтобы он обратился и жив был». В Африкийском городе Карфагене был некий муж по имени Таксиот. Пребывал он во многих грехах. Был тогда мор в Карфагене, и многие умирали, тогда Таксиот опомнился и обратился на покаяние, вышел из города со своей женой и стал жить в деревне в безмолвии. А диавол, завидуя спасению человека подтолкнул его к прелюбодеянию с женой одного из своих крестьян, жившего в той же деревне. И через несколько дней после этого прелюбодеяния его ужалила змея и он умер. Недалеко от той деревни был монастырь, и побежала туда его жена и упросила чернецов, и те пришли, взяли его и похоронили в церкви в третий час. А в девятый час дня услышали от гробницы вопль: «Помилуйте меня!». Подойдя к гробнице, они услышали, что кричит тот самый человек. Они поспешили достать его из гробницы и стали расспрашивать его, желая узнать, что с ним было. Таксиот ничего не мог ничего рассказать от рыданий. Он только попросил их, чтобы отвели его к рабу Божию Тарасию епископу, а тот в течение трёх дней пытался выпросить у него, что он там видел. И только на четвёртый день он со слезами заговорил:

«Когда я умирал, отцы и братия, то видел каких-то эфиопов возле себя. Вид их был очень страшен, и увидев их, душа моя терзалась. И увидев двоих прекрасных юношей, бросилась душа моя к ним в руки. И тут же мы полетели от земли по воздуху. И попали мы в мытарства, лежащие на пути восходящих душ. Душа каждого человека останавливается в этих мытарствах и спрашивают её в каждом мытарстве о том или ином её грехе: в одном о лжи, в другом о зависти, в ином о величании... И о каждом из грехов спрашивают свои испытующие. И увидел я у ангелов шкатулку со всеми моими добрыми делами, которые ангелы вынимали и сравнивали в весах со злыми моими делами. И так мы прошли до Врат Небесных, где блудное мытарство. Тут задержали меня и достали все мои блудные дела, которые сотворил за всю мою жизнь с двухлетнего возраста. Говорят водившие меня ангелы: «Все телесные грехи, что ты соделал в городе, Бог простил тебе, потому что ты покаялся». И тут говорят мои противники: «Но после отъезда из города в деревне ты соблудил с женой своего соседа». Ангелы слышали это, но не нашли добрых дел, которые можно было бы положить на другую чашу весов. И, оставив меня, он удалились.

Тут лукавые духи стали бить меня и потащили вниз. Земля расступилась и я спустился как будто узкими сквозь смрадные скалы к преисподней темнице ада, где заперты души грешных в земле вечной тьмы, где нет людям жизни, но мука вечная, плач неутешимый и неописуемый скрежет зубов. Там непрестанно вопят и говорят: «Горе нам! О горе!». И нет слов, чтобы описать ту беду, нельзя передать боль тех, кого я видел. Стонут от сердца, и никто их не помилует. Плачут, и нет утешающего их. Молятся, и нет ни избавляющего их, ни помогающего им. С ними и меня заперли в том тёмном и тесном месте. И оставался я там, плача, от третьего часа до девятого.

И увидел я пришедших туда двоих ангелов и взмолился, чтобы забрали меня из этого страшного места, чтобы я покаялся перед Богом. И они сказали: «Напрасно просишь, потому что никто отсюда не выйдет, доколе не будет всем воскресение». А я сильно молился и обещал покаяться. И говорит один другому: «Поручишься за него, что покается от всего сердца?». И говорит другой ангел: «Поручаюсь». И увидел я, что поручившийся ангел дал другому руку.

Тогда, взяв меня, вывели оттуда на землю в гробницу к моему телу и сказали мне: «Войди туда, откуда вышел». И увидел я своё душевное естество светящимся, как жемчуг, а тело мертвым, чёрным и смердящим, как тина, и гнушался войти в него. И сказали мне ангелы: «Нельзя тебе покаяться, кроме как в том теле, в котором согрешил». А я взмолился, чтобы мне не входить в тело. Они тогда сказали мне: «Если нет, то поведём тебя снова в то место, откуда взяли». Тогда я вошёл в тело и стал устами своими вопить: «Помилуйте меня!». И вывели меня из гробницы.»

И сказал ему великий Тарасий: «Поешь пищи». И он не хотел. И ходил он от церкви к церкви падая на лицо своё и исповедуясь Богу и говоря со слезами: «Горе согрешающим, потому что мука вечная ждёт их. Горе не кающимся, пока есть время. Горе оскверняющим своё тело!» Так провёл он сорок дней и отошёл чистым к Богу, узнав за три дня время своего отшествия. Видевшие это отцы заслуживают доверия – они-то и поведали нам это ради нашего спасения.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Климент Швецов

Хвалынская старообрядческая община².

Хвалынск. Гравюра нач. XX в.

Как в первой половине прошлого XIX столетия Вольск был столицей поволжского старообрядчества, так во второй половине того же столетия роль столицы переходит уж в Хвалынск. Главное значение в таком перемещении имели Черемшанские скиты, которые после разорения Иргизских монастырей заняли их место. На Черемшане жили старообрядческие архиереи, и здесь, в силу этого, сосредоточивалась духовная власть и отсюда исходили её распоряжения. Это – на Черемшане. А Черемшан с Хвалынском связан неразрывно. Когда «зашло солнце благочестия на Иргизе» и когда начальство с особенным рвением приводило старообрядчество в Саратове, Вольске и на Иргизе «к одному знаменателю», тогда оно и воссияло среди белых гор, под сенью глухих лесов и густых садов на Черемшане, лежащем в 5 верстах от Хвалынска.

¹ Сотрудник Старообрядческого учительского института в Москве. (Ред.).

² Церковь. – М., 1910. – № 45. Сс. 1117–1119.

Хвалы́нск. Общий вид с реки Волги. *Фото 1894 г.*

Хвалы́нск, ныне уездный город Саратовской губернии, лежащий на самом берегу Волги, переименован в город из села Соснового Острова, основанного, по преданию, самим митрополитом Алексѣем Московским, проезжавшим по Волге в Орду. Это был один из старейших пунктов колонизации Среднего Поволжья.

Сосновый Остров лежал, действительно, на острове, теперь давно уж смытом волнами Волги, на котором жителям удобнее было защищаться от нападений диких кочующих орд и разбойничьих шаек гулящих людей.

Старообрядчество было там всегда.

Во времена тяжких и лютых гонений люди во множестве бежали на Волгу и в степи; много таких беглецов направлялось в Сосновый Остров и в близлежащие леса и горы. При Петре I ещё в соседнем селе Сосновой Мазе жила благочестивая женщина Екатерина Дементьевна Мыльниковая, управлявшая целой округой. Она была очень богата, владела большой площадью земли, вела обширную меновую торговлю с кочевниками, давая им хлеб и продукты земледелия и получая взамен скот и шерсть; её струги с мукой и хлебом спускались вниз по Волге до Астрахани. Это была одна из тех замечательных русских женщин, которых дало старообрядчество. Была она ревностная старообрядка и давала радушный приём всем беглецам из центра.

Сохранилось известие об одном из таких беглецов, вышедшем из Гуслиц под Москвой, — старце Карпе, пришедшем сюда ради спасения души. Спустя несколько лет к нему пришёл племянник его Кузьма Михайлович, ушедший из центра, как говорят, из нежелания стричь бороду. Кузьма Михайлович поступил на службу все к той же Мыльниковой, сначала в качестве уставщика, а потом приказчика и доверенного. Ум и энергию его Мыльникова оценила справедливо и выдала за него свою дочь. Кузьма Михайлович делается, таким образом, родоначальником Кузьминых, много потрудившихся на пользу старообрядчества в Поволжье. Он же был первым городским головой города Хвалы́нска. Старианиями Кузьмы Михайловича и на средства Мыльниковой, переселившихся окончательно в Хвалы́нск, там в 1814 г. была устроена церковь с алтарём, трапезной, колокольной. Церковь покроена была «на месте, предназначенном по Высочайше подтвержденному плану для православного храма». Была она «из цельных сосновых брусев и крыта тёсом»; была не оштукатурена и не выкра-

шена. «Кругом её сделан навес на столбах, это — паперть. С одной стороны она обнесена оградой с флигелем и дворовыми строениями; при ней крестильня, четыре кельи и сторожка, — тут жило до двадцати человек чтецов и певцов с женами и детьми».

Разгром монастырей на Иргизе и общие гонения старообрядцев на Волге сказались и в Хвалынске. Храм был запечатан, и уж в 1841 г. с требами ездили в Вольск, где священник держался дольше, чем в других местах. Потом с церкви спилили крест, который и продали старообрядцу Буянову. Колокола были разобраны прихожанами-старообрядцами. Несколько колоколов и теперь ещё лежат в кладовой Кузьминых. Это было в 1849 г. Теперь на месте старообрядческого храма стоит деревянная единоверческая церковь.

В это время началось и в Хвалынске то же самое, что и в других местностях происходило: ловили священников, отбирали книги, иконы, богослужебные принадлежности, молились прикровенно, с большими предосторожностями, ибо полиция зорко следила. Старухи-инокини молились на дворе у Кузьминых тайно. Была полотняная церковь. Перед большими праздниками от бдительности полиции и духовенства откупались взятками и даяниями. Много иноков и инокинь ютилось в глухих хуторах хвалынских богачей. И там, тайно, с опаской, совершались молитвословия и проповедовалось слово Божие. Но тайное не оставалось тайным, ибо во время гонений старообрядчество укреплялось и росло.

Принятие, после долгих и шумных распрей и споров, Белокриницкой иерархии всё старообрядческое общество разделило на две неравные части: меньшую — Белокриницкого священства, и большую — священства, переходящего от господствующей церкви. В настоящее время это соотношение выражается в следующих цифрах: беглопоповцев тысячи 3, а «австрийского» — около 1.000 человек.

Так молились до тех пор, пока не перешли в построенный в конце 70-х годов и разрешённый в 1881 г. проезжавшим по губернии ревизором молитвенный дом, в коем моление совершается и до сих пор, так как каменный храм с главами и крестами ещё не готов. Главными строителями были: С. Ф. Кузьмин, Л. Г. Шакин и С. Ф. Лукичёв. Когда стали ослабевать гонения, с конца, значит, 60-х годов, в Хвалынске появились белокриницкие священники. Первым был о. Иосиф, вторым — Иоаким Чернов, далее отцы Григорий Слепцов и Соболев И. Х. В настоящее время в Хвалынске два священника: о. Иоанн Исаичев и о. Григорий Нефёдов.

Собъявлением свободы Хвалынск первый получил разрешение на постройку храма. Случилось это так, что хвалынцы просили разрешить им перестроить старый молитвенный дом, пришедший в ветхость. Время подачи такого прошения совпало с объявлением указа о веротерпимости. Хвалынцы, воспользовавшись им, переделали план, который им беспрепятственно утвердили. И теперь близок к окончанию прекрасный храм во имя Покрова Богородицы, в центре города, на Дворянской улице, недалеко от ветхого единоверческого храма³. Строит его специальная строительная комиссия, состоящая из наиболее уважаемых прихожан. Главным жертвователем и ревнителем по постройке является Николай Михайлович Михайлов и Кузьмины, а место пожертвовала Б. Ф. Безпалова.

В 1906 году подано было прошение об учреждении общины, которая в 1907 г. и была разрешена. Никаких протестов и нареканий введение общины

³ Храм был достроен. Освящён 31 марта 1914 года. Закрыт весной 1931 года. В 1946 году властями отдан новообрядческой церкви Московского Патриархата, которая и использует его по сей день. В настоящее время купола на храме не восстановлены. Планируется реставрация старообрядческих росписей, частично сохранившихся внутри здания. (Ред.)

в прихожанах не вызвало⁴. Выбрали первый совет из 6 лиц с председателем Н. М. Михайловым во главе.

С 1906 г. организовали большой хор любителей, для обучения которого выписывали с Рогожского кладбища учителя пения Лобанова. Хором заведует И. М. Слепцов. Но «новшества в пении» вызвали нарекания со стороны некоторых прихожан, привыкших к старому. Нарекания переходили в раздор, не утихший ещё окончательно и теперь. Раздор вызывает собственно даже не пение, а то, что мальчики и некоторые из любителей ходят на клирос не в кафтане, а в светском платье. Думается, что последнее легко устранимо, если община купит и сошьёт мальчикам кафтаны за свой счёт. Это ведь не так дорого станет, а, между тем утишит пагубные раздоры. Другой пункт нареканий – то, что некоторые из любителей подстригают бороды, — грех, который успел дойти и до Хвалынска. В исцеление этого греха община, мне кажется, бессильна что-либо сделать, и меньше всего исцелят раздоры и нарекания.

Существует в Хвалынске частная школа чтения и пения, действующая обычно во время каникул; преподают в ней обычно старухи-мастерицы. С переходом в новый храм, старый молитвенный дом предположено отвести под школу. Во всех этих начинаниях и работах образовавшейся общины священники её и особенно отец Иоанн Исаичев, благочинный хвалынской округи, принимают живое и деятельно участие, показывая пример рвения и заботы о деле Божиим для мирян.

Отец Иоанн Исаичев⁵ — из крестьян села Сосновая Маза, находящегося недалеко от Хвалынска. Село это искони старообрядческое и, по выражению о. Иоанна, может смело считаться старообрядческой семинарией, ибо отсюда выходило и выходит очень много священников. В настоящее время в Поволжье 10 священников из Мазы. В былое время здесь стояла большая часовня с крестом, разрешённая ещё Екатериной Великой. В 80-х годах её закрыли, и в 1883 году разрешили перестроить, но без креста уж.

В Мазе жила сначала Е. Д. Мыльникова, построившая здесь вышеописанную часовню. Кузьма Михайлович положил основу славе Сосновой Мазы как рассадника наших чтецов и певцов, приезжавших сюда учиться с разных концов России и даже из Москвы. Когда-то Маза принимала горячее участие в укрытельстве наших преследуемых священников.

Собираются строить церковь, а теперь ещё молятся в моленной, хотя имеется уж с 1910 года звон⁶, пожертвованный И. Неклюдовым.

Всего населения здесь: тысячи 2 беглопоповцев, 600 приемлющих Бело-

Священник Иоанн Исаичев.
Фотография на XX в. Церковь,
1910, №45, с. 1118.

⁴ Некоторые старообрядцы в начале XX века не хотели иметь зарегистрированных общин, считая регистрацию грехом. В Хвалынске таких «противообщинников» не оказалось. (Ред.)

⁵ Исаичев Иоанн Карпович был священником в Хвалынске, позже – Саратовским епископом (с именем Иоанникий); репрессирован в 1930-е годы (Ред.).

⁶ Набор колоколов (Ред.).

криницкую иерархию и небольшое количество, сравнительно, никониан и беспоповцев.

Отец Иоанн родился в 1870 г. Обучался дома церковному чтению и пению. Был беглопоповцем и затем познать неправоту «проезжающего» священства, и вот уже 24 года, как он принял священство Белокриницкой иерархии. Потом был взят в Хвалынск и посвящен в священники в 1899 г. епископом Паисием Саратовским. Состоит благочинным, и в его ведении находится 12 сёл. Принимает деятельное участие в постройке храма, организации хорошего хора и в устройстве в своем благочинии общин. Теперь в Хвалынском уезде сплошь общины. В некоторых селениях община встречалась с недоверием. Запуганные старообрядцы, натерпевшиеся всего во время лютых гонений, смотрели на общину как на ловушку, такую же, как и единоверие. Больших трудов стоило отцу Иоанну убедить смущающихся, что на этот раз никакой ловушки нет. В одно из сёл, Селитьбу, отцу Иоанну пришлось ездить три раза уговаривать, и только в этом году и там открылась община. Много хлопот несёт он во время своих разъездов по благочинию, ибо никак ещё наши сельские священники не освоятся с ведением метрических книг и официальной отчётности по общине. Благодарное общество поднесло ему адрес и наперсный крест. «В особенных случаях приходской жизни, печальных или радостных, ты по окончании церковной службы постоянно напутствовал нас поучениями, для простецов вразумительными и для всех внушительно-назидательными», – говорится в адресе.

Отец Григорий Нефёдов тоже из крестьян с. Сосновой Мазы. В 1893 г. рукоположен епископом Паисием в священники г. Хвалынска и с тех пор священнодействует всё время на одном месте, в Хвалынске.

1910 г.

Валентина Бородина
директор Хвалынской картинной галереи

ХВАЛЫНСКИЕ ИКОНЫ

По-видимому, иконописное дело начало развиваться в хвалынских скитах в XIX веке, когда после окончательного разгрома 28 мая 1841 года Иргизских старообрядческих монастырей, духовный центр поволжского староверия переместился в Хвалынск. Хвалынск и Черемшан стапли священными местами для старообрядцев нашего Поволжья. «Это та же Палестина, тот же Иерусалим, куда стекаются старообрядцы на поклонение своим святыням и пред которыми местами они благоговеют до обожания их, о них знала каждая старообрядческая семья, живущая при широкой реке, начиная от Н. Новгорода и кончая Астраханью», – отмечал синодальный миссионер в 1888 г. (1).

Переселенцы не только привозили с собою многое, с чем срослись в прежнем быте, но и сохранили прочные связи с прежними местами, культурными центрами, со своими одноверцами. Так открывались и поддерживались культурные протоки от Москвы и верхневолжских городов до Хвалынска.

Архивы Хвалынска были уничтожены в период Гражданской войны, поэтому документальных сведений о количестве иконописных мастерских не сохранилось. Этот пробел частично восполняет автобиографическая повесть нашего земляка-художника К.С. Петрова-Водкина «Хлыновск». Эта книга об истории нашего города, в ней Петров-Водкин упоминает о своих первых учителях – хвалынских иконописцах: «...натолкнулся я на профессионала-иконописца «древнего обычая», на Филиппа Парфёныча... у него узнал я о процессах работы над иконой от заготовки левкаса до санкирного раскрытия ликов и до движек» **(2)**. Отсюда же почерпнули сведения о работе приезжих мастеров: «Филипп Парфёныч был старовер, но и «церковники» [новообрядцы] любили прибегать к его услугам, предпочитая «истовость» его работы работе захожих молодцов, берущих за «разбельный» лик пятачком дороже, чем за силуэтный, за глаза «зрячие» – гривенник...» **(3)**. Доказательством того, что Филипп Парфёныч являлся не единственным представителем иконописания в Хвалынске, служит упоминание Петровым-Водкиным ещё об одном мастере: «Филипп Парфёныч рассказал мне о старце Варсонофии – доличнике, живущем в староверческом скиту» **(4)**. Отсюда можно сделать вывод, что в скиту икона писалась несколькими мастерами и проходила длительный процесс приготовления, т. е. в 1890-х годах, о которых пишет художник, в мастерской существовало разделение труда.

В Саратовской области иконописание было распространено не только в Хвалынске, но и в близлежащих городах – Вольске, Балаково – местах, заселенных старообрядцами. Иконописание не сосредоточилось в одном центре, где оно могло бы совершенствоваться и постепенно оформиться как профессиональное ремесло. Оно возникло в десятках мелких обособленных мастерских с очень небольшим и непостоянным числом работников. Иконописанием как побочным ремеслом чаще всего, по-видимому, занимались крестьяне, дьячки, пономари, монахи.

Многое в иконах объясняется социальным заказом и уровнем иконописных мастерских, из которых они вышли. Основным потребителем местных икон было, очевидно, крестьянство, старообрядец менее жесткого типа, более склонный к стилистическим компромиссам, мало разбирающийся в вопросах художественной формы. Значительное количество небольшого размера икон говорит об их активном внедрении в быт всех слоев населения.

Но различными были духовные запросы и социальный статус старообрядцев, поэтому разные группы имели свои стилистические запросы. Богатое старообрядческое купечество для своих домашних и общественных молелен требовало «стильной» иконы, вернее стилизованной под старину. В этом их поддерживало и «австрийское священство». Это были стили старого Новгорода с его демократическими идеалами, развитый стиль Строгановых, но особенно «в моде» была московская манера XVII века. В этом запросе старообрядцев отражалась их культурная зависимость от старой метрополии, это была колонизационная волна Москвы, заносившая сюда, на окраины, свою культуру. «Московское письмо расходилось по всем церквам «австрийского» согласия. Новгородское письмо казалось Средней и Нижней Волге слишком просто – примитивно, грубо, декоративно, а строгановское – чрезмерно мирским и нарядным» **(5)**. Такие «стильные» иконы встречаются в коллекциях хвалынских музеев. По-видимому, их привозили из столицы: Саратовские староверы «имели сношения с Москвою» **(6)**. Все эти иконы написаны на меловом грунте, тогда как большинство местных – на алебастровом, несмотря на то, что Хвалынск «окружен амфитеатром меловых гор... со сверкающими среди леса просветами меловых оголений» **(7)**. В повести «Запечатленный ангел» Н.С. Лесков от лица

старообрядца говорит: «...не тот мы дух на Москве встретили... Изографы, разумеется в Москве отыскались, и весьма искусные, но что в том пользы, когда всё это люди не того духа, о котором отеческие предания повествуют...грунта́ кладут меловые, слабые, а не лебастровые...» (8).

Не исключена возможность того, что «стильные» иконы из коллекции Хвалынского краеведческого музея написаны на Черемшане, в мужском монастыре. Все они поступили из мужского и женского старообрядческих монастырей.

На художественное развитие иконописания влияли и временные факторы. Высшие социальные городские круги чутко откликались на веяния эпохи. Это, в общем, была европеизация, широко открывавшая дорогу «фрязи», влиянию светского, западного искусства. Новое проникало сюда контрабандой. Оно удерживалось крепко и пускало такие же крепкие корни на новой, малоприветливой почве, под зорким глазом ревнителей старины. В иконах этого течения умеренно сочетаются свобода светского стиля, особенно в пейзаже, в архитектуре, рисунке фигур, с иконописной строгостью общего впечатления.

Попытаемся рассмотреть на примере нескольких икон особенности каждой из трёх представленных групп.

Итак, местные иконы фольклорного типа... Они интересны прежде всего тем, что ярко отразили творческие возможности простого народа, постоянно стремившегося к искусству и создавшего новую область своей культуры. В отличие от икон, вышедших из крупных мастерских, эти иконы значительно проще (*икона «Чудо Георгия о змие»*).

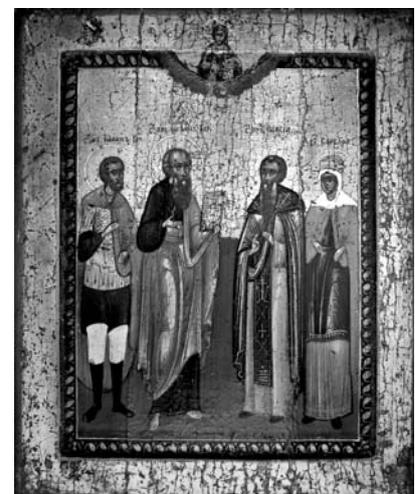
В фольклорных иконах наблюдается преобладание графической, рисуночной манеры над живописной, а сдержанно жестикულიрующие фигурки объединены не настроением или состоянием, а общим действием. Психологическая выразительность, внутреннее состояние персонажа передаются не ликом, а общим контуром фигуры, её позой, осанкой: единство целого важнее, чем отдельные элементы. Иконография в целом упрощена, и это упрощение приближается к крайним пределам. Колористический строй иконы основан на контрастных сочетаниях тёплого и холодного – красного и синего. Цвет плоскостной, без сложных рефлексов. Характерными чертами этой иконы, как и многих других фольклорных икон, являются эластичный, пружинистый рисунок, отчетливая симметрия построения, сопоставление в колорите очерченных локальных цветовых плоскостей, ориентированность сцен на зрителя.

Икона
«Чудо Георгия о змие».
Поступила из женского
старообрядческого
монастыря

Икона «Сошествие во ад
с избранными святыми».

Икона
«Избранные святые».

Икона
«Никола с житием».

Икона
«Покров Пресвятой
Богородицы».

Икона
«Рождество Христово»

Крестьянин, стремясь заручиться покровительством святых, которые могут оказать «практическую помощь» ему самому, его хозяйству, дому, часто заказывал иконы со множеством персонажей. «Нередко в одной иконе даётся целый домашний иконостас, где мы видим всех наиболее чтимых святых» (9). Обычно в иконах с избранными святыми сочетаются различные иерархические группы и ранги святых – святители, преподобные, пророки, мученики, ангелы (икона «Сошествие во ад с избранными святыми», поступила из Хвалынского Казанского собора). Пользовались чрезвычайной популярностью иконы с приписными святыми на полях.

Изображение стоящих в ряд избранных святых (икона «Избранные святые») – наиболее распространенный композиционный приём в местной иконописи. Эти построения строго симметричны с ярко выраженной центральной осью. Обычно наверху, в облаке – поясное изображение благословляющего Спаса. Местная икона в своём развитии избежала механического повторения традиционных канонов. Со временем в ней выработались новые живописные приёмы, несколько иная интерпретация темы и художественной формы. Эти иконы привлекают своей свободой и экспрессией.

Второе русло в развитии местной иконописи характеризуется нарастанием реалистических стремлений. Проводником их было европейское искусство и его крепнувшее воздействие на искусство церковное. «В конце XVIII века европейские образцы начинают себе находить подражателей в русской провинции, но только в наиболее высокопоставленных кругах общества, в низы проникают отдельные декоративные мотивы – не более» (10). Эта линия развития местной иконописи удовлетворяла главным образом богатую купеческую верхушку заказчиков.

В иконах «Никола с житием» и «Покров Пресвятой Богородицы» (11) поражает сложность архитектурной декорации и несомненная барочность её форм. Впечатление глубины достигается более или менее перспективным построением «нутра» здания, сводчатого перекрытия и прямой перспективой пола. Контур в иконах плавен и передаёт естественность очертаний и осанки фигуры, весомость форм выявлена довольно сильно, зато линия и силуэт играют меньшую роль. Все пропорции форм удлинены, в особенности у человеческих фигур: ноги, формы складок и внутриконтурных линий. Впечатление усиливается благодаря красочности икон и обилию орнамента: белые ряды «жемчугов» на алых ризах, узор палат, пестрые одеяния – всё это делает иконную поверхность

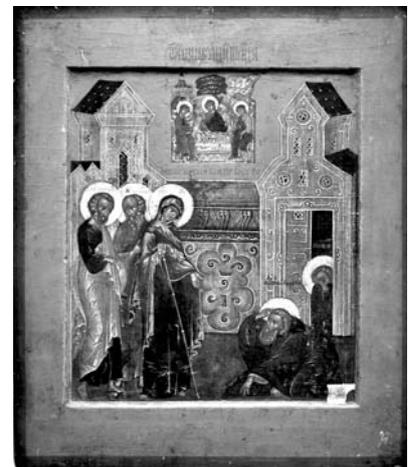
похожей на цветную ткань. Пышным барокко расцветают на ризах духовенства тюльпаны и стилизованные листья. Наряду с цельными локальными цветами – охрами, киноварью, белилами, окисями меди, баканом в иконах активно применяются нюансированные тона: розовые, зеленые, оранжевые. В чертах ликов ощущается мягкость и даже оттенок чувствительности, форма их выявлена светотеневой лепкой. Иконы воздействуют своей наполненностью, «населенностью».

Самое характерное для третьей группы памятников – их консерватизм, крепкая связь с древней традицией и сила сопротивления натиску внешних воздействий, главным образом со стороны светского искусства, сознательное следование каноническим образцам. Интерес к наследию дониконовской эпохи воспринимается не как провинциальный анахронизм, а как чёткая старообрядческая программа. Иконы этой группы обращают на себя внимание прежде всего иконописной строгостью общего впечатления и рядом приёмов, выходящих из приёмов чаще всего московской школы XVI–XVIII веков, в отделке деревьев, «горок», в системе написания ликов, в характере рисунка, в проработке складок одежд, в определенном строе колорита. Все эти свойства были подчинены определённым живописным требованиям: сдержанному, блёклому и темноватому колориту, силе и строгости рисунка. «Старая икона раньше доходила «намоленной» рядом поколений, с потемневшей олифой, с потухшим то зеленоватым, то коричнево-золотистым тоном живописи. Поэтому основное, чего добивались художники подделок, – это колористическое сходство со старыми памятниками» (12). Иконописцы избегали в этих иконах яркого цвета. Там, где он невольно вырывался из общего тона, его «присмиряли» слоем старой олифы путём сложных и ловких манипуляций. Это подтверждает и Петров-Водкин, описывая работу старообрядца Филиппа Парфёныча: «...Хотелось повышенных гамм, но иконописец сбелил яркость и сложной смесью красок приглушил цвет» (13).

В рисунке и композиции выдерживалась строгость приёма того или иного стиля. В иконографии стремились к полной точности, почти тождественности копий. Так, иконографический тип иконы «Рождество Христово» (поступила из женского старообрядческого монастыря) восходит к московской традиции XV века. Но, имитируя стиль эпохи XV–XVI веков, художники часто допускали новшества технического характера. Они заметны и в изображении крыльев ангелов, в детальной проработке отдельных перьев. Если в XV веке крылья выполнялись цветом и

*«Казанская икона
Богородицы».*

*Икона
«Явление Богородицы
Сергию Радонежскому».*

*Икона
«Святые Феврония,
Екатерина, Парасковия».*

инокопью творёным золотом, то здесь крылья просто покрыты листовым золотом и подробно расписаны чёрной краской. Размер доски, характер её обработки: неглубокий ковчег, встречные фигурные шпонки – тоже свидетельствуют о том, что икона создана не ранее XVIII века. А сухость и графичность трактовки форм позволяют датировать её XIX веком.

Другая икона этой группы – «Казанская икона Богородицы» (поступила из женского старообрядческого монастыря) – на первый взгляд производит впечатление так называемых московских вторых писем XVII века. Д. А. Ровинский пишет о них: «Они совершенно жёлтые: вохра в лицах, вохра в ризах, вохра в палатах, свет – вохра. Тени и оживки не представляют той резкости, которая составляет отличительный признак московских старых писем. Ризы пробелены золотом» (14). И только алебастровый грунт и графья на обороте выдают местное происхождение иконы, а пробел «в перо» на ризе Богоматери не позволяет датировать икону ранее XVIII века.

Иконографический извод иконы «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» (поступила из женского старообрядческого монастыря, скит Фелицаты) также восходит к московской традиции XVII века. Фигуры очень утончённых пропорций, одежда и архитектура характерны для XVII века, вохрение ликов многослойными плавями, традиционны «травные» орнаменты на архитектуре, выполненные белилами и золотом. В колорите получает преобладание светлая гамма с ослабленной изысканной многоцветностью. Краски здесь очень редко употребляются цельными. Они сильно «разбелены»: палатное письмо, одежда мерцают красками бледной радуги.

В явлениях поздней иконописи очень четко выясняется воздействие на её стиль запросов тех или других общественных групп. Так, богатая часть купечества, издревле находящаяся в старой вере, требовала безукоризненной строгости старого стиля. Существовали разнообразные методы производства «старых» икон. Немало их и в музейной коллекции. Но часто иконописцы «новоделов» привносили в них особые признаки, выводившие эти иконы за пределы прямой подделки. Чаще всего это технические новшества XVIII–XIX веков, нарушающие строгость канонических заветов (икона «Святые Феврония, Екатерина, Парасковия», поступила из хвалынской старообрядческой церкви Покрова Пресвятой Богородицы).

Коллекция икон Хвалынского краеведческого музея представляет различные направления в иконописании XVIII–XIX веков на фоне перекрещивающихся воздействий древнерусской традиции, элементов народного творчества и влияний со стороны западного и нового русского искусства. Этот материал мало изучен, особенно его группировки по местным школам и направлениям. Коллекция даёт возможность изучения всего сложного массива поздней иконописи.

Примечания:

1. Попов К. О Хвалынке и его знаменитом Черемшане // Церковный вестник. 1888. С. 205.
2. Петров-Водкин К.С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самара-Кандия. Л., 1982. С. 272 – 273.
3. Там же. С.273.
4. Там же. С.275.
5. Бакушинский А.В. и Василенко В.М. Искусство Мстеры. – М., 1934. С.30.
6. Попов Н.И. Сборник по истории старообрядчества... С.167.

7. Петров-Водкин К.С. Указ. соч. С. 44.
8. Лесков Н.С. Рассказы и повести. – М., 1981. С.88.
9. Казаринова Н. Народные сибирские иконы // Творчество. 1973. № 8. С.15.
10. Шмидт Ф.И. «Барокко» как историческая категория // Русское искусство XVII века: сб. – Л., 1929. С.25.
11. Обе иконы поступили из женского старообрядческого монастыря в 1927 г. Написаны они для хвалынского купца-старовера И.Д. Пономарёва, о чём свидетельствует надпись на обороте икон.
12. Бакушинский А.В. и Василенко В.Н. Указ. соч. С. 23.
13. Петров-Водкин К.С. Указ. соч. С. 273.
14. Ровинский Д.А. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. – М., 1903. С.43.

С.А.Обухович¹

Вклад хвалынских купцов-старообрядцев в городскую архитектуру и благотворительность

Одним из высшим своих предназначений старообрядцы всегда считали сохранение древнего церковного благочестия. Выражение изначальной веры посредством искусства иконописания и книгописания, знаменного пения и древнего зодчества – суть православной культуры. Потому вклад староверов в дело сохранения культурного наследия Древней Руси и России огромен и донныне не оценён по достоинству.

В XIX веке Хвалынский особенно выделялся многочисленным старообрядчеством среди городов Саратовской губернии. Староверы Хвалынска внесли значительную лепту в дело сохранения «старого обряда», традиций и обычаев «отцов и дедов», памятников культуры: тысяч древних книг, икон, храмов. Купцы-старообрядцы Хвалынска также прославились, как щедрые благотворители.

Фото 1. Вознесенская
единоверческая церковь.
Фото нач. XX в.

¹ Светлана Обухович – кандидат исторических наук, специализируется на изучении истории старообрядчества в Поволжье (Ред.).

Фото 2. Покровский старообрядческий храм.
Фотооткрытка нач. XX в.

она из цельных сосновых брусьев, была не оштукатурена и не выкрашена. В 1841 году, после обращения Иргизских монастырей в единоверие, храм опечатали, а крест спилили. Колокола разобрали горожане (часть их хранилась в кладовой у Кузьминых-Михайловых), крест же выкупил купец Буянов [24, 1117]. В 1842 году церковь была передана единоверцам и освящена во имя Вознесения Господня (Фото 1).

Фото 3. Проект Покровского храма
(архитектор Терликов Ю. Н.).

Главное украшение города – Крестовоздвиженский храм, бывшая Покровская старообрядческая церковь (Фото 2, 3, 4). Строилась она в 1907–1914 гг. на средства старообрядческой общины белокриницкой иерархии, в состав которой входили купцы Николай Михайлович Михайлов, Егор Николаевич Буянов, Максим Степанович Кузьмин, Василий Семёнович Абакумов [2].

Хвалынские купцы-староверы, как и их одноверцы по всей России, благоустраивали родной город и украсили его не только великолепными храмами, но также замечательными зданиями светского характера. Цивилизация не испортила Хвалынск: зданий современного вида здесь почти нет. И сегодня он вполне сохранил образ провинциального уездного города начала XX века.

Хвалынская община старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию, первая в Саратовской губернии получила право на постройку храма [3]. Это было связано с тем, что в 1905 г. хвалынцы просили разрешить им перестроить старый молитвенный дом, пришедший в ветхость [24, 1117]. Время подачи прошения совпало с объявлением указа о веротерпимости. Воспользовавшись ситуацией, староверы перделали план, который уже 19 декабря того же года был утверждён в строительном комитете саратовского губернского правления [9]. Внук Кузьмы Михайлова – строителя первой старообрядческой церкви – С. Ф. Кузьмин, вместе с хвалынскими купцами Л. Г. Шикиным и С. Ф. Лукичёвым, начал строительство старого старообрядческого молитвенного дома. А заканчивал строительство заменившей его церкви Покрова Пресвятой Богородицы правнук Кузьмы – Н. М. Михайлов – после

объявления Манифеста 1905 г. [22, 57]

В 1907 г. «общество» старообрядцев внесло изменения в проект уже строящейся церкви: звонница была «заменена колокольней и формы алтарей сделаны богаче» [8]. Архитектор Юрий Николаевич Терликов проектировал храм в излюбленном старообрядцами «русском стиле». В 1914 г. возведение храма было завершено и 31 марта эта красивейшая красно-кирпичная церковь в центре города была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы (Фото 2). Священниками храма стали настоятель общины Иоанн Карпович Исаичев и Григорий Неклюдов, оба уроженцы села Сосновая Маза [24, 1118]. Проект хвалынского храма хранится в фонде губернского правления Государственного Архива Саратовской области [7]. Сейчас это единственный в городе храм, переданный в 1946 г. Московскому патриархату и переименованный тогда же в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

До 1905 года староверы были лишены права иметь общественное имущество и строить церкви. Тем не менее, архивные документы называют множество моленных, тайно созданных хвалынскими староверами в городских домах и на дачах Черемшана [4; 6]. Однако снаружи эти молитвенные дома выглядели как жилые постройки, так как, следуя закону, староверы не могли украсить их ни куполом с крестом, ни колокольней. Жизнь старообрядчества была почти незаметна.

«Десятилетие свободы» 1905 –1917 гг. стало эпохой расцвета старообрядческой архитектуры. Только за 7-8 лет после указа 1906 г. «о правах общин» старообрядцами по всей России

Фото 4. Современный вид бывшего старообрядческого храма (купола и колокольня не восстановлены).
Фото 2010 г.

Фото 5. Беглопоповский храм Рождества Христова.
Фото 1 пол. XX в.

Фото 6, ба.
Дом купцов Кузьминых-Михайловых.
Фото 1950-х и 2010 гг.

Фото 7, 8.

Дом и флигель купца Л. Шикина.
Фото 2010 г.

Фото 9. Дом купца И. Д. Пономарёва.
Фото 2010 г.

было построено более 1000 храмов [15, 193].

Одновременно с возведением Покровского храма в Хвалынске строили Христорожественскую церковь беглопоповского согласия. Она располагалась на улице Камышинке между Московской (ныне Советская) и Дворянской (Ленина), на месте бывшего молитвенного дома беглопоповской общины [16, 37]. Христорожественская церковь возводилась на средства богатой купеческой семьи Кривошеиных, отчего в народе получила название Кривошеинской. Строительство каменного храма с такой же колокольней было завершено в 1910 г. А уже в 1931 году, по решению районного исполнительного комитета, с Христорожественской церкви были сняты и переданы на переплавку колокола. Храм был закрыт и вскоре разрушен.

Дома известнейших в Хвалынске купцов-старообрядцев располагались, преимущественно, поблизости от Торговой (ныне ул. Базарная) площади по улицам Винновской (теперь Достоевского), Московской (Советская) и Миллионной (Петрова-Водкина).

Дом купца Кузьмина-Михайлова (ныне ул. Достоевского, д. № 12), сооружённый в конце XIX века, до последнего времени вполне сохранял характер оригинальной постройки. С. Терёхин в статье, опубликованной в 2001 г., подчёркивал, что «здание привлекательно контрастом между основным, приземистым деревянным объёмом и затейливо решённым входным порталом» [21, 102]. Эта особенность дома купца-старообрядца,

на наш взгляд, передаёт характер старообрядческого быта в целом – простота, с одной стороны, и основательность, стремление к красоте, с другой. Но, к сожалению, недавно здание обновили. «Приземистый деревянный дом» обложен кирпичом, в нём располагается администрация консервного комбината. Правда, входной портал дома Михайлова, в отличие от самого дома, видимо, признан самостоятельным историческим памятником (Фото 6, ба). Его не тронули, и он сохранил почти все оригинальные компоненты: фасадную кирпичную стенку с аттиком и, главное, литой чугунный навес. На четырёх профилирован-

ных столбах с миниатюрными капителями и сложным орнаментом, навес хорош как самостоятельное произведение декоративно-прикладного искусства. Изготовлен он, судя по характеру композиции и деталям литья, в Саратове, на чугунолитейном заводе О.Э. Беринга «Сотрудник», в 90-х гг. XIX в. [21, 103]

На Винновской улице располагались также два особняка купца Льва Шикина (Достоевского, д. №№ 19–21, дома инвалидов) (Фото 7, 8) и особняк купца Ивана Дмитриевича Пономарёва (Достоевского, жилой дом № 39) (Фото 9).

На пересечении Винновской и Московской улиц, напротив особняков купца Шикина – бывший дом купца Абрама Фёдоровича Абакумова, простой, с деревянным вторым этажом (Советская, д. № 87) (Фото 10); а рядом – его же каменный двухэтажный доходный дом (ныне гостиница «Волга») (Фото 11). Брат А.Ф. Абакумова – Иван Фёдорович – жил на ул. Московской. Кроме того, Абакумовы владели домами на улице Винновской (Достоевского, д. №№ 11-13).

На ул. Миллионной (теперь Петрова-Водкина), около здания общества Красного Креста (ныне Школа-интернат) был постоянный двор Абакумовых (сгорел в гражданскую войну) [23]. А рядом – на пересечении Миллионной и Дворянской (ул. Петрова-Водкина, д. №17) – каменный одноэтажный особняк купца Малинина (Фото 12).

Фото 10, 11.
Жилой дом и доходный дом
купца А. Абакумова.
Фото нач. XXI в.

Фото 12. Дом купца Малинина.
Фото 2010 г.

Фото 13. Дом Михайловых-Радищевых.
Фото нач. XX в.

Фото 14. Дом купца Е. Н. Буянова.
Фото 2010 г.

Фото 15. Замок в Ривьере
(бывшая дача купца Михайлова).
Фото 1930-х гг.

Фото 16. Успенско-Покровский
собор мужского монастыря
на Черемшане.
Фото 1894 г.

На самом возвышенном месте в центре Хвалынска, на пересечении улиц Петрова-Водкина и Революционной, находится одно из старейших зданий города – дом Михайловых-Радищевых (Фото 13; ныне – Хвалынский краеведческий музей).

Здание, спроектированное, предположительно, архитектором А.Н. Ворониным [17, 144], существовало уже в первые десятилетия XIX века и принадлежало купцу Льву Михайлову [21, 104]. Дочь Льва – Анна – вышла замуж за Алексея Васильевича Радищева, городского голову Хвалынска, потомка знаменитого писателя XVIII века, [25, 153]. На той же ул. Миллионной, располагался дом купца-старовера Михаила Андреевича Фокина (ныне детский сад № 3) [23].

Пересечение улиц Советской и Луначарского (ул. Советская, д. № 112) украшает особняк Егора Николаевич Буянова [20, 6] (Фото 14). Второй дом Буяновых, тоже двухэтажный и кирпичный, располагается на ул. Карла Маркса, д. № 6 [20, 7].

Почти все вышеназванные дома купцов-старообрядцев и бывший Покровский храм входят в «Перечень объектов историко-культурного наследия, расположенных на территории г. Хвалынска и Хвалынского района», опубликованного в работе Виктора Алексеевича Непочатых [17] – писателя, бывшего директора Хвалынского краеведческого музея.

Среди памятников Хвалынского района здесь названы также «дача купца Михайлова-Кузьмина начала XX века», «женский монастырь XIX века» и «мужской монастырь XIX века» на Черемшане [17, 144-145].

Особняк дачи Михайлова-Кузьмина (Фото 15) стоит на высоком, крутом, открытом волжским далям обрыве. Горожане называют этот дом «швейцарской горной дачей». «Вилла», построенная в стиле модерн, довольно неожиданна для маленького русского города, но в то же время подтверждает его главную особенность – слияние с природой, единение с ландшафтом [21, 116].

С 80-х гг. XIX века главным центром старообрядчества Белокриницкой иерархии в Поволжье были Черемшанские монастыри близ Хвалынска. Там постоянно проживали епископы и проводились старообрядческие соборы. Архитектура Черемшанских храмов проста. Строились они во времена гонений и, потому, изначально имели вид жилых домов: два двухэтажных дома было выстроено в садах, купленных для обители епископа Серапиона купцом А. Д. Веховым и купчихой Пономарёвой [1, 307]. В октябре 1881 г. в одном из этих домов был освящен соборный храм с двумя престолами (верхний – Успенский, нижний – Покровский) (Фото 16). Осветили храм старообрядческие еписко-

пы Аркадий, Конон и Геннадий, только что выпущенные из тюрьмы Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря [19, 31], а также епископы: Казанский Пафнутий и Саратовский Амвросий.

В женском монастыре матушки Фелицаты 1884 году «без письменного разрешения начальства» была выстроена моленная, а, по сути, каменная церковь. Освящена она была 21 сентября 1885 года во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы с приделом во имя святителя Николы [5]. Постройка осуществлялась, по словам Фелицаты, «на основании мнения Гос. Совета, последовавшего 1 мая сего 1884 года, о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» [11]. 8 октября 1885 г. «моленная» была разрешена Саратовским губернским правлением [10]. Но только после 1905 года на церкви были установлены купола и кресты, а в 1909-м возведена колокольня [16, 63] (Фото 17).

Жертва на храм – главное, принципиальное, продиктованное старообрядческой предпринимательской этикой дело купцов-староверов. Щедрая благотворительность являлась жизненным кредо, религиозно-нравственной потребностью для предпринимателей-старообрядцев.

«В дачах города Хвалынска, Саратовской губернии, по речке Черемшанке, в нескольких строениях, находившихся в двух садах, пожертвованных для сего хвалынскою купчихою Клавдией Николаевной Пономарёвой» в начале 80-х гг. XIX в. была учреждена Александровская богадельня, «в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II Николаевича». Богадельня имела целью «призрение людей обоюбого пола убогих, увечных и престарелых, не имеющих пропитания, из всех сословий, исключительно одних христиан» [12]. Содержалась она на ежегодно отчисляемые из доходов двух садов и мельниц К. Н. Пономарёвой; «на проценты с капитала, пожертвованного хвалынским купцом ... [фамилия в документе пропущена, возможно, А. Д. Веховым – О.С.] и вложенного в Хвалынский городской общественный Банк на вечное время из приращения процентов (по 8-ми на 100); на единовременные или каждодневные взносы Почётных Попечителей, Почётных членов благотворителей и Членов-благотворителей; на добровольные пожертвования благотворителей и подаяния [13]. Почётной попечительницей богадельни являлась купчиха К. Н. Пономарёва [14].

Городская Михайловская Богадельня в Хвалынске была учреждена на капитал Самарской купчихи Екатерины Ивановны Новиковой, урождённой Михайловой, в 10 тыс. рублей и открыта в Хвалынске 2 августа 1874 года в её же «пожертвованном для сего доме» [18, 293]. Богадельня именовалась «Михайловской» по фамилии отца учредительницы – хвалынского купца Ивана Кузьмича Михайлова.

Первое положение о Богадельне было утверждено Городской Думой 8 ноября 1873 г., «каковое пересоставлено вновь и утверждено 17 мая 1905 г.» [18,

Фото 17. Введенская церковь женского монастыря на Черемшане. Фото нач. XX в.

293]. К 1 января 1909 года на призрении в городской Богадельне состояло 23 человека. В приложении к отчёту Хвалынской Городской Управы за 1909 год находим «Ведомость капиталам городской Михайловской Богадельни», где среди жертвователей Богадельни названы старообрядцы: Е.И. Новикова (10 000 руб.), Н.А. Фокин (3 000 руб.), А. Кузьмина и другие [18, 294].

В 1891 г. в Хвалынске был открыт Городской Сиротский Дом. В 1909 году на призрении в нём состояло 27 детей. Пожертвования сиротскому дому делали также преимущественно хвалынские староверы, почётные попечители Попечительского Совета благотворительных заведений г. Хвалынска: Ю. И. Казарина, П. С. Михайлова, Ф. О. Плигин, Н. Н. Фокин, Н. М. Михайлов, М. М. Казарин, Н. А. Фокина [18, 298]. В отчете Хвалынской Городской Управы за 1909 г. почти все почетные попечители Совета были из старообрядцев. Кроме вышеназванных – это были П. И. Кривошеин, М. П. Плигин, П. И. Михайлова, Ф. И. Пономарёв, М. П. Виноградов, Н. В. Козьмин [18, 301]. Член Совета Н. М. Михайлов до 1909 г. исполнял должность Городского Головы г. Хвалынска [18, III].

Другим источником средств содержания богадельни и сиротского дома являлись проценты со специальных (пожертвованных) капиталов. В 1909 году в Хвалынском городском банке на счёте Михайловской богадельни находилось 29 954 руб., а на счёте сиротского дома 26 843 руб. [18, 202]

Купцы-старообрядцы «жертвовали» также на благоустройство родного города. Среди домов, переданных «городу» их владельцами, находим: «два дома деревянные, пожертвованные господами Плигиными»; «каменный трёхэтажный дом с постройками, бывший А. С. Абакумова»; деревянный двухэтажный дом, где помещается богадельня, подаренный Е. И. Новиковой; «каменная лавка Кривошеина № 80» [18, IX].

«На вечном вкладе в Сызранском отделении Гос. Банка» лежали 2 000 руб., пожертвованных хвалынским купцом Н. А. Фокиным на благоустройство православного и старообрядческого кладбищ. Другой такой же «вечный» вклад Н. А. Фокина, на сумму 10 000 руб., представлял собой необычное направление благотворительности: «на вспомоществование беднейшим девицам невестам г. Хвалынска» [18, IX].

Таким образом, следует признать, что старообрядческое купечество Хвалынска выделяло значительные средства на благотворительность, следуя принципам старообрядческой предпринимательской этики. Высокая эффективность этих принципов была продемонстрирована в период «золотого десятилетия старообрядчества» 1906–1916 гг. Кроме того, хвалынские купцы-староверы внесли весомый вклад в архитектуру родного города. Их дома, магазины, гостиницы, а также храмы, построенные, преимущественно, на их средства, придали неповторимый облик Хвалынску.

Доказательство успешности экономики старообрядческого купечества и старообрядческих общин, демонстрация высокого уровня культуры и нравственности семей староверов призваны научить нас уважать опыт, традиции и веру наших отцов и, подобно им, хранить это бесценное наследие.

Библиографический список.

1. Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. — М., 1996.
2. ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 8973. Л. 1 об.
3. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10663. Л. 9.
4. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 975, 987.
5. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 621. Л. 6.
6. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035.
7. ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1072. Л. 7.
8. ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1072. Л. 9.

9. ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1072. Л. 27.
10. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 621. Л. 10.
11. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 145.
12. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 146.
13. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 147.
14. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 2035. Л. 148.
15. Козлов В. Ф. *Московское старообрядчество в первой трети XX в. (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов / Отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. — М., 1999.*
16. Наумов А. В. *Земли Хвалынской храмы. — Саратов: Изд-во «Текст», 2004.*
17. Непочатых В. А. *Хвалыnsk. Краткая история и достопримечательности. — Саратов, 2000.*
18. *Отчёт Хвалынской Городской Управы с приложениями за 1909 год. — Хвалыnsk, 1910.*
19. Пругавин А. С. *Старообрядческие архиереи в Суздальской крепости. Очерк из истории раскола по архивным данным. СПб., 1903.*
20. Симаков Д. *Родина моя – Хвалыnsk. – Куйбышев, 1980. Рукопись // ХКМ (Хвалынский краеведческий музей). 4–77.*
21. Терехин С. *Хвалыnsk. Архитектурный путеводитель // Хвалыnsk. Портрет города. Краеведческие очерки. — М., 2001.*
22. Хапилин А. К. *Кузьмичи в Хвалыnskе // Гоцеи, 1992. № 5.*
23. *Опись исторических памятников г. Хвалыnskа, составленная со слов старожилов / ХКМ. Сост. Т. Е. Харчикова.*
24. Швецов К. *Хвалынская старообрядческая община // Церковь, 1910. № 45.*
25. Шилов К. *Гений Хвалынской земли // Хвалыnsk. Портрет города. Краеведческие очерки. — М., 2001.*

Фотографии А. Кашанина (Саратов), Д. Мясникова (Хвалыnsk), из фондов ХКМ и СОМК.

Л. Т. Мизякин

ЧЕРЕМШАН

Очерк¹.

I.

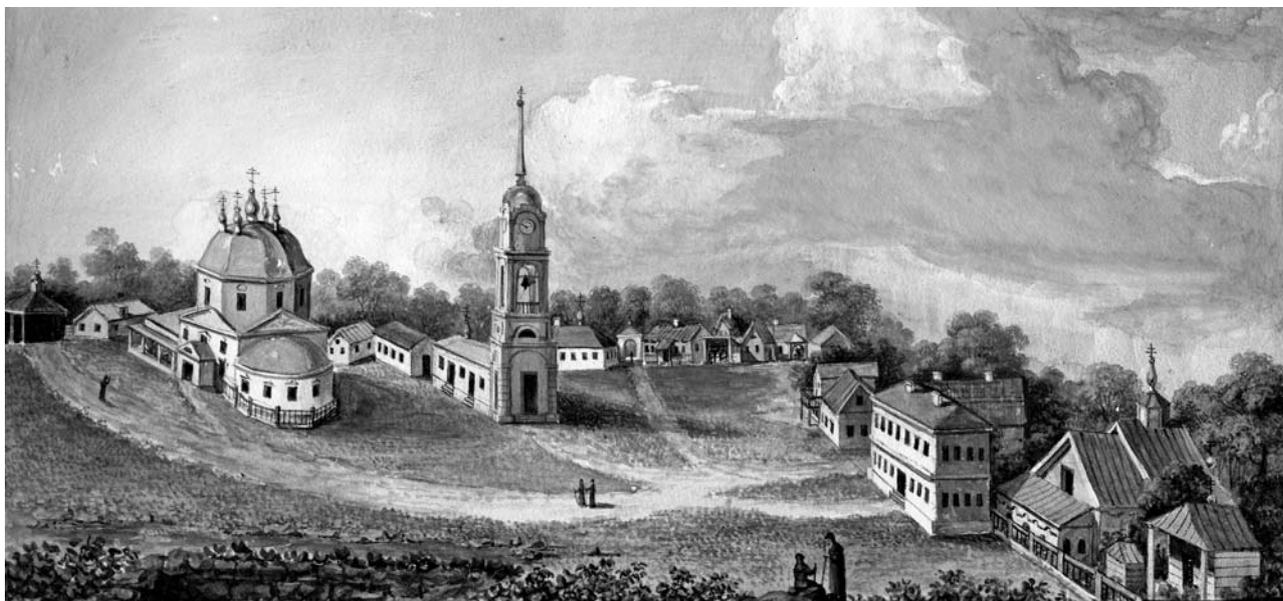
– А ты пожалуй-ка на Черемшан-от к нам, – там потолкуем... святыни наша увидишь, – приглашал меня настоятель Черемшанского монастыря игумен Евлогий, с которым мы случайно встретились у старообрядческого священника Георгия Фомичёва.

Черемшан – один из центров, около которых росла и укреплялась «старая вера». По запискам историков, Черемшан – это «ветвь от корени» знаменитых Иргизских монастырей, сыгравших огромную роль в деле распространения древляго благочестия в Среднем Поволжье и на Урале. Начало Черемшанских скитов относится к тридцатым годам прошлого столетия, и, как это ни странно, возникновением их старая церковь обязана, по отзывам, чрезмерному усердию бывшего саратовского губернатора Степанова, обессмертившего себя в памяти старообрядцев, для которых это губернаторство представляло сплошную полосу гонений и разгромов. Все это было особенно болезненно после немногих лет относительной свободы и расцвета старообрядчества в конце XVIII и в начале XIX столетий.

Вот как повествует об этом история.

В царствование Екатерины II-й старообрядцам объявлены были льготы. Манифестом 7-го декабря 1762 года им разрешалось строить церкви, отправлять службы по старому обряду, учреждать общины и проч. Бежавшие за границу старообрядцы были призваны вновь в Россию, и для «свободного их прожи-

¹ Печатается в сокращении по изданию: Мизякин Л. Т. Черемшан. – Саратов, типография «Саратовского листка», 1909 г. Автор – запрещенный в служении диакон господствующей новообрядческой церкви Лев Тарасович Мизякин, сотрудник «Саратовского Листка» (Ред.).

Верхний Спасопреображенский иргизский монастырь. Акварель XIX в. СОМЖ.

вания» им отведено за Волгой по реке Иргизу больше 70 тысяч десятин лучшей земли – плодородной, с лесами, лугами, полями, обильной естественными богатствами. Старообрядцы возликовали: «Вёдро благочестия возсияло над нами, – писали они зарубежным собратьям, – приидите, купно да возрадуемся, братие и друзи»... Тосковавшие по родине изгнанники доверились и возвратилась на вольные земли. «Луч свободы согрел и повлѣк к единению разбросанных повсюду старообрядцев; словно вспырынутая живой водой, восстанавлилась рас-

Старообрядческий монах Иргизского монастыря. Акварель XIX в. СОМЖ.

сыпавшаяся на куски старая церковь»... Тогда-то на Иргизе один за другим появились монастыри с златоверхими храмами и часовнями, с высокими стенами и колокольнями, с многочисленным духовенством и тысячами иноков, инокинь и «бельцов» обоего пола, словом – «благочестие на Иргизе процвело вкупе с благолепием», и слава о за-волжских святынях распространилась на всю Россию.

Но старообрядческое «вѣдро» не было продолжительно: уже в 1828 году саратовский губернатор князь Голицын писал в министерство: «Иргизские монастыри суть убежища праздности, разврата, расадники раскола, а посему необходимо уничтожить их». А в то же время пензенский архиерей Ириней (тогда Саратовская губерния составляла ещё часть Пензенской епархии) в своих рапортах Синоду называл Иргизские монастыри «гнездилищами разврата раскольнического». Но спустя лет восемь губернатор Степанов превзошёл своих предшественников же-

Хвалы́нск. Общий вид с реки Волги. *Фото 1894 г.*

стокостью и решительностью мер против старообрядцев: задумав «покорить Иргиз и обратить «раскольников» вверенного ему края сплошь в единоверие, он докладывал однажды императору Николаю I-му: «Ваше Величество! Я приведу их к одному знаменателю»... Такая стремительность храброго губернатора, видимо, смутила государя, который, между прочим, писал по этому поводу: «Без строгих мер, надо действовать осторожно и не раздражая»...

В какой мере была соблюдена в данном случае монаршая воля – можно судить по тому, что при «покорении» Иргиза были пущены в ход воинские силы и пожарные команды, ружейные приклады и нагайки, лошадиные копыта и пожарные насосы; работа продолжалась, пока весь монастырь (Никольский), действительно, был приведён «к одному знаменателю», – точно после нашествия неприятелей. Один по одному подверглись той же участи монастыри Пахомиев, Авраамиев, Анфисин, Маргаритин и др. Но единоверию достались только стены, здания, кельи и кое-какая уцелевшая от покорения рухлядь; что же касается монашествующей братии, бельцов и белиц, то все они разбежались в разные стороны, всюду унося с собой обиды и фанатическую преданность гонимым обрядам. «Старая вера» не была погашена и растоптана грубыми мерами, но разделилась на множество ручейков, и в разных укромных уголках возжигались новые светильники «древляго благочестия». Так, между прочим, возникали и первые хвалынские скиты: местные старообрядцы давали приют иргизским беглецам у себя на дачах и в загородных караулках, и здесь, в глуши лесов, в труппах и пещерах, недоступных постороннему взгляду, затепливались первые лампы и по ночам раздавались молитвенные гимны. К отшельникам присоединялись новые отщепенцы от мира, приходили и случайные гости за советом и молитвой... По-

Успенский мужской монастырь. Общий вид. *Фото 1894 г.*

Евлогий, епископ Уральский,
бывший игумен Черемшанского
монастыря.
Фото нач. XX в.

степенно караулки и сторожки обращались в кельи и молитвенные дома, вокруг них вырастали новые кельи, притекали жертвы и благостыни, устраивались сами собой общежительные монастыри с определенным чином, уставом и ликом... Но официально это были только «хутора» Шохина, Абакумова и др. Время от времени над Черемшаном сгущались бури и грозы, наезжали светские и духовные власти с понятыми, урядниками, десятскими, размётывали «гнездилища разврата раскольнического», одних вязали и заковывали, других разгоняли, увозили монастырское добро, оставляя после себя смятение и ужас... Всё это вело лишь к тому, что люди подвигались глубже и глубже в леса, отыскивали более скрытые «пустыни», зарывались в подземелья, и в результате возникали новые обители и общежития: «Нижний Черемшан», «Средний», «Верхний», – всё дальше от людей, от Волги, от городского шума.

Но возвратимся к рассказу.

Пароход доставил меня в Хвалынский к вечеру. От города до Черемшана около часа езды на «трясучке», как здесь называют извозчиков. Дорога идёт вдоль плетней, за которыми тянутся сплошные сады, не уступающие по густоте и зелени молодым рощам. Монастырь прячется в лощине, опоясанной довольно высокими известковыми горами, белеющими на солнце голыми опаленными верхушками, что придаёт окружающей местности некоторое сходство с швейцарскими Альпами. Но какая сочная, тёмная, непроницаемо-густая чаща засела везде по склонам и в лощинах между горами! Тут смешались вековые сосны и ели, берёзы, липы, клёны, пахучие черёмухи (не оттого ли и самая местность получила название «Черемшана?»): как будто чудодейственный жезл ударил по каменным рёбрам гор, и всюду из-под камней, из расселин и трещин забили тысячи родников и ключей, которые сливаются в ручьи, наполняют впадины и озёра, питают мощное царство растительности, из которой теперь то здесь, то там выглядывают церкви, колокольни, коньки строений...

После пыльного и шумного Саратова Черемшан показался чем-то сказочным: куда ни оглянись – мягкие, успокаивавшие тоны, жуткая тишина и несущийся неведомо откуда пряный, сладковатый запах калины. Игумен Евлогий распорядился поместить меня в «покое», где за несколько дней до этого жил епископ Мелетий. «Покой» этот занимает весь верхний ярус одного из корпусов и служить исключительно для приезжих. Построен он, как и все прочие «кельи», в чисто русском стиле – с выходящим на пруд балконом, светлыми створчатыми окнами и желтыми, как воск, потолками и стенами. Мне дали все необходимое, и я остался совершенно один. С дороги клонило на отдых, но я долго ещё не мог заснуть, заслушавшись соловьёв, которые одни перекликались в кустах, дополняя чарующую гармонию ночи.

– Ну, каково поспалось, гостёчек? – приветствовал меня утром о. Евлогий.
– А мы уж и помолились и часы отслужили. Теперь давай чайком побалуемся.

– Тишина у вас, – заметил я, – ни караульщика не слышно, ни собаки. Рань-

ше старообрядцы крепко жили...

– Господь упование мое и спаситель мой, – кого убоюся? – улыбнулся он. Бывало, под запорами да с оглядкой, а все побаивались; теперь, спаси Христос, вздохнули.

– Да ведь так кто-нибудь обидеть может. От города живёте не близко...

– Э, что у нас крадомого-то! Обитель не из богатых: начали вон купол над храмом, – так и достроить нет средств; а хотим еще колоколенку. Тут послал со сбором, – объехали Саратов, Вольск, Баланду, привезли 26 целковых... куда их?.. Думаю ещё в Астрахань послать насчёт рыбки.

– А мне показалось, монастырёк ваш не из захудалых: церковь большая, каменная; сад, водяная мельница, корпуса двухэтажные, иные обложены камнем.

– Что вы, полно! – замахал руками о. Евлогий, – 60 человек братьев, престарелые да убогие; всех прокормить, обогреть надо. Раньше, точно, водились деньжонки, а теперь так подшиблись – беда!

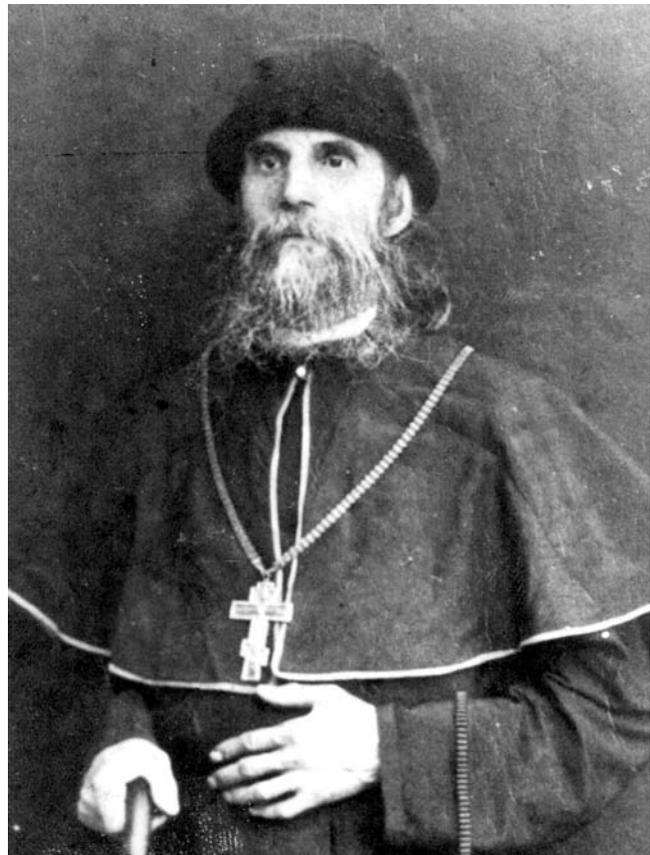
Игумен Евлогий, в мире Евлампий Еремеевич Алгазин, – сибиряк, уроженец Тобольской губернии, крестьянин. Монашество принял в Томском старообрядческом монастыре, откуда его два раза брали в солдаты. Последний раз он попал в действующую армию во время войны с японцами, будучи уже иеродиаконем.

– Как же сюда-то попали? – спросил я.

– Случилось поехать в Москву на собор; там встретился с покойным епископом уральским Арсением (Швецовым), который временно заведовал саратовской епархией, – он и пригласил на Черемшан. Признаться, я не ожидал встретить то, что нашёл: слава о Черемшане во вся концы изыде, а тут, смотрю, голо: один приходит с нуждой, другой с горем; в братии нестроение, да и монастырь-то не утвердился, – суды да хлопоты... Были у меня кое-какие сбережения из Манджурии, с этим и принялся за устройство. Созвал братию, выложил свои деньжонки, – «вот, говорю, братие и друзья, отдаю всё, что имею, и каждый из вас должен поступить тако же с своим достоянием: но правилам отцов, черноризец обязан отсечь всякую собственность». Тогда старцы разошлась по кельям, – несут кто 3, кто 5 рублей.

– Вы упомянули про суды: с кем же вы судитесь?

– Суды-то? О, это дело большое, путаное... Допрежь-то, видишь ты, всё на совесть делалось, а совесть-то в людях повреждена. Живу я тут другой год, всё разбираюсь, концов ищу и никак не доберусь. Обитель до сего времени по форме не утверждена; самая церковь числится на земле некоего Пономарёва: документов у нас нет. Всего-то на Черемшане восемь обителей разных согласий, мужской и женские. Белокриницкими монастырями заведуют попечители из горожан: Н. М. Михайлов (теперешний Хвалынский городской голова), М. С.

Преподобный Серапион Черемшанский.
Фото кон. XIX в. СОМК.

Успенский собор Серапионова монастыря. Фото 1894 г.

Кузьмин, братья П. и Е. Буяновы, В. Абакумов, С. Кашеев, Шикин и др. – на них и записана земля (12 десятин): строения же переведены на бывшего игумена Феодосия, – в мире Фёдор Фролов Митюнин, – и других иноков. В настоящее время монастыри один по одному переводятся на хвалынскую городскую общину старообрядцев «австрийского» согласия. Вот и выходят недоразумения: обанкротился один из попечителей (Абакумов) – в монастырь явились кредиторы с описью; пришлось уплатить за него 4 тысячи. Второе дело – куплена за Волгой для обители земля – луга и лес 75 десятин – «Вечный Хутор», опять же на частных лиц, купчей нет; да земля-то родовая, и никак её не усвоишь за обителью. Хозяин (Кузьмин) живет под Уральском, у него свой сын, – помрёт, упаси Господи, – ищи тогда... Раньше, при Серапионе, тут вдоволь было и денег, и всего. Лет 12, как он умер. Перед кончиной старец призвал иноков Феодосия (Митюнина), да иеромонаха Израиля (Иван Мазанов), да иеромонаха Пантелеймона (Пётр Маренников), да отца Александра (Афанасий Лысянов), которым поручил управлять монастырём и передал казну. С тех пор и пошло всё врозь, порядка не стало; Маренников был игуменом, а потом в иерейском сане, будучи уже схимником, бросил монастырь и, женившись, поселился в Хвалынске; откуда-то явились средства, – развёл торговлю, свои сады, дом великолепный. А монастырь оскудел, благостыня прекратилась. С Маренниковым у монастыря и до сего времени суд не прекращается.

– Да вам об этом другие лучше расскажут, – добавил о. Евлогий.

К чаю пришёл о. Александр, один из душеприказчиков старца Серапиона. Это средних лет инок, с сединой в волосах, в короткой «рабочей» мантийке, как здесь носят все «старцы»; косичка у о. Александра тщательно подогнута под остроконечную камилавку; из-под полукафтаныя выглядывают щегольские сапоги с лакированными голенищами.

Из его рассказов, а также из рассказов других лиц история «Верхнего» мужского монастыря представляется в таком виде.

В шестидесятых годах прошлого столетия явился на Черемшан инок Серапион из зарубежных монастырей, – подвижник, постник, с строго аскетическими наклонностями.

По общим отзывам, это была личность светлая, натура впечатлительная, полная какой-то внутренней теплоты. Все знавшие его лично сохраняют о нем самое лучшее воспоминание. Мне приходилось разговаривать о Серапионе с православными миссионерами, и те отзываются о нём как о «сосуде избранном».

По происхождению о. Серапион (в мире Семён Игнатьев Абачин) – саратовец. Родился в 1823 году. Наклонность его к аскетизму сказалась рано: 18-ти лет он тайно ушел из родительского дома и отправился странствовать. Посетил старообрядцев, живших в Турции, Румынии, Австрии и в других отдаленных местах. В России тогда для старообрядцев было суровое, бесправное время: достаточно было какому-нибудь приставу или духовному лицу найти в доме старообрядца почитаемую полуустановного письма книгу или древнюю икону, как из этого вырастало целое «дело», причинявшее их владельцу тысячи неприятностей. Грамота «раскольникам» в то время была строжайше запрещена, вследствие чего о. Серапион, между прочим, будучи ещё мальчиком, должен был уходить в погреб, чтобы почитать какую-нибудь книгу... Всё это известным образом сказывалось на его характере. После нескольких лет странствования по монастырям инок Серапион возвратился в Россию с некоторыми другими иноками и с епископом Виссарионом во главе. Поселились на «хуторе» вблизи Хвалынска, при ключе Черемшане. В то время ниже по течению того же ключа существовал уже женский старообрядческий скит, основательницей которого считается мать Повольга, вышедшая из Иргизских монастырей. Инок Серапион с братьями также основал скит, но полиция открыла их местопребывание, и все они были приговорены к тюремному заключению и телесному наказанию. Заключение в тюрьме они отбыли, но от позорного наказания старообрядцы сумели оградить иноков. По рассказам, когда их, скованные, привели на площадь и всё уже было готово к сечению розгами, в это время прискакал гонец с Высочайшим манифестом об отмене телесного наказания, и Серапиона с иноками немедленно освободили. Впоследствии, однако, Серапион снова возвратился на Черемшан и с усердием продолжал начатое дело. Тут к нему стали приходиться другие иноки и бельцы, и вскоре образовалась небольшая вначале обитель, а затем, спустя лет восемь, Серапионов монастырь был перенесен выше к горам, на настоящее место, и с той поры стал называться «Верхним Черемшаном». С каждым годом число братии увеличивалось. Обитель украсила каменная двухэтажная церковь, с куполом и крестом; начальству показалось это опасным, почему купол и крест пришлось снести. В своей деятельности Серапион не знал усталости. Вот как рассказывает об этом один из интеллигентных старообрядцев², проживший на Черемшане около пяти лет вместе с Серапионом.

– Совершая ежедневно Божественную литургию, старец находил еще время заниматься распоряжением по обители, беседами с приходскими и чтением Священного Писания. Никто не видел, когда он отдыхал от трудов своих. Если кто из братии заболел, о. Серапион, оставляя всё, шёл к болящему, утешал его в постигшей скорби и до последней минуты не оставлял его своим вниманием. Ежедневно можно было видеть десятки нищих, ожидавших о. Серапиона из церкви, – отказа никому не было. Если же кто злоупотреблял его благотворительностью, и эконом обители напоминал ему об этом, Серапион, улыбнувшись, бывало скажет: «Бог с ним, ему нужно, а когда нам потребуется – Господь пошлёт»... Братия относилась к о. Серапиону с величайшим уважением: каждый старался предупредить малейшее желание, и это делалось не из страха наказания, но единственно из любви к настоятелю...

²С. И. Быстров (Ред.)

В 1893 году о. Серапион был посвящён епископом Паисием в сан архимандрита. К этому времени в монастыре было одной монашествующей братии до 13 человек.

– Местное начальство очень уважало о. Серапиона, – рассказывает тот же старообрядец. – Власти г. Хвалынска часто посещали Черемшан, особенно летом. Нередко можно было видеть исправника беседующим с о. Серапионом, а пристав С. прямо покровительствовал Черемшану. Этим только и можно объяснить то обстоятельство, что Черемшан за всё время существования ни разу почти не подвергался репрессиям со стороны полиции.

Между тем слава о Черемшане распространилась по всему Поволжью и далеко в стороны: не говоря уже о ближайших городах, о. Серапиона знали Астрахань, Кавказ и Зауралье, старообрядческая Москва и богатая Сибирь, и отовсюду к нему стекались щедрые пожертвования. Старец не был корыстолюбив, но монашествующая братия не знала ни в чем нужды и чувствовала себя за ним, как за каменной стеной. По отзывам, после его смерти наличных денег осталось больше 70,000 р. Но ни отчетов, ни записей и никаких книг в обители не велось, да и не могло вестись, так как монастырь существовал нелегально, и все дела, всё хозяйство велись «на совесть», причем судьба и всё благополучие монастыря всецело зависели от личности Серапиона. Последнему нужно было и править иноками, и вести сношения с «благодетелями», ладить с «старообрядческой консисторией», т.е. попечителями, и – что всего труднее – оберегать монастырь от полиции и прочих чиновников, которые нередко заглядывали сюда для «ловли попов». Между прочим, И. В. Ж–н³, посетивший Черемшанские монастыри, рассказывает такой случай:

«Мы с уставщиком переходили через гору, сквозь чащу деревьев, от женского монастыря к мужскому.

Вот здесь, – сказал уставщик, останавливаясь на вершине холма, среди маленькой полянки, – вот здесь мы раз с нашим батюшкой целую ночь продрожали.

– Зачем?

– Вышло так. Вечером прискакал, сломя голову, верхом парень из Хвалынска с ямского двора. У нас тогда, по одной причине, моленна не в городе была, а вот тут, под горой. Прискакал: «Скорее, – говорит, – прячьте батюшку! Исправник потребовал лошадей, – наверно, сюда ловить приедет». Ну... куда ночью деваться? Выбежали, я да батюшка, на это место вот, да и стояли до утра. В сентябре было дело, дождичком поливало, а мы из-под дерева всю ночь в ту вон сторону на дорогу глядели.

– Ну, что же, приехал?

– Исправник-то? И не думал! В Елшанку – утопленника, что ли, глядеть – ездил.

А они глядели и дрожали... Таким же глядящим вперед и дрожащим представлялось мне и всё старообрядчество», – добавляете г. Ж–н [Жилкин].

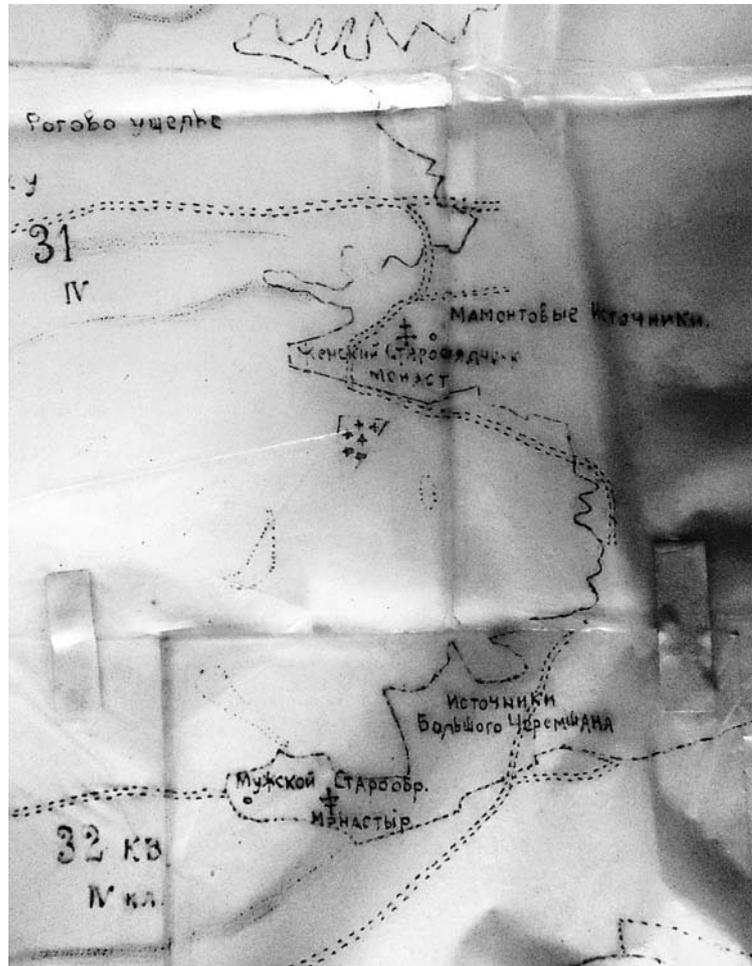
Хвалынскими старообрядцами не только в городе были приспособлены надёжные тайники для «батюшек», но хитроумно было организовано для той же цели еще соседнее село Маза⁴. «Как только разразилось гонение, священника мчали сюда, прятали, и он смиренно сидел до тех пор, пока грозовые тучи не проплывали мимо. Иногда внезапная погоня настигала в самом Хвалынске, и тогда пускалась [в ход] вся изворотливость и накопленная в постоянных травлях опытность... Один хвалынец рассказывал о таком случае, – рассказывал с весёлым оживлением и блеском в глазах, как будто речь шла об интересной охоте на

³ Писатель И. В. Жилкин (Ред.).

⁴ Село Соснова Маза Хвалынского уезда, населённое по большей части старообрядцами (Ред.).

хитрого зверя, и как будто он даже жалел, что былое тревожное и острое время прошло безвозвратно. Дело было приблизительно в 1893 г. В Хвалынске проживал старообрядческий священник Михаил Смирнов. Официально он числился мещанином, но это не спасало его от преследований. В один зловеший день прибежал, запыхавшись, глашатай к о. Михаилу: «Батюшка! Ловить идут! прячься скорей!...» Священник скрылся в доме одного из прихожан. Но и полиция не дремала. Был уже вечер. Полиция знала, что во всем старообрядческом квартале из двора во дворе шли тайные ходы, и потому из боязни упустить добычу не рискнула делать обыск ночью... И старообрядцы держали ночью военный совет. Утром, как только заря растаяла в небе, ворота одного дома растворились, и из них не спеша выехали беговые санки, запряжённые породистым рысаком. В саночках сидел и правил человек в костюме наездника, а рядом с ним помещался хозяин дома, весьма уважаемый в Хвалынске и жителями и полицией за хорошее состояние. Санки медленно, шагом проехали улицей и спустились на Волгу. Здесь стоял возок с тройкой лошадей. Наездник облобызался со своим спутником, сел и возок, и тройка, звеня бубенцами, помчалась вниз по ледяному простору. Это был священник Михаил Смирнов» («Старообрядцы на Волге», стр. 41).

Старец Серапион все эти преграды и опасности как-то умел обходить, и при нём Верхний Черемшан процветал «яко крин сельный». Но достойных ему заместителей не нашлось в монастыре. Передав перед кончиной верховенство в обители четверем поименованным выше инокам, он отошёл с миром 7 января 1898 года. Хоронили его 2 епископа, 10 священников и 3 диакона. Со всех концов России съехались старообрядцы отдать последний долг почившему. Ни до того дня, ни после Черемшан не видал такого множества богомольцев: тут были, говорят, не сотни, а тысячи народа. Память об о. Серапионе не умерла, и многие из старообрядцев ожидают открытия его мощей... После него игуменом монастыря сделался иеромонах Феодосий, бывший при Серапионе казначеем. Сколько ему досталось денег, — неизвестно: одни говоря — тысяч до 70-ти, другие — меньше, иные называют более крупную сумму. Когда я был на Черемшане, Феодосий на несколько дней отлучался из монастыря, вследствие чего повидаться мне с ним не удалось. По отзывам, это человек «простого ума» (бывший пильщик), детски доверчивый, притом совершенно почти безграмотный. Вскоре он подпал под влияние нескольких крупных «благодетелей»,

Карта Черемшана. Нач. XX в. ХКМ.

которым слепо подчинился во всем, а те его эксплуатировали и направляли его в любую сторону. Править монастырём, да ещё не признанным законом, такому игумену было не по силам. Феодосий – мастер сложить печь, поделаться что-нибудь топором, приглядеть на дворе и за садом, но разбираться в уставах и правилах у него не хватало ни опыта, ни знаний; часто душа его рвалась за Волгу на участок, или в город к «благодетелям» и по другим местам, и отлучки его были довольно продолжительны... При Феодосии Черемшан быстро покатился под гору, утратив прежнее значение «лавры». Это видел и скорбел сердцем живший в то время на Черемшане старообрядческий епископ Паисий, который задумал сменить Феодосия и поставить на его место игуменом молодого, но ловкого – сметливого и энергичного инока Пантелёймона (Маренникова), к которому Паисий явно благоволил. Нужно было выждать лишь подходящего случая, и случай этот представился. Феодосий совсем почти перестал являться к службам, вследствие чего служащему монаху приходилось кадить на пустое (игуменское) место [...] Но вот, однажды Феодосий во время самой службы, за чтением кафизм, вышел из церкви и... пропал на три дня. Тогда Паисий запретил его, а игуменом братия избрала Пантелеймона. Деньги, однако, большею частью остались на руках у Феодосия, за него же восстал весь синедрион старообрядческих попечителей, пред которыми Пантелеймон не склонял головы. Зато и игуменствовать ему пришлось всего несколько месяцев. [...] Кончилась эта смута тем, что в монастырь явились полиция, понятые, урядники, во главе с двумя приставами, и половина братии была изгнана насильственно из монастыря, некоторые были арестованы, а игумена Пантелеймона увезли связанного из обители. Но Черемшанские скиты – мужской и женские – собрали тысячи четыре рублей залогу

Введенская церковь
Фелицатина монастыря.
Фото 1910-х гг. СОМК.

за арестованных и взяли на поруки Пантелеймона, за которого было внесено две тысячи рублей, инока Александра и друг. Впоследствии, рассказывают, этим залогом воспользовался как-то беглопоповец Селезнёв и быстро «прогулял» деньги. [...]

После всех этих событий и переживаний монастырь захирел и не может оправиться до сего времени. С Маренниковым же (освободившись из-под ареста, он предъявил к монастырю какие-то иски и обвинения) дело тянется и до сего времени, и, как говорят, за 6 лет тяжбы обе стороны просудили уже больше 10 тысяч. Что касается бывшего игумена Феодосия, то собор епископов присудил жить ему при Черемшанском монастыре до конца дней, в удостоверение чего ему выдана грамота, которую подписали 12 старообрядческих архиереев: архиепископ Московский Иоанн, епископ Бессарабский Петр, Казанский Иосаф, Самарский Порфирий, Балтский и Одесский Кирилл, Новозыбковский Михаил, Кавказский Феодосий, Томский и Сибирский Иосаф, Нижегородский и Костромской Иннокентий, Киевский Ермоген, Калужский и Смоленский Иона, Уральский Арсений, Рязанский и Егорьевский Александр, Пермский Антоний (за некоторых из них, по уполномочию, подписали грамоту доверенный лица). В настоящее время положение Феодосия довольно грустное: живет он

рядовым монахом, забытый «благодетелями», на которых ушли пачки билетов, лежавшие когда-то под скатертью у Серапиона... Там же находится и отец Саратовского епископа Мелетия, схимник Палладий. Во всяком случае, теперешнему игумену Евлогию придется положить много труда, раньше чем удастся загладить следы смуты и вывести обитель на прежний путь.

– Всё у нас хорошо бы, и земля обильна и прекрасна, да вот порядка не хватает, – жалуются старцы «Верхнего Черемшана».

В женских монастырях, которые мне потом удалось осмотреть, порядок держатся пока твердый, местами даже железный.

Крутые склоны; сочащиеся источниками и ключами роци; мягкие, зеленые тоны каменистых обвалов; богатство и разнообразие красок, сплошные великолепные сады – во всем этом женский Черемшан не уступает мужскому. Всего здесь семь женских скитов: Фелицатин, или Мамонтов ключ, Платонидин, Нижний Елесин монастырь, Верхний – Енафин, Маргаритин; между «австрийскими» скитами – обитель «проезжающих», т. е. беглопоповцев, а несколько поодаль застряла в горах обитель федосеевского согласия (безпоповцев). Все эти обители и скиты полумесяцем окружают Верхний мужской Черемшан с двух сторон. [...]

Из женских монастырей самый многолюдный, благоустроенный и зажиточный – Фелицатин. Обитель раскинулась по течению Мамонтова ключа. Прекрасный сад, родники и пруды. Во всем заметны чистота, порядок и размеренность жизни. Одно- и двухэтажные кельи из прочных брусьев или обложенные кирпичом, разбросанные там и сям по лощине группами и в одиночку, красиво выглядывают из-за зелени деревьев. Между отдельными корпусами безукоризненно выметенные и углаженные дорожки. В середине – красивая каменная церковь, с куполом и колокольней, а рядом – обширные, чисто барские апартаменты самой «матушки». В общем всё это представляет вид вполне благоустроенного городка и привлекает сквозящими во всех мелочах домовитостью и уютом. Во всяком случае Фелицатина обитель могла бы служить для самого Хвалынска образцом хозяйственности и внутреннего распорядка. И подумать только, что всё это достигнуто трудами одной женщины, притом в самых невыгодных условиях, перед которыми могли бы спасовать многие общественные деятели... Мы вошли в церковь: и здесь необыкновенная чистота и благолепие. Красивый, старинного письма иконостас, стены и пол точно сейчас только выкрашены: везде коврики и дорожки, аккуратно сложенные подколенники.

Перед иконами – неугасающие лампы. Церковь с хорами. Сбоку, точно гнездо ласточки, прилепился миниатюрный, но такой же светлый, как церковь, придел. В проходах и под сводами колокольни помещаются кладовые и жилые кельи с диванами, постелями и сундуками, что придает церкви какой-то полудомашний характер. Такая же обстановка я на хорах главного храма: мягкое кресло для игуменьи Фелицаты; тут же её «свои» иконы, которым она сугубо молится, и тут же сундуки, кровать, женское платье: налево от хор – помещение для готовящихся к постригу, с полной домашней обстановкой.

По отзывам, жизнь монастыря основана на строго общежительных началах: общий стол, общие молитвы, общая келарня и общий труд. Но все это держатся неограниченным правлением матушки Фелицаты, «полнота власти» которой могла бы служить идеалом для иного государственная деятеля.

Об этом приходится сказать несколько подробнее. Основная особенность старообрядческого быта вообще заключается в том, что весь уклад жизни здесь проникнут общинными началами, но держится авторитетом старшинства. Преследования и бесправие, необходимость постоянной борьбы и самообороны

Инокания Фелицата,
строительница
Введенского монастыря.
С фото нач. XX в. СОМК.

создали здесь огромную потребность в вожаке и высоко поставили значение личности «патриарха». Это заметно более или менее в любой старообрядческой семье, где вся жизнь, все крупные и мелкие поступки её членов заключены в непреклонную систему и железную дисциплину. «Как плотно закупоренный сосуд, старообрядчество хранить в целостном виде этот древний русский дух, замешанный на крепких византийских дрожжах», – замечает по этому поводу один из воспитавшихся в этой среде журналистов⁵. [...]

Официально монастыри – не монастыри, а «хутора», братия – не монахи, а рабочие и «проживальщички»; кресты и куполы, древние чугунные «била» и недавно повешенные, ещё не обзвонившиеся колокола, склепы и кладбища – всё это ведь «не существует», незаконно. Конечно, на «хуторах», среди «проживальщичков» не может быть и отчётности, преемственной власти, выборного начала, не может быть настоящей законоправной общины, основанной на принципах взаимопомощи, равенства и гласного контроля. Поэтому и сами старообрядцы считаются не с монастырём, а с личностью, дают и благотворят не общине, а Серапиону, Фелицате или Енафе, и с этой точки

зрения монастыри эти действительно не монастыри, а частные владения Фелицатины, Маргаритины, Серапионовы: они основывали обители, они принимали братию, созидали уставы и порядки и т. п. Старец Серапион был крупной личностью и совершенным авторитетом, и пока был он жив, Верхний Черемшан процветал и славился. Умер Серапион – и нет другого: игумена поставили, но не было личности, авторитета, которому так же верили бы, повиновались и уважали из внутреннего, свободного побуждения, как уважали старца. Принцип же абсолютизма остался в полной силе: простоватый умом и слабый волей пильщик Феодосий хотел игуменствовать на тех же началах совершенного абсолютизма, и... получился развал, ссоры, скандалы и упадок монастыря. Всё это нужно рассматривать как дань времени, как необходимые условия переходного состояния старообрядческих монастырей от абсолютного правопорядка к общинному устройству жизни.

Возвратимся к Фелицате, составляющей пока душу «своего» общежития и являющейся для женского Черемшана тем же, чем был когда-то для Верхнего Черемшана старец Серапион. В ней нет обаятельной мягкости характера, всепрощения и душевной теплоты, увековечивших за старцем память «избранного сосуда», но на протяжении всей её жизни оказывается та же духовная мощь, беззаветная преданность старым обычаям и вере отцов: «железная баба, король!» – таковы общие отзывы об этой незаурядной женщине.

Непосредственно мне удалось обменяться с ней лишь немногими фразами (во время моего посещения монастыря она чувствовала себя не вполне здоровой), но и этого было достаточно, чтобы убедиться в справедливости отзывов.

По происхождению мать Фелицата (в мире Фекла Евдокимовна⁶ Толстикова) из родовитой дворянской семьи с прочными связями, устоями и тради-

⁵ По-видимому, С. И. Быстров (Ред.)

⁶ Исправлена авторская ошибка: «Евдокимовна» вместо неправильного «Тимофеевна» (Ред.).

циями. Как и Серапион, она рано отдалась религиозному подвигу. Ей одной известно, какая душевная драма заставила её пренебречь личным счастьем и бежать от мирских прелестей, сделавшись «Христовой невестой». С тех пор она всецело посвятила свою жизнь на созидание монашеской обители, в чём ей много помогают сохранившиеся связи и богатые родственники. Теперь ей около 70 лет, но стан её прям и поступь легка и упруга. Пока одиночные кельи не превратились в цветущую обитель с церковью и каменными корпусами, пока внутренняя жизнь монастыря не была спаяна в прочную общину, с незыблемыми уставами и порядками, Фелицате много пришлось потрудиться и многое пережить: за это время она не раз представляла за старообрядцев в Петербурге, не раз сидела в тюрьме. Но время от времени налетавшие на обитель бури и грозы не сломили упрямой натуры; аресты и гонения лишь закалили гордую волю и окружили мать Фелицату ореолом, которым она пользуется умело и с достоинством. В настоящее время, может быть, предчувствуя близость развязки и желая подготовить переход обители к новому строю, она официально сложила с себя часть бремени по управлению монастырём, поставив в звание игумении инокиню Измарагду, а монастырское имущество и всю собственность перевела на Хвалынскую старообрядческую общину австрийского согласия. Фактически, однако, от этого ничего не изменилось: монастырь как был Фелицатин, таким остается и по сие время, на ектениях поминают обеих инокинь – Фелицату строительницу и Измарагду настоятельницу; воля «матушки Фелицаты» – закон для всех, от белиц до старниц и схимниц, не исключая самой игумении Измарагды[...] Отчасти в этом я

Протоиерей
Михаил Кауров.
С фото нач. XX в. СОМК.

Дачники на Черемшанском пруду. *С фото нач. XX в.*

мог убедиться личными наблюдениями. Не имея возможности непосредственно получить от неё некоторые сведения, я обратился за справками к старшему священнику о. Михаилу (в своем монастыре мать Фелицата установила полный ежедневный круг церковных служб, для чего содержит двух священников: старший, Михаил Каюров⁷, в сане протоиерея, второй – Моисей Никифоров). Так вот я и обратился к старшему священнику, который в это время прилаживал на колокольне желанные для старообрядцев, но лишь недавно разрешенные к повешению колокола (до этого монастыри удовлетворялись «билами», как называются укрепленные на проволоке железные плиты, в которые ударяли деревянной колотушкой, отчего получался резкий, дребезжащий звук, несколько похожий на удары колокола). Пришлось ползть к нему туда. О. Михаил – средних лет блондин, в подряснике и полуцилиндре. Познакомились.

С первых же слов о. Михаил выразил своё неудовольствие во поводу совершающейся в старообрядчестве эволюции в смысле обмирщения.

– Не мирволю я нынешнему двадцатому веку, – говорил он. – Ну, посудите сами: придёт это в шляпочке, с подстриженной бородкой, да ещё – случается грех – табачком пахивает, и еще норовит под благословение! И бабё туда же, а за ними, известно, и молодёжь! О-о-хо-хо!... Ну, поднимешь ей шляпочку, да лоб-то и перекрестишь. Мне что, что у неё на голове лукошко, да волосы овином? Я, друг, без церемонии... И то рассудить: молодёжь, да иной ещё гимназию прошёл. [...]

«Старообрядчество в опасности; древняя вера погибает!» – вот что заботит отцов Михаилов[...]. Вот что замечает по этому поводу И. В. Жилкин, хорошо знающий современные течения в старообрядчестве.

«Во многих старообрядческих семьях встречаются лицом к лицу представители 20-го столетия и представители седой византийско-славянской старины. Идёт неравная и упорная борьба, кипят гневные споры, молодая сила безжалостно ломает закаменевшее мирозерцание своих отцов. Родители с ужасом смотрят на «безбожников» детей, но шаг за шагом неумолимая молодость делает свое дело – и во многих семьях суровое, аскетическое значение старого обряда значительно подрывается. Много горя несут эти неслышные и тяжёлые семейные драмы. Молодое поколение победоносно стоит на развалинах обряда, но, закончив энергично дело разрушения, оно не приступает и не желает приступать к религиозному созиданию. Вместе с обрядом почти всегда молодежь отбрасывает и всякий интерес к религии. И это кладёт непроходимую пропасть между молодым поколением и старым... Молодость вносит критику, насмешку, сомнение в старый уклад жизни и оставляет стариков в беспомощном смущении перед непосильной задачей перестройки всего религиозного мирозерцания. Этот смутный перелом, это тяжкое раздумье над обрядом, как главным основанием служения Богу, замечается в настоящую пору весьма сильно в глубоких слоях народа».

На Фелицатин век, однако, и среди молодёжи хватит ещё приверженцев старого и всякого иного обряда... Из разговора с о. Михаилом я, между прочим, узнал, что в этой обители, вместе с двумя приписанными к ней скитами, не меньше 200 монахинь, из которых весьма многие пострижены с 17–18 лет (случается, на Черемшане постригают и с 14-ти лет), в том числе человек до 50-ти схимниц, причём иные приобщились «евангельскому чину» лет с 22–25, навсегда отрешившись от мира.

Беседа наша с о. Михаилом была прервана неожиданным образом: его на минуту пригласили к «матушке Фелицате». О чём там была речь, для меня оста-

⁷ Исправлено: у автора ошибочно «Кагуров» (Ред.).

ется неизвестным, во возвратился он оттуда смущённым, неузнаваемым, и уж ни на один вопрос я не мог добиться от него ответа.

– Извините, недосуг. Да я, признаться, и сам тут недавно... Ежели что, вы уж к матушке Фелицате обратитесь... – И т. д.

Заинтересовавшись ранними постригами и посхимлениями на Черемшане, я стал собирать кое-какие справки, и в результате получилось нечто интересное в бытовом отношении и характерное для старообрядческих монастырей.

Не говоря уже о Фелицатиной обители, все прочие женские скиты возникали на Черемшане совершенно случайно, по личной инициативе той или иной основательницы (все они пока в добром здоровье и потому сами могут свидетельствовать за себя). Для примера взять хотя бы соседнюю с Фелицатиной – Платонидину обитель.

Когда я пришел туда, «матушка» только что вернулась из города с нагруженными всякой всячиной повозками. Её встретили монахини и послушницы, которые немедленно принялись вытаскивать из повозок кульки, узлы, связки, мешки с мукой, сахаром и проч. Матушка пригласила нас в келью. На вид это особа лет за 50, с типическими чертами разбитной русской женщины, бойкая, говорливая.

– Нет, пойдёмте в холодок: разомлела на жару-то, – сказала она и провела нас в переднюю часть здания, где помещается довольно просторная, чистая, с дорогим старинным иконостасом церковь. По рассказам матери Платониды (в мире Пелагея Филипповна Розанова), обитель её существует лет 17; теперь в ней до 40 инокинь, в том числе 5 схимниц, из которых одной старице больше 100 лет. Сама она – дочь новочеркасского заводчика; в молодости ещё попала на Рогожское кладбище, а потому считает себя коренной москвичкой и до сего времени поддерживает с Москвой постоянные сношения.

– Да как же на Черемшан-то попали? – спросил я.

– Вот диво! – возразила мать Платонида. – Что ж особенного? Красная девица – вольная синица: где захотела, туда полетела, хвостом повертела – там и села... Так-то я моё дело: приглянулся Черемшан – я села, живу, – что ты со мной сделаешь?..

– Да ведь уж тут был монастырь?

– Был: а я – свой.

Подобным же образом возник и следующий, Маргаритин, скит: мать Маргарита (в мире Марфа Ефимовна Ефимова), по её рассказам, питомица гнезда Фелицатина. Была в её обители «первая сборщица», ездила и на Урал, и в Астрахань, бывала не раз в Москве. Завелись знакомства. Чего же смотреть из чужих-то рук? На людей сколько ни работай... Подумала и начала строить свой скит.

Отошла с 2 р. 75 к. в кармане, а теперь, спустя 16 лет, у неё под началом 30 инокинь, собственные корпуса келий, большая каменная церковь с двумя приделами. На первых шагах ей помогло московское старообрядческое купечество, а особенно некая Лапшиниха.

– Э, весь мир на нас, да Господь за нас! Я не тужу, а надеюсь, – говорит она. – Фелицате-то шутя делом управляться: у неё работницы да сборщицы, да богатые родственники Мальцевы (в Балакове), Меркульевы: коровами, лошадьми, сеном, мукой, зерном – всякой всячиной везут, а жертвы-то тысячные; а я всё сама по Божьей милости. Да еще меня, сироту, и обижают: преосвященный Арсений (Швецов, епископ уральский, умерший около года назад) как сбивал: «Отдай обитель в общину, отдай! Тебе негоже, бабе, отдай! Не отдашь – попа, слышь, не дам!» А я хоша и баба, да погоди... Что мне из рук-от попечителей смотреть? Взяла да по духовной все меж своих инокинь и расписала, – вот, почитай-ка.

«Духовная», оформленная нотариальным порядком, представляет едва ли не первую попытку к образованию самостоятельного монастыря, не зависящего ни от какой иной общины или попечителей. «А после их (поименованных инокинь) смерти, – говорится, между прочим, в завещании, – завещаемое мною имущество должно поступить в полную собственность, по распоряжению архиерея белокрыницкого толка, на открытие женского монастыря или общины этого толка, совершенно отдельной от монастырей, существующих теперь и впредь могущих быть открытыми, и церкви этого монастыря должно принадлежать все завещанное имущество... Прочих наследников и родственников прошу не вмешиваться, споров и исков не заводить. Цену завещанного имущества предоставляю объявить после моей смерти наследникам моим по совести» (4 десятины земли под садом, лесом, церковью, амбарами, кельями, огородами и проч.).

Следующей монастырь, Енафин, – с 32 инокинями и 3 схимницами, с особой церковью, прекрасными вытянувшимися в линию кельями, скотным двором, огородами, садом и проч., – существует всего 2 года. Основательница его Енафа (в мире Екатерина Васильевна Кованцева) также вышла из Фелицатиной обители, куда поступила с 15 лет, когда во всем Черемшане было не больше 15-ти инокинь и белиц. Так же, как и Маргарита, ходила со сбором и так же завела «свои» знакомства и связи. Впоследствии лет 8 пробыла настоятельницей в женской обители около станции Боголюбово, Владимирской губернии. Но там монастырь «потеснили». Оставшись после разорения не причём, «вольная синица» Енафа взвилась, полетела и села на родном Черемшане. Средства, видимо, у неё были, так как монастырёк выглядит маленькой крепостцой, построен капитально и, кажется, не испытывает нужды. Теперь и здесь идут пострижения, посхимления, жертвы и приношения. Сестрицы позванивают да молятся, а соловушки им подпевают [...]

II.

Потоп страшный умножался...
 Народ, видя, испугался, –
 Гнев идет, гнев идет!
 Видя воды многи люты,
 Побежали в горы круты, –
 Там спастись, там спастись!
 Дебри водой наполнялись,
 Все животны выбирались
 На верх гор, на верх гор.
 Лютость в кротость пременили
 И друг друга не вредили
 Лев с овцой, лев с овцой.
 Птицы воздух наполняли,
 Безпрестанно все летали, –
 Пользы нет, пользы нет!
 Все их силы прекратились,
 Сами в воду повалились
 В злой тот час, в злой тот час.
 Кверху гласы восклицали,
 Когда дух свой испущали

В смертный час, в смертный час..
 Друг со другом обнимались,
 В час последний разлучались,
 В страшный час, горький час!
 Вдруг был взят с земли волнами
 Ной в ковчеге с сыновьями,
 Носим там, носим там.

И т.д.

Конец песни такой:

Ной на землю вылезает
 И песнь Богу воссылает:
 Аллилуиа! Аллилуиа!

«Стишок» этот в числе других мною записан на Черемшане как образец скитской поэзии. Для старообрядцев, кроме того, он имеет символическое значение: нудная, серая, с опасностями и соблазнами, вся жизнь им представляется сплошным потоком, где слёзы и стоны грешников заглушаются шумом и плеском житейских волн, где нет прощающего и милующего, где тщетно руки простираются к небу. Блаженны одни лишь спасающиеся в «ковчеге веры» (конечно, старой), куда не достигают грозы и волнения, которых впереди ожидает спасительный Арарат (рай) и блаженная «аллилуиа». Какой страх для души попасть в загробной жизни в вечный пламень, в смолу кипящую, на потеху врагам рода человеческого, где над ней будут издеваться торжествующие бесы – рогатые, мохнатые, хвостатые, с огненной пастью и зелёными глазами... Где же от всего этого искать тихого, небурного убежища, как не в монастыре? Здесь молитвы, здесь пение, здесь мудрость и праведность, отрекшаяся от мира. И тут мы видим начало трогательных и благоговейных отношений к скитам и ко всему монастырскому укладу, которые так живучи в приверженцах древляго обряда и благочестия. Богатые и бедные, стоящие на свещнице и убогие простецы – все льнут к обителям, жмутся под их кров: гонимые находят здесь пристанище, немущие – пропитание, обиженные – утешение, иные – прощение и успокоение; одни приходят сюда на время, другие остаются на всю жизнь, иные присылают на воспитание детей своих. История Черемшана полна подобных примеров в прошлом и настоящем.

В Нижнем Черемшане, в обители матери Повольги, между прочим, проводил большую часть времени первый саратовский старообрядческий епископ Афанасий, который здесь и похоронен. Вышел он из Иргизских монастырей. По рассказам, это был один из горячих апологетов староотеческой веры. Епископство его совпало с гонительной эпохой сороковых годов, когда не только епископам и священникам, но и простым монахам зачастую приходилось скрываться, если кто не хотел идти на «вольные страсти» – сидеть в оковах, быть сеченным на площади и т. п. Во избежание этого на Черемшане для Афанасия было устроено под беседкой подземелье, куда его и прятали в минуты опасности. Беседка эта уцелела до сего времени. Пол в ней пригнан так искусно, что никому и в голову не придёт, что он легко поднимается и опускается. Под полом заложен желтый сосновый сруб наподобие погреба, – здесь-то и укрывался Афанасий. И теперь ещё в подполье находятся широкая скамья, на которой он спал, стол, полочка, икона, у которой он искал защиты и клал поклоны в те минуты, когда над его головой стучали шпоры и звучали тревожные голоса испуганных монахинь. На полочке – несколько рукописей на толстой синей бумаге, написанных его рукой.

Портрет епископа Афанасия (Кулибина). XIX в.

Осип Семенович Гончаров.
Гравюра XIX в.

На Черемшане же, в обители Фелицаты, жил и похоронен преемник Афанасия, епископ Амвросий Саратовский.

При въезде в Верхний (мужской) Черемшан на полугоре виден у леса восьмиконечный высокий белый крест, хорошо знакомый хвалынцам. Здесь похоронен один из видных старообрядческих деятелей, Иосиф Семёнович Гончаров, или генерал Гончаров, как его называют. По происхождению это был казак, один из некрасовцев, убежавших в числе нескольких тысяч человек в Турцию, на берега Дуная, в царствование Николая I-го⁸. Там он сопровождал старообрядцев Павла и Алимпия в Константинополь и обратно для обращения в старообрядчество митрополита Амвросия при учреждении кафедры в Белой Кринице.

Возвратившись в Россию, он поселился около обители Серапиона, с которым находился в неразрывной дружбе. Однажды он ездил в Петербург с ходатайством о разрешении построить на Черемшане «законный» храм, и за военные заслуги был принят и обласкан императором Александром II-м. Разрешение на постройку храма было получено, но осуществить заветную мечту ему не было суждено, так как вскоре после этого Гончаров умер, а без него строить не решились⁹.

Пафнутий, епископ Казанский, несколько лет жил на Черемшане и здесь вдохновлялся для своих писаний, которые расхваливались в рукописях и ценились старообрядцами на вес золота. Наиболее известны из них руководства при совершении браков и о порядке ведения метрических записей, которых многие старообрядцы побаивались как «антихристовой ревизии».

Кроме поименованных епископов, Черемшан имели резиденцией Кирилл Нижегородский, Паисий Саратовский и Астраханский, Арсений Уральский; из современных епископов Порфирий Самарский почти безвыездно живет

на Черемшане, где у него собственная дача с садом; очень нередко бывают здесь и другие старообрядческие епископы, не говоря уже о Саратовском Мелетии, у которого отец «посхимлен» на Черемшане, а недавно в обители Фелицаты гостила дочка епископа.

В августе 1905 года на Черемшане, между прочим, происходил собор епископов, в котором принимали участие все почти старообрядческие владыки Белокриницкой иерархии, начиная с архиепископа Московского Иоанна. В это время как раз посетил Черемшан адъютант

⁸ Ошибка: некрасовцы переселились из России в XVIII веке (Ред.).

⁹ Автор допускает неточность: на самом деле 2-этажный храм с куполом и крестом был построен и освящён в 1881 году: верхний храм – в честь Успения Богородицы, а нижний – во имя Ея Покрова (Ред.).

Государя граф С. Д. Шереметев, незадолго лишь перед этим распечатавший, по Высочайшей воле, московские старообрядческие храмы¹⁰ на Рогожском кладбище. Можно себе представить, с каким чувством признательности встретил графа старообрядческий собор! От имени всего русского старообрядчества графу был поднесен прочувствованный адрес, на который он ответил памятными для старообрядцев словами: «Государь о вас хорошего мнения; он ваш защитник от нападков. Молитесь за Государя, теперь дышите свободно, пользуйтесь всеми благами, дарованными законом о равенстве исповеданий». Встречали г. Шереметева пением, а проводили земным поклоном, и граф дал слово снести этот поклон и выражение преданности к подножию Престола.

Живя на Черемшане, старообрядческие епископы много содействовали популярности монастыря и материальному процветанию: привлекали жертвы, иные сами строили за собственный счёт храмы и приделы; епископ Порфирий, например, сам постоянно почти служит в Маргаритином монастыре, для которого он приобрёл сад за несколько тысяч рублей, построил придел в церкви и вообще затратил на обитель большие средства.

Примеру епископов следуют и миряне, одинокие и семейные, которые всё отдают монастырям, не исключая жён, детей и себя самих. Между прочим, в мужском Черемшане поодаль от других иноков проживает в особой келье, над прудом, некто о. Порфирий¹¹ (личность во многих отношениях незаурядная), постригшийся в один с своей женой, которая и поныне находится всего лишь через холм, в женском скиту, под именем матери Персиды. Порфирий – сын фабриканта, сам обладал средствами; теперь же он и она живут одной мыслью «о горнем».

Лично мне пришлось познакомиться здесь с одним очень симпатичным и довольно интеллигентным семейством, которое, живя по соседству с монастырём на собственной даче, наполовину принадлежит уже обителям, сливаясь с их жизнью: дед состоит в числе братии Верхнего Черемшана и только по временам возвращается на часок-другой к семейному очагу; внучка (уже взрослая) большую часть времени проводить в женских скитах, где у них построена своя келья с целым

¹⁰Точнее, олтари старообрядческих московских храмов, закрытые и опечатанные в царствование Александра II (Ред.).

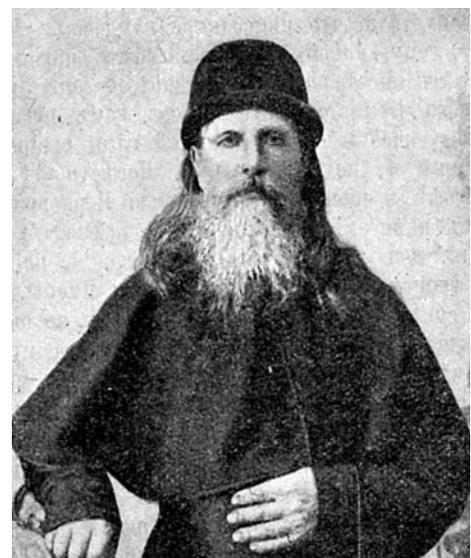
¹¹По-видимому, инок Порфирий (Морозов) (Ред.)

Епископ Пафнутий Казанский.
Фото XIX в. СОМК.

Епископ Мелетий Саратовский.
С фото нач. XX в. СОМК.

Епископ Порфирий Самарский.
Фото нач. XX в.

Алконост.
Лубок раскрашенный, XIX в. СОМК

Сирин. С цветной литографированной картинкой. Нач. XX в. СОМК

иконостасом образов; мать (дочь старика) по необходимости также возвращается в кругу инокинь, больше и больше проникаясь интересами обитателей и порядком их жизни, хотя всё ещё колеблется, продолжая управлять садом и дачами. Нетрудно, однако, предвидеть в какую сторону склоняется стрелка весов...

Таких тяготеющих к монастырской жизни семей немало ютится вокруг Черемшана. Между прочим, наш саратовец, земский и городской гласный Ис. Евд. Усачёв построил для своей дочери прекрасную келью-особняк на Мамонтовом ключе. Останавливаться на других фактах нет надобности; во всяком случае, они довольно многочисленны.

Лично меня интересовал другой вопрос: что же дает Черемшан старообрядческой молодёжи не в смысле только «утверждения веры» и религиозных навыков, но и относительно общего мирозерцания и развития? Какова жизнь молодых людей в обителях, служащих в то же время и просветительными центрами? Отчасти из предыдущего мы видели, что они берут от мира, но что несут они в мир? Ведь родители помещают сюда детей в уверенности, что здесь они получают всё самое лучшее и ценное, что необходимо человеку в жизни.

Чтобы ответить на эти вопросы, опишу одну из келий.

Небольшая, в несколько квадратных аршин комната; полные поставцы образов: лампадки и лестовки; постель. Довольно опрятно. Ничего лишнего. Несколько богослужебных книг. Над дверями и окнами обязательная надпись в ограждение от козней сатаны: «Христос с нами уставися вчера, днесь, той же и во веки». На стенах – картины: одна изображает какую-то сказочную птицу с женской готовой; на другой – ярко раскрашена такая же птица, но с лицом мужчины. Под первой подписано: «Сирин» и дальше следуют стихи, написанные полууставом:

Птица райская, зовома Сирин:
 Глас ея в пении зело силен.
 На востоце в эдемском лесу пребывает,
 Непрестанно пение красно воспеваает.
 Праведным будущую радость возвещает,
 Которую Господь святым Своим обещаает.
 Временем влетает и на землю к нам,
 Подобно сладкопесенно поет, яко же и там.
 Всяк бо человек, во плоти живя,
 Не может слышати гласа ея;
 Аще же кому слышати случится,
 Таковый от жития сего отлучится.
 Но яко там (в раю) он пребывает
 И, вослед ея течя, пад, умирает.

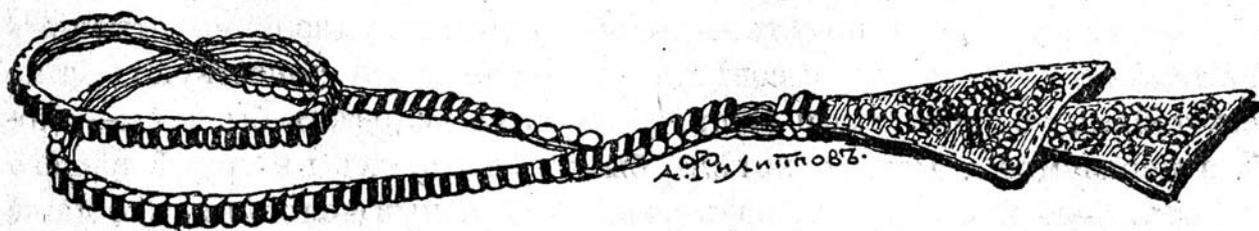
(Книга «Гранограф».)

Подпись под другой картиной—«Алконост», и также стихи:

Птица райская, зовома Алконост.
 Кто поблизости ея будет,
 Той все в мире сем позабудет:
 Тогда ум его от него отходит,
 И душа его из тела исходит.
 Таковыми песньми святых утешает
 И будущую им радость возвещает.
 И многая блага тем сказует,
 То и яве (ясно) перстом указывает.

Такова обстановка кельи. Но большую часть бодрственного времени белицы и постриженные проводят в церкви или на келейной молитве с лестовкой (чётками) в руках. Старообрядческие, а тем более монастырские службы, правила и поклоны не могут идти в сравнение с самыми продолжительными богослужениями «православного»¹² чина. Исполняется старый обряд истово, протяжённо, без каких-либо пропусков и сокращений, под монотонное и тягучее пение: благолепно крестятся, благолепно, все разом в указанных местах отбивают поклоны. Внушительное зрелище представляет толпа суровых, почти закаменелых лиц, то неподвижно глядящих на иконы, то всей громадой падающих ниц с мягким шумом, утопающим в подколенниках¹³.

Особенное пощение и моление бывает в недели Великого поста: питаются больше сухоядением, без горячего, без масла, без каких-либо приправ, а из

Лестовка. Рис. А. Филитова. Нач. XX в.

¹²Новообрядческого (Ред.).

¹³Подрушниках (Ред.).

церкви (особенно в первую и последнюю недели) почти не выходят: утренняя от 2 часов ночи до 6 ч. утра; часы служатся вместе с вечерней от 8 до 12 ч. дня; павечерница и «правильные каноны» (ирмосы, стихеры, тропари, акафисты и проч.) с 3 часов дня до 7-ми вечера. Всего на общую молитву полагается до 12 часов в сутки. Но и краткие промежутки между службами не остаются незанятыми; каждый обязан в течение суток келейно исполнить 10 лестовок, т. е. пройти по чёткам 1030 шариков¹⁴ с многочисленными «Богородицами», «Исусовыми молитвами» и безчисленными поклонами. Например, десятая лестовка исполняется так: читается «Богородице Дево, радуйся, обрадованная Марие...», кладется земной поклон и отодвигается один рубчик лестовки; на другом рубчике – та же молитва и поклон и т. д.; после 10-ти рубчиков «Богородица» и поклоны покрываются чтением «Отче наш». И так на протяжении 103 рубчиков. Подумайте, сколько это занимает времени, и какая масса физической и духовной энергии затрачивается на одну эту лестовку!.. Одно перечисление «повседневных», т. е. обязательных, молитв, тропарей, канонов, правил, синаксариев и проч. заняло бы добрый столбец петита. А между тем, наряду с молениями каждая из сестёр обязана еще исполнить ту или иную монастырскую работу.

После всего этого поверишь отзыву одного из братьев, что «тут не до соблазнов».

Такими средствами, да ещё молчанием и послушанием достигаются крепость веры и незыблемость дисциплины. [...]

– Больно уж «матушки» заботятся да стараются, чтобы побольше залучить девушек в монастырь, особенно если из богатеньких, да поскорее постричь, да посхимнить, – рассказывали мне здесь. [...]

– Да как же молоденьких постригают? – спросил я.

– Постригают, отец, постригают... Старец Серапион на этот счёт был осмотрителен: уж он, бывало, не испытавши, не наложит мантию, а тем паче не благословить параманом. (Параман – четырёхугольник с изображением креста, нашивается схимникам на одежду сзади, между плеч; символически знаменует вериги). Сколько разов случалось – пристанут к нему с просьбами: «Постриги да постриги, отче!» А старец улыбнется кроткой улыбкой, скажет: «Эх, чадо! Не одежды спасают, а молитвы да благостыня. Ну, зачем тебе мантия? Ты поживи, потрудись да оглядись»... И многие его потом благодарили. [...]

Маргаритин скит. Фото кон. XIX – нач. XX в.

¹⁴Не шариков, а ступеней лестовки (Ред.).

Но отзываю, старообрядческие епископы борются, насколько возможно, с произволом монастырских матушек и стараются привести к единству порядка и общежития «раздорствующие» черемшанские обители. Между прочим, этим вопросом занимался собор епископов 1905 года, запретив священникам отправлять службы в некоторых скитах, а некоторым матушкам воспретив сбор благостыни по губерниям. Но все это пока не достигает цели: церковную службу «матушки» эти правят собственными силами (за исключением, конечно, литургии, которая заменяется часами и канонами), а сборщицы и «благовестницы» по-прежнему рассылаются во все концы России. Мало этого – практика жизни и приспособляемость выдвинули новые средства к обеспечению монастырей и привлечению жертв.

III.

[...] В настоящее время из всех старообрядческих групп вполне отчётливо определились три основные течения: а) «австрийское», или белокрыницкое, согласие, с наиболее стройной церковной организацией; б) беглопоповщина, приемлющая священство от Греко-российской церкви, и в) беспоповщина, порвавшая всякую связь с русской церковью, которую она считает антихристовой. Для каждого исследователя Черемшан тем, между прочим, и интересен, что здесь бок о бок уживаются все указанные отрасли, обыкновенно враждующие друг с другом не менее, чем с общим врагом – «никонианами».

Дорога к «проезжающим», как здесь называют беглопоповскую обитель, лежит мимо Маргаритина монастыря. Когда мы здесь проходили, из растворённых окон келарни доносилось пение, время от времени прерываемое своеобразным чтением и возгласами монахинь. В церкви раздавались стук молотков и разговоры плотников, работавших над отделкой нового придела.

[...] Мы свернули несколько шагов в сторону и очутились около водоёма, через который журчал прозрачный, как слеза, ключ. У водоёма – только что построенная часовенка, с горящей перед образом лампадой. Над часовенкой сверху опрокинут чугуин, а на нём ещё горшок с просверленным дном, в котором утверждён восьмиконечный крест, и всё это покрашено и забронзировано так, что в общем получается вид довольно красивой златоверхой часовни с двойным куполом.

[...] В настоящее время Черемшан вообще переживает период кипучей созидательной деятельности: куда ни загляни, всюду натыкаешься на пристройки и расширения; надстраиваются куполы над церквями и восстанавливаются главы и кресты, устраиваются новые приделы, воздвигаются колокольни, подвешиваются колокола и проч. Во всем этом как бы сказывается не только желание вознаградить себя за долгие годы стеснений, насладиться всеми благами наступившей религиозной свободы, но в этом проявляется инстинктивное стремление приспособиться к новым условиям, подготовить почву к новой жизни и обеспечить за монастырями возможность существования в будущем. И это вполне понятно: раньше старообрядческие скиты привлекали сочувствие и поддержку одним только фактом своего существования, как живой протест против господствующего порядка; в это время, когда в лучшем случае монастырские и всякие другие религиозные общины только терпели, не признаваемые со стороны, – монашеской братии особых заслуг, нельзя было и требовать. Теперь наступили иные времена, и нужны какие-нибудь специальные средства: для удержания за ними прежнего значения необходимо что-то такое,

что привлекало бы неоскудевающую благостыню. Но что же именно? Ответом на это служит многовековая практика византийских и русских монастырей, где внешнее благолепие и почитаемые святые с успехом восполняют и заменяют дефекты внутренней организации и нравственного порядка. Отсюда понятно и то, почему черемшанские матери с такой певучестью в голосе рассказывают о своих многовековых иконах, почему заветную мечту Маргариты, и так же и других составляет обзавестись собственными святынями, иметь свои животворные часовни, мощи и проч...

Относительно обители «проезжающих» должен сказать, что здесь я далеко не встретил того достатка и благолепия, которые видел в белокрыницких монастырях. Несколько изб с высокими коньками наподобие деревенских; в стороне сарайчик, – вот и всё богатство монастыря, не считая сада. Сестёр здесь не больше 10–12, включая и непостриженных. Живут обособленно и бедно. Священники их редко сюда заглядывают, так как у беглопоповцев за каждую службу полагаются богатые дани, и поэтому все обычные требы и службы сёстры справляют сами. «Православные» священники «бегут» к старообрядцам, конечно, исключительно из-за материальных выгод, и поэтому никакая бедность ими не принимается во внимание. В былое время, рассказывают, добывание попов от господствующей церкви, помимо огромной траты денег, было делом чрезвычайно трудным для старообрядцев. С целью сманить попа опытные вербовщики тайно проникали в самые глухие, захудалые приходы и здесь развёртывали картину, полную соблазна, перед каким-нибудь заголодавшим или близким к запрещению «батюшкой». Потом его поспешно переодевали, сажали на тройку и мчали куда-нибудь подальше на «исправу» и «перемазание». С того момента беглый, формально, под клятвой отрекшийся от «никонианских ересей» поп становился вольным пленником в руках соблазнительей: «он постоянно чувствовал себя в положении затравленного зайца, «стреляющего», приложив уши, от каждого звука по кустам; нужно было ежеминутно, приложив уши, дрожать всем телом, скакать из села в село, прятаться, переодеваться, выскакивать потайными выходами, лгать, откупаться, унижаться, потому что всё время по пятам гнались преследователи» («Старообрядцы на Волге», стр. 40). При такой жизни, конечно, уж не до жалости к другим... Теперь, по крайней мере, беглопоповцам приходится платить только священнику, а раньше нужно было откупаться за каждую службу и перед исправником, и перед становым, и перед благочинным, и перед множеством разных других лиц.

Отсюда ясно, почему «проезжающая» обитель редко видит в своих стенах священников, и почему сёстры сами должны справлять для себя большинство треб.

Во время моего посещения все он ли в саду и были в саду и усердно работали над уборкой сена.

Здесь, между прочим, мне пришлось видеть старообрядческого затворника. Живёт он в землянке, вырытой в полугоре, у трёх сливающихся ключей. Стены ушли глубоко вниз; сверху видна только дощатая крыша. Нужно было спускаться длинным, тёмным ходом, по осклизлым ступеням. Там, за вторыми дверями, – мрачная, затхлая каморка, вся-то не больше, как с русскую печь. Сыро; за стенами журчит вода. Сквозь оконную щель чуть-чуть сквозит полоска дня. В углу, перед раскрытой книгой, сгорбившись, застыла в неподвижности фигура подвижника. На наш оклик он повернул к нам серое, мертвенное лицо, заросшее клочками волос. Какой-то недоумевающий, чуждый всему и всем, потусторонний взгляд. Жутко было видеть этого пещерного человека! Какой злой рок, какая мысль заставили его заживо похоронить себя, укрыться от людей, от солнца в этой яме?.. Некоторое время мы молча в упор смотрели друг на друга.

– А ко-то-рый те-перь час? – невнятно прошамкал он, с усилием расставляя слога.

– Как звать вас? – в свою очередь просил я.

– Ме-ня-то? Сер... Серги-ием.

– Давно здесь поселились?

– А-а... не пом-ню...

– Откуда пришли: из каких мест?

– А-а... не зн...аю и не-до-слы-ышу.

Сопровождавши меня молодой человек, уставщик из мужском монастыря, жался ко мне в каком-то немом испуге. [...]

– Ну, замуравился [замуровался] старик! Не приведи Господи, – промолвил мой спутник, когда мы выбрались на воздух. И в голосе его звенела та же нотка испуга.

Рекомендовали мне ещё осмотреть на Черемшане вырытый неизвестными подвижниками пещеры в меловых горах, с сохранившимися в них костяками « замуравившихся » людей [...]

Заключение.

На Черемшане я был недолгое время и, конечно, далеко не мог собрать всего бытового и исторического материала, который там имеется. Это обязывает меня извиниться как за допущенные здесь пробелы, так и за некоторые, быть может, не вполне правильные обобщения и оценку фактов и явлений местной жизни, имеющих принципиальное значение. Подобные ошибки всегда возможны. Тем не менее нам хотелось бы поделиться с читателями некоторыми выводами относительно Черемшана, которому, по моему мнению, могла бы принадлежать видная роль в духовно-религиозном направлении современного старообрядчества и в удовлетворении его реальных жизненных нужд и запросов.

[...] Скажем определённое: старообрядчеству, наряду с сохранением религиозно-бытовых устоев, необходимо стать во всём остальном в уровень с окружающей жизнью; а для этого ему нужны школы, развитые пастыри и епископы, нужны всякого рода знания и практические навыки; кроме того необходима правильная и устойчивая внутренняя организация на общинных началах, необходима дружная работа в достижении всего этого. Вот в этом смысле Черемшанский и другие монастыри могли бы оказать старообрядческому обществу огромную услугу не затворами и конспирациями, а широкой доступностью и отзывчивостью к миру. В частности здесь могли бы быть образованы с особенностями быта школы и семинарии, отсюда могли бы идти в мир и учителя, и пастыри, и профессиональные работники, литература и проч.

Но раньше чем выступить на путь широкой общественной работы, сами монастыри должны быть поставлены на твёрдую почву в духе церковной общин времён первоапостольских, когда у христиан не было личного имущества, «не было между ними никого нуждающегося, и каждому давалось, в чём кто имел нужду». В первую же очередь все «благодетели» и собственники должны формально и бесповоротно отказаться от своих прав на монастырские «хутора», земли и всякое иное имущество, переведённое и записанное на частных лиц в трудную минуту жизни, когда не было другого способа для приобретения монастырями недвижимой собственности. Что касается внутренней монастырской организации, то, конечно, она должна быть такова, чтобы будущность обители

меньше всего зависела от инициативы и способностей отдельных лиц, имела бы не случайный и временный характер, а прочное и устойчивое обоснование. Для этого, мы полагаем, братия вправе желать от игуменов, игумений и других лиц, стоящих во главе монастырей, правильных периодических отчётов и решения общим голосованием всех вопросов, имеющих значение для всего монастыря.

Когда я высказал эти мысли одному из видных старообрядческих деятелей, он возразил мне:

– Всё это так; со временем, мы надеемся, и будет то, о чём вы говорите, но... участь-то наша бедная.

– Да теперь вы, ведь, не несчастнее других: полные права, равенство исповеданий, законоправная община...

– Так, так. На бумаге, то есть! А мы, признаться, ожидаем опять гонений. Недаром же так поднимают против нас голову иные проповедники, призывают каменный град на нашу ниву и раздувают пламя религиозного фанатизма.

– Да ведь это же частные выпады, с этим нельзя считаться, – возразил я.

– Э, не скажите! Ни прежде, ни теперь, ни в прочие времена мы никогда не считали инициатором тех или иных преследований высшее правительство: источником бед всегда были и будут ближайшие власти, которые всегда сумеют представить дело в таком виде, что правительство в конце концов принуждено будет признать необходимость суровых мер против «раскольников». Посмотрите, кто гнал Иргиз, Вольск, Саратов, выше и ниже по Волге? Ведь не Екатерина, не Александр или Павел, а гнали и искореняли Фадеевы, Степановы, Переверзевы в союзе с «преподобными отцами» и подчиненным чиновничеством. Нет, мы это хорошо запомнили... И раньше случалось, нас поманивали и дарили, а после отбирали и прогоняли; так уж и теперь приходится верить с оглядкой...

Замечание это, полагаем, настолько серьёзно, что не должно пройти без внимания не только у общества, но и у представителей власти и господствующей церкви, которые с своей стороны могли бы принять меры к успокоению старообрядцев относительно прочности их благополучия и религиозного права.

(1909 г.)

Святой Черемшан

Хвалынский и Черемшан – это два священных места для православных староверов: «Это та же Палестина, тот же Иерусалим, куда стекаются старообрядцы на поклонение своим святыням и пред которыми местами они благоговеют до обожания их», о которых «знала каждая старообрядческая семья, живущая при широкой реке, начиная от Нижнего Новгорода и кончая Астраханью»¹ – отмечал синодальный миссионер в 1888 году.

Черемшан – один из центров, около которых росла и укреплялась «старая вера». По запискам историков, Черемшан – это «ветвь от корени» знаменитых Иргизских монастырей, сыгравших важную роль в деле распространения «древляго благочестия» в Среднем Поволжье. В первой трети XIX в. монастыри на Иргизе являлись своего рода метрополией старообрядчества. Чтобы судить о количестве обитателей монастырей, достаточно указать, что в одном из них, Среднем-Никольском, обитало свыше 1 000 человек².

В 1832 г. духовным правителем новообрядческой Саратовской епархии стал епископ Иаков (Вечерков)³. Он заявил себя рьяным преследователем старообрядчества и всеми возможными мерами стремился к его уничтожению или, по крайней мере, ослаблению. И при личном свидании, и письменно Иаков убеждал Саратовского губернатора Степанова в необходимости покончить с Иргизом, представляя ему все выгоды подобной операции. Степанов вполне разделял точку зрения Иакова. Переговоры с монахами о сдаче монастыря и о принятии ими единоверия ни к чему не привели: монахи не хотели и слышать о таком «позоре»⁴. Монастыри были отобраны с применением военной силы в 1837–1841 гг.⁵, а монахи разбежались в разные стороны, всюду унося с собой обиды и ревностную преданность гонимым обрядам.

«Старая вера» не была погашена и растоптана грубыми мерами, но множеством ручейков побежала в Саратов, Вольск, в другие места. Так возникали и первые скиты в урочище Черемшан недалеко от Хвалынска: местные старообрядцы давали приют иргизским беглецам у себя на дачах и в загородных караулках. Караулки и сторожки постепенно обращались в кельи и молитвенные дома, вокруг них вырастали новые кельи, притекали пожертвования и благотыни, устраивались сами собой общежительные монастыри с определённым чином, уставом и ликом. Но официально это были только «хутора» Шокина, Абакумова и др.⁶ Светские и духовные власти время от времени наезжали в Черемшан с понятиями, урядниками, десятскими, разметывали «гнездилища разврата раскольнического», одних вязали и заковывали, других разгоняли, увозили монастырское добро, оставляя после себя смятение и ужас. Все это вело лишь к тому, что люди продвигались глубже и глубже в леса, отыскивая более скрытые пустыни, зарывались в подземелья и пещеры – и в результате возникали новые обители и общежития: «Новый Черемшан», «Средний», «Верхний»⁷.

¹ Церковный вестник. 1888. С. 205.

² ГАСО (Государственный архив Саратовской области), ф. 407, оп. 2, д. 930, л. 5.

³ Соколов Н.С. Раскол в Саратовском крае. — Саратов, 1888. С. 338.

⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 930, л. 5.

⁵ Соколов Н.С. Указ. соч. С. 373-430.

⁶ Мизякин.Л.Т. Черемшан (В старообрядческих скитах.). – Саратов, 1909. С.6.

⁷ Там же, сс.6,7.

«Кто бы ни был ты, друг любезный: водовоз, угольщик, беглый солдат, или, наконец, безграмотный спившийся служка монастырский, – тебя примут охотно в богоспасаемом тёмном граде Хвалынске Кузьмины, Пономарёвы, Толстиковы и прочие раскольничьи тузы», – писал в 1870 году известный противостарообрядческий публицист Ф.Ливанов в многотомном сборнике своих памфлетов «Раскольники и острожники»⁸. В Хвалынск съезжались представители самых разных старообрядческих течений из Москвы, Архангельских лесов, с Кавказа, Урала и Зауралья. Здесь существовала архиерейская кафедра и рукополагались епископы на всю старообрядческую Россию.

Черемшанский центр поддерживался наиболее богатыми хвалынскими купцами, среди которых возвышались Кузьмины-Михайловы. Но особой ревностью выделялись купчихи, Ф.Кривошеину даже считали святой. Одна из сестёр Михайловых, Анна Кузьминична, имевшая в Черемшанах свой дом, громадный сад и две мельницы, устроила у себя тайный скит⁹. Здесь нашли себе приют бежавшие с Иргиза ревностные инокини Повольга, Олимпиада, Евпраксия, а также казначей Иргиза инок Афанасий, ставший потом Саратовским епископом. Несмотря на многочисленные облавы и обыски, скит не был обнаружен властями, и он прослыл заговорённым¹⁰. В хвалынском доме купчихи Анны Кузьминичны Михайловой также в 1858 г. была устроена тайная церковь¹¹. В 1861 г. имение Михайловой по завещанию переходит к её родной племяннице Ф.Е.Толстиковой¹².

15 октября 1865 года хвалынская купеческая дочь Толстикова Фекла Евдокимовна писала хвалынскому уездному стряпчему: «Имея я во владении за чертою города по речке Черемшанке мукомольную мельницу и плодовые сады, расположенные от города Хвалынска в семи верстах. Сюда явился 5 дня прошлого сентября месяца настоящего года неизвестно мне по какой причине какой-то неизвестный мне чиновник, как говорят, г-н Виноградов, приехал с двоими солдатами. Не объявил мне ничего. И до сего времени не объявляет, отломал в моём флигеле окошко и влез в оный, где находились мои служащие садовники, по мельнице и в садах рабочие люди, 6 человек»¹³. Этот заявление начинает документальную историю Ф. Е. Толстиковой, впоследствии легендарной настоятельницы старообрядческого женского скита Фелицаты. Материалы большой ценности, собранные главной участницей событий, стали доступны нам благодаря деятельности археографов, членов Саратовской учёной архивной комиссии, и, прежде всего, старообрядца С. И. Быстрова.

Особая ценность «Черемшанских документов», хранящихся в фондах Хвалынского краеведческого музея, на наш взгляд, заключается в том, что в них чередуется, пусть официальная, но всё же «живая» речь двух противоборствующих сторон: староверов и представителей власти. Благодаря усердию местных чиновников – уездных исправников, судебных приставов и других – мы получаем представление об условиях возникновения и существования центра старообрядчества, о лидерах староверия и их помощниках. Документы, собранные в ходе следствия, содержат сведения о происхождении старообрядцев, описания их внешнего вида, предметов культа и быта, другую ценную информацию. Сторону староверов представляет, прежде всего, сама Ф.Е.Толстикова.

⁸ Цит. по: Непочатых В. Райский уголок // Памятники отечества. Вольная губерния. Альманах. № 40. С. 78.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. — М.: Церковь, 1996. С. 307.

¹² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2035, л. 46.

¹³ Там же, л. 13.

Её «прошения» и «заявления» демонстрируют волю, упорство, уверенность в своей правоте – те качества, которые позволили старообрядцам выстоять. Фекла Евдокимовна и в 1865 году, и через десятки лет тяжб с властями, лишений, как «проситель», всегда занимает очень уверенную позицию, демонстрирует знание законов, своих прав и обязательных формальностей. «Где же то означенное, взятое у меня из флигеля, моё имущество в настоящее время находятся, мне неизвестно, потому что при забрании помянутым чиновником имущества не сделано было никакого акта, которым бы я, подписавшись, знала, куда отбिरается моё имущество и вследствие чьего распоряжения. Нанимаемый же мной флигель запечатан тоже неизвестно для чего, потому что в нём совершенно ничего нет. А я чрез то распоряжение должна лишиться того хозяйственного помещения, которое мне должно было приносить доход, и я несу сильную для меня потерю...»¹⁴.

«Служащие» Ф.Е.Толстиковой, упомянутые выше 6 человек, «во время воскресного дня молились Господу Богу по христианскому обряду за себя и за Царя Русского, без всякого соблазна для православных, потому более, что заведения отстоят от города в 7 верстах и флигель находится в середине самого сада»¹⁵. Господин Виноградов действовал весьма традиционно, по инструкции: забрал «означенных людей» и находящееся во флигеле имущество, святые иконы и книги, всё без остатка. Людей, служащих Ф.Е.Толстиковой, и саму хозяйку отправил в город и «засадил их в тюремный замок», где, без всякого судопроизводства, они содержались ещё по крайней мере год.

4 апреля 1866 года «содержащаяся в хвалынском тюремном замке девица» Фекла Евдокимова Толстикова пишет «Его Высокородию Господину Саратовскому Губернскому прокурору»: «10 февраля сего года я обращалась с просьбою в Саратовскую палату уголовного суда, в коей изъясняла, что т.к. я в тюремный замок заключена по неправильным действиям при производстве следствия комиссией по делу о каких-то совершенно мне неизвестных иноках, будто бы взятых в моём доме, а потому и просила Палату Уголовного суда, дабы она сделала зависящее своё распоряжение, меня из тюремного замка на основании статьи 124 XV т. уголовного закона издания 1857 года освободить, с отдачей на поручительство хвалынского общества. Но какое было сделано уголовной палатой по просьбе той распоряжение, мне не объявлено и по настоящее время...»¹⁶. Чиновникам и духовенству эти «неизвестные иноки» не показались безобидными, т.к. в их числе оказался «лжеиеромонах» Серапион Игнатъев – будущий основатель Черемшанского монастыря, но уже тогда личность, среди старообрядцев, легендарная.

Ф.Е.Толстикову обвинили в обращении флигеля в «раскольнический» скит и устройстве в нём «раскольнической» церкви¹⁷. Основанием тому послужило мнение соборного протоиерея Никольского, дающего показания по делу Ф.Е.Толстиковой: «Под именем скита должно вообще разуметь то жилище, где живут раскольники или лжеинокини. Дом Толстиковой был скитом. Лично ему, Никольскому, это известно было издавна, о чём было предоставлено и Епархиальному начальству»¹⁸.

Дело затянулось. Следственная комиссия собирала необходимые данные с завидной тщательностью и упорством. Это настоящее исследование относительно окружения, условий жизни и деятельности лидера хвалынского старо-

¹⁴ Там же, л. 12.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, л. 16.

¹⁷ Там же, л. 75.

¹⁸ Там же, л. 88.

обрядчества. Так, на допросе Фекла Евдокимовна Толстикова показала: «Веры она старообрядческой, австрийского толка, постоянно проживает в дачах Хвалынска на мукомольной мельнице, принадлежащей купцу Михаилу Львовичу Михайлову, которую она арендует. Так как у М.Л.Михайлова она арендует две мельницы, и у купца Пономарёва мельницу и два сада, то ей необходимы рабочие, которых она нанимает»¹⁹. Однако, комиссия, «сомневаясь в справедливости её показаний»²⁰, произвела в её доме обыск 12 декабря 1865 года. В доме при осмотре комнаты, между женщинами, находящимися тут, оказались три инокини или монахини, постригшиеся в Иргизских монастырях, а в чулане, в сундуках, разные старообрядческие книги и в некоторых комнатах был сильный запах ладана. «Затем, осмотрев комнаты, входы и лестницы в доме, можно заключить, что дом этот построен единственно с целью для молитвы, богослужения и укрывательства старообрядцев. Мысль эта оправдывается более тем, что Фекла Толстикова, вместе с тёткой своей Анной Михайловой, ныне уже умершей, судилась за пристанодержательство раскольнических попов и в 1858 году»²¹. В доме были также найдены разные вещи и одежда, необходимые для богослужения. Почему комиссия заключила: инокинь взять в г.Хвалынск для допроса, а книги осмотреть при бытности священника и те, которые окажутся недозволенными, отослать в Саратовскую духовную консисторию.

Кроме инокинь, в доме Феклы Евдокимовны проживали её слуги, все староверы, однако (замечательный факт!) не только белокрыницкого согласия, к которому принадлежала и сама хозяйка, но и поморцы: «Находящиеся в услужении у Толстиковой крестьяне села Самодуровки [населённого преимущественно старообрядцами-поморцами. – О.С.] Иван Савельев с женою Ириной Сидоровой и братом Петром показали, что веры они старообрядческой, секты поморской, что живут они в услужении у Толстиковой уже 4-й год»²².

Живущий в соседстве садов Толстиковой хвалынский мещанин Фёдор Тимофеевич Куранов без присяги показал: он православный, в доме, где проживала Фекла Толстикова, «близ большой дороги слышно было, что есть женский монастырь и производится богослужение; и слух этот должен быть справедлив, потому что в прошлом году, летом, с женою своей ехали в город мимо её дома и слышали, как в этом доме пели херувимскую песнь»²³. Относительно сада, где «взяли» иноков тот же Куранов отметил: «в сад тот сама Толстикова ездила очень часто» и «ему случалось слышать в том флигеле церковное пение в порядке богослужебном, и на их богослужения приезжали из Хвалынска граждане односектанты; лжеиноки ходили по саду в своих монастырских одеждах с красными кантами и в кругленьких чёрненьких шапочках»²⁴.

Наконец, летом 1868 года дело о «лжеиноках» «слушали» в Саратовской Палате уголовного суда, которая решением от 21 июня присудила Ф.Е.Толстикову и «её флигель» к суровому наказанию: «за обращение своего флигеля в раскольнический скит Феклу Толстикову заключить в тюрьму на восемь месяцев, флигель её сломать, материалы продать и деньги употребить по указанию 206 статьи Уложения о наказаниях»²⁵. Характерна реакция старообрядцев на «решительный приговор» суда: за «флигель» вступился влиятельный хвалынский купец И. Д. Пономарёв, заявив в хвалынское полицейское управление, что «в предупреждение исполнения сего решения, сим имею честь заявить, что фли-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 85.

²¹ Там же, л. 86.

²² Там же, л. 86 об.

²³ Там же, л. 87.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, л. 66.

гель, обречённый судом к слову и продаже есть мой собственный и состоял у мещанки Толстиковой лишь в её срочном пользовании во время арендования ею принадлежащей мне мельницы, при коей для помещения служащих он и находится»²⁶. Ф.Е.Толстикова сама постояла за себя: она подала прошение об апелляции в Сенат²⁷.

По приговору суда 21 июня 1868 года, все «лжеиноки», включая и Серапиона, «за присвоение не принадлежащих им званий иноческих» были подвержены только денежному взысканию по 50 рублей с каждого²⁸. Однако, до суда они уже находились в тюремном заключении с 5 сентября 1865 года. Именитые старообрядцы г. Хвалынска неоднократно пытались вызволить единоверцев, взять «на поручительство», но, кажется, безрезультатно: «Просят хвалынские купцы: 1-й гильдии Иван Дмитриев Пономарёв, 2-й гильдии – Сергей Козмин Касарин, Николай Дмитриевич Буянов и Григорий Николаев Решетов... Более года в хвалынском тюремном замке содержатся турецкоподданные единоверцы наши Василий Иванов, Серапион Игнатъев и Михаил Михайлов, которые подвергнуты такому аресту не за преступление какое-либо, а за одно только то, что они принадлежат к старообрядчеству. Дело о них находится на рассмотрении Саратовской Палаты Уголовного суда, в которую из нас просителей Пономарёв хотя и обращался с просьбою об отдаче ему их впредь до решения дела на поручительство, но на просьбу его заключено принять только к рассмотрению, но по получении затребованных к делу сведений. А когда они соберутся и доставятся, неизвестно; между тем, сказанные турецкоподданные совершенно напрасно изнуряются арестом. Ныне все сии просители изъявляем желание взять их на поруки»²⁹.

9 февраля 1871 года «Правящий Сенат слушали апелляционное дело о взятых в дачах... лжемонахах»³⁰. Тогда открылись новые сведения о черемшанских старообрядцах. Эти судебные материалы, например, подробно описывают одеяние старообрядческого иеромонаха и иноков: «на Серапионе Игнатъеве – подрясник из тёмной цветной материи, обложен золочёным позументом; бархатная малинового цвета с таковым же позументом и с золочёными пуговицами епитрахиль, на оной, во всё протяжении, шёлковый пояс с крючками и четырьмя широкими лентами. Из коих на двух золочёные кисти. Под подрясником коричневого цвета люстриновое полукафтаные, на голове чёрная камилавка в виде скуфьи и чёрный люстриновый кафтырь, кожаные чётки. На иноке же Куприяне – чёрная, с красною по краям оторочкою, мантия. Камилавка и кафтырь такие же, как у Серапиона, и кожаные чётки. На Иосифе мантия, камилавка и кафтырь такие же, как у Куприяна, и чётки. На Дионисе одна камилавка и чётки. А на иноках Варсонофии и Макарии вся одежда крестьянская, у всех волосы подстрижены в кружок, по-крестьянски»³¹. Церковная утварь, взятая Виногодовым во флигеле Толстиковой, оказалась «походною церковью».

Сам Серапион Игнатъев на допросе показал: веры он старообрядческой, австрийского толка, имеет билет от Казанского губернатора, полученный из его канцелярии весной 1865 года³². В Хвалынске живёт четвёртый год, «на мельнице при речке Черемшанке у Феклы Евдокимовны занимается деланием овчин. Иеромонах австрийского толка, в этот сан рукоположен епископом Афанасием, служит обедни в разных местах. При подвижной церкви в саду Феклы Ев-

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Там же, л. 77-78.

²⁸ Там же, л. 66.

²⁹ Там же, л. 75.

³⁰ Там же, л. 79.

³¹ Там же, л. 80.

³² Там же, л. 81.

докимовны службу совершал постоянно с июня 1865 года. Во время совершения литургии треб частных ни у кого не исполнял... Во флигеле к ним никто из сторонних не приходил. Подвижная церковь, в ней утварь, ризы и все принадлежности церковные кому принадлежат не знает, а поручил ему заведовать этой церковью покойный епископ Афанасий»³³. При следствии же, в комиссии Серапион Игнатъев показал: подвижная церковь, утварь, ризы и все принадлежности церковные принадлежат собственно ему, Серапиону, и заведены они были частично на собственные деньги, частично на деньги, пожертвованные от разных лиц, но от кого именно, не знает. «Эта подвижная церковь вывезена из Москвы, где он и был рукоположен. Хозяйка... не знала, что он священник австрийского толка, потому что он от неё священничество скрывал»³⁴.

Иноки Куприян Матвеев, Иосиф (в миру — сызранский мещанин Иван Яковлевич Сачков), Дионисий (крестьянин Самарской губернии, Бугурусланского уезда, Дмитрий Иванович Макаров), Варсонофий (Василий Иванов), Макарий (Михаил Михайлов)³⁵, «взятые во флигеле», дают схожие показания: все они «раскольники австрийского толка», «турецкоподданные»³⁶, в иноки пострижены епископом Афанасием, а Иосиф — турецким священником Виссарионом. Афанасий «помер более года», но где, никто не знает, а Виссарион «уехал в Турцию на пароходе»³⁷; Фекла Евдокимовна «что они иноки не знала, потому что они от неё это скрывали, а она их считала за простых работников»³⁸.

Через 43 года, уже после дарования старообрядцам свободы вероисповедания, писатель Л. Т. Мизякин сообщает более достоверные сведения по этому делу: «В шестидесятых годах прошлого столетия явился на Черемшан инок Серапион из зарубежных монастырей, — подвижник, постник со строго аскетическими наклонностями. По происхождению Серапион (в миру — Семён Игнатъевич Абачин) — саратовец. Родился в 1823 году. 18-ти лет он ушёл из родительского дома и отправился странствовать. Посетил старообрядцев, живших в Турции, Румынии, Австрии и других отдалённых местах. После нескольких лет странствования по монастырям инок Серапион возвратился в Россию с некоторыми другими иноками и с епископом Виссарионом во главе. Поселились на хуторе, около Хвалынска, при ключе Черемшане, где и основали скит»³⁹. Что же касается Афанасия, то, по утверждению Л.Т. Мизякина, первый саратовский старообрядческий епископ Афанасий (Кулибин) большую часть времени проводил «в нижнем Черемшане, в обители матери Повольги»⁴⁰. Там он обосновался уже в 1855 году, после рукоположения его в епископа архиепископом Антонием⁴¹, там прожил десять лет, там и был похоронен. На Черемшане для Афанасия было устроено под беседкой подземелье, куда его и прятали в минуты опасности. «Пол в ней пригнан так искусно, что никому и в голову не придёт, что он легко поднимается и опускается. Под полом заложен желтый сосновый сруб наподобие погреба, — здесь-то и укрывался старообрядческий епископ»⁴².

Судебное дело «о взятых в дачах... лжеиноках» тянулось восемь лет. Закончилось оно решением Сената от 26 апреля 1873 г., по которому и скитники, и Ф.Е.Толстикова были оправданы⁴³. Серапион возвратился на Черемшан и осно-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 66.

³⁶ Там же, л. 82-83.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, л. 82.

³⁹ Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 12.

⁴⁰ Там же. С. 38.

⁴¹ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С.40.

⁴² Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 38.

⁴³ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С. 307.

Вид на старообрядческий мужской монастырь с северной стороны.
Фото 1880-х гг. СОМК.

вал обитель заново. Тогда же купец-старообрядец Архип Дмитриевич Вехов приобрел сад купца Куранова по соседству с местом жительства о. Серапиона с братией и передал его инокам. Сад, расположенный выше, был куплен купчихой И.Д.Пономарёвой и также передан скитникам, которых было уже 12 человек⁴⁴. В саду было выстроено два двухэтажных дома, в одном из которых на первом этаже находилась моленная. В октябре 1881 г. епископами Пафнутием (казанским) и Амвросием (саратовским) был освящен имевший вид жилого дома соборный храм с двумя престолами (верхний — Успенский, нижний — Покровский).

Так было положено начало Черемшанскому мужскому монастырю, ставшему впоследствии известным на всю Россию.

Ф. Е. Толстикова по завершении суда переселилась в дом на Мамонтовом ключе и приняла иночество, положив начало женскому монастырю. В 1884 году «без письменного разрешения начальства» здесь была выстроена моленная, а, по сути, каменная церковь. Освящена она была 21 сентября 1885 года во имя Введения церковь Пресвятыя Богородицы с приделом во имя святителя Николы⁴⁵.

Постройка осуществлялась, по словам Фелицаты, «на основании мнения Государственного Совета, последовавшего 1 мая сего 1884 года, о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб»⁴⁶. 8 октября 1885 г. «моленная» была разрешена Саратовским губернским правлением⁴⁷. Святыня церкви — икона «Господь Сил», ей более 500 лет, привезена из Москвы. Иконе «Божия Матерь Одигитрия Смоленская» 300 лет, привезена епископом Пафнутием из Казани⁴⁸. Иконостас и иконы в киотах — «Громовского письма»⁴⁹. Антиминсу исполнилось 200 лет.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 621, л. 6.

⁴⁶ Там же, д. 2035, л. 145.

⁴⁷ Там же, д. 621, л. 10.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, л. 6.

Старообрядческие архиереи-страдалцы, освящавшие Успенский храм на Черемшане: архиепископ Аркадий Славский (28 лет тюремного заключения), епископ Геннадий Пермский (16 лет тюрьмы), епископ Конон Новозыбковский (26 лет заключения).
Фото после 1881 г. СОМК.

Монастыри Серапиона и Фелицаты быстро становились крупными землевладельческими и торговыми предприятиями, обрабатывая обширные сады и засевая около 4.000 десятин земли, владея водяными и ветряными мельницами. Черемшанские монастыри обеспечивали себя и округу хлебом, мёдом, воском, яблоками.

Старец Серапион умел обходить все опасности и преграды и при нём Верхний Черемшан процветал «яко крин сельный»⁵⁰. По общим отзывам, это

Женский скит на Черемшане.
Фото 1894 г.

⁵⁰ Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 17.

Игуменья Фелицата и сестры Введенского монастыря. Фото нач. XX в. СОМК.

была личность светлая, натура впечатлительная. «Все знавшие его вспоминают о нём, как о человеке добрейшей души, всем доступном, идеально гостеприимном и словоохотливом»⁵¹. Даже православные миссионеры отзывались о Серапионе, как о «сосуде избранном»⁵². Но достойных ему заместителей не нашлось в монастыре. Передав перед кончиной верховенство в обители четырём инокам⁵³, он отошёл с миром 7 января 1898 года. Хоронили его 2 епископа, 10 священников и 3 диакона. Со всей России съехались тысячи богомольцев отдать последний долг почившему.

После Серапиона игуменом монастыря сделался Феодосий (Фрол Митюнин), бывший при Серапионе казначеем. По отзывам, это человек «простого ума», почти безграмотный. Вскоре он подпал под влияние нескольких крупных благодетелей, которым слепо подчинялся во всём. Править монастырём, да ещё не признанным законом, такому игумену было не по силам. Верхний Черемшан быстро покатился под гору, утратив прежнее значение «лавры»⁵⁴. Пантелеймон (Пётр Николаевич Маренников) – другой претендент на игуменское место после смерти Серапиона – «очень ловкий человек и как не брезгующий никакими средствами для достижения своих выгод может быть назван попросту плутом»⁵⁵. Пантелеймон, с одной стороны, и покровители Феодосия, с другой, спровоцировали смуту на Черемшане. Кончилась эта смута тем, что в монастырь явилась полиция и половина братии была изгнана из монастыря насильственно, некоторые были арестованы, а игумена Пантелеймона увезли связанного из обители⁵⁶. Позднее Маренников всё же стал игуменом, а потом в иерейском сане, будучи уже схимником, бросил монастырь и, женившись, поселился в Хвалынске; на средства монастыря завёл торговлю, свои сады, дом великолепный. А монастырь оскудел.

⁵¹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 621, л. 2.

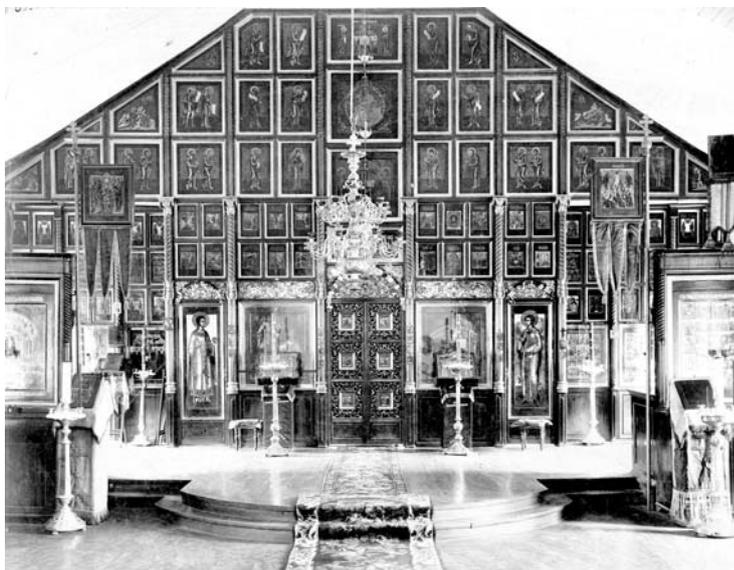
⁵² Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 11.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 18.

⁵⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 621, л. 2.

⁵⁶ Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 19.

Интерьер Верхнего Успенского храма на Черемшане. Фото нач. XX в. СОМК.

«После всех этих событий, — рассказывал Л.Т.Мизякину (в 1908 году) игумен Евлогий, — монастырь не может оправиться до сего времени. В монастыре при Евлогии — большая каменная церковь, сад, водяная мельница, корпуса двухэтажные, некоторые обложены камнем; однако, братии 60 человек, все престарелые, да убогие⁵⁷.

Игумен Евлогий (в миру — Евлампий Еремеевич Алгазин) — сибиряк, уроженец Тобольской губернии, крестьянин⁵⁸. Монашество принял в томском старообрядческом монастыре. На соборе в Москве встретился с епископом уральским Арсе-

нием (Швецовым), который временно заведывал саратовской епархией, и он пригласил Евлогия на Черемшан.

В монастырях Серапиона и Фелицаты в разные времена пребывали многие старообрядческие епископы. Пафнутий, епископ казанский, несколько лет жил в обители Фелицаты⁵⁹. Там же жил и похоронен преемник Афанасия, епископ Амвросий саратовский. С лета 1911 г. мужской монастырь стал официальной резиденцией епископа Саратовского и Астраханского.

Также Черемшан имели резиденцией епископы Кирилл Нижегородский, Паисий Саратовский и Астраханский, Арсений Уральский; Порфирий Самар-

Введенский женский монастырь на Черемшане. Фото кон. XIX в. СОМК.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ.соч. С. 307.

Введенский женский монастырь на Черемшане. Фото нач. XX в. СОМК.

ский почти безвыездно жил на Черемшане, где у него была собственная дача с садом; нередко бывали здесь и другие старообрядческие епископы, не говоря уже о Саратовском Мелетии, у которого отец «посхимлен» на Черемшане⁶⁰. Живя на Черемшане, старообрядческие епископы много содействовали популярности монастыря и материальному процветанию: привлекали жертвы, иные сами строили за собственный счет храмы и приделы; епископ Порфирий, например, «сам постоянно почти служит в Маргаритином монастыре, для которого он приобрёл сад за несколько тысяч рублей, построил придел в церкви и вообще затратил на обитель большие средства»⁶¹.

Мужскими и женскими Белокриницкими монастырями заведывали попечители из горожан: Я. М. Михайлов (хвалынский городской голова), М. С. Кузьмин, братья П. и Е. Буяновы, В. Абакумов, С. Кащеев, Шикин и др. — на них была записана земля (12 десятин); а строения переведены на бывшего игумена Феодосия и других иноков. С 1906 г. монастыри постепенно переводились на хвалынскую городскую общину старообрядцев белокриницкого согласия.

В женских монастырях в начале XX века порядок держался твердый, местами даже железный. Всего их было шесть: Фелицатин Введенский монастырь, Платонидин, Нижний Елесин монастырь, Верхний — Маргаритин; между «австрийскими» скитами —

Архиепископ Московский и всея Руси Иоанн и епископ Саратовский и Астраханский Мелетий (Картушины) у Успенского собора на Черемшане. Фото 1909–1914 гг. СОМК.

⁶⁰ Мизякин Л. Т. Указ. соч. С. 39.

⁶¹ Там же. С. 40.

Саратовский епархиальный съезд во главе с епископом Мелетием. Черемшан, верхний Успенский храм собора, 26–27 мая 1913 г.
Фото Н. Гольдберг, Саратов. СОМК.

Причт женского Введенского черемшанского монастыря: диакон Авраамий Вдовин, протоиерей Михаил Каюров, иерей Моисей Никифоров.
Фото нач. XX в. СОМК.

обитель «проезжающих» (так здесь называли беглопоповцев), а несколько поодаль спряталась в горах скит федосеевского согласия (беспоповцев)⁶². Таким образом, на Черемшане были представлены три основных течения старообрядчества: а) белокриницкое согласие, с его наиболее стройной церковной организацией; б) беглопоповщина, приемлющая священство от греко-российской церкви, и в) беспоповщина, порвавшая всякую связь со священством, которое она считает «антихристовым»⁶³. Все эти «согласия», обыкновенно враждующие друг с другом, «бок о бок» мирно уживались на Черемшане.

Из женских монастырей самый многолюдный (в 1908 г. здесь не менее 200 монахинь⁶⁴), благоустроенный и зажиточный – Фелицатин, по течению Мамонтова ключа. Жизнь монастыря основана на строго общежительных началах: общий стол, общие молитвы, общая келарня и общий труд. Но все это держится неограниченным правлением матушки Фелицаты, «полнота власти» которой могла бы служить идеалом для иного государственного деятеля. Весь уклад жизни в монастырях проникнут общинными началами, но держится авторитетом старшинства. Это, пожалуй, и есть основная особенность старообрядческого быта в целом. Пре-

следования и бесправие, необходимость постоянной борьбы и самообороны создали здесь огромную, потребность в вожаке и высоко поставили значение личности «патриарха»⁶⁵. Это заметно более или менее в любой старообрядческой семье, где вся жизнь, все крупные и мелкие поступки её членов заключены в непреклонную систему и железную дисциплину.

В обители «проезжающих» не было того недостатка и благолепия, как в белокриницких монастырях: «Несколько изб с высокими коньками наподобие деревенских; в стороне сарайчик – вот и всё богатство монастыря, не считая

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Там же. С. 53.

⁶⁴ Там же. С. 31.

⁶⁵ Там же. С. 24.

11 г. Хвалы́нскъ. Видъ Черемшана.
Женскій Старообрядческій монастырь.

Введенский женский монастырь на Черемшане. *Фотооткрытка.*
Изд. магазина Н. Е. Буянова. 1910–1917 гг. СОМК.

сада. Сестер здесь не больше 10—12, включая и не постриженных»⁶⁶. Живут обособленно и бедно. Священники их редко сюда заглядывают, так как у беглопоповцев за каждую службу полагаются богатые дани, и поэтому все обычные требы и службы сестры справляют сами. Священники господствующей церкви «бегут» к старообрядцам, конечно, исключительно из-за материальных выгод, и поэтому никакая бедность ими не принимается во внимание.

В истории старообрядчества есть особенный период: 1905-1917 гг. – так называемое «десятилетие свободы». Началом этого периода стал день, когда были распечатаны алтари Рогожского кладбища в Москве. «День 16 апреля 1905 года, – по выражению историка старообрядчества В.Е.Макарова, – навсегда останется в памяти московских старообрядцев как историческая грань, положенная между печальным прошлым многострадального старообрядчества и новой эпохой сравнительной свободы вероисповедания»⁶⁷. Указом 17 апреля 1905 года старообрядцам разрешено было устройство моленных, скитов и избрание духовных лиц, настоятелей и наставников. Дополнением к указу явилось положение комитета министров «об укреплении начал веротерпимости». А ровно через полгода известный Манифест даровал староверам свободу вероисповедания⁶⁸.

В августе 1905 года на Черемшане происходил собор епископов, в котором принимали участие все почти старообрядческие владыки белокриницкой иерархии, начиная с Архиепископа Московского Иоанна. В это время как раз посетил Черемшан адъютант Государя граф С.Д.Шереметьев, незадолго до этого распечатавший, по Высочайшей воле, московские старообрядческие храмы на Рогожском кладбище. Можно себе представить, с каким чувством признательности встретил графа старообрядческий собор! От имени всего русского старообрядчества графу был поднесен прочувствованный адрес, на который

⁶⁶ Там же. С. 57.

⁶⁷ Макаров В.Е. Очерк истории Рогожского кладбища в Москве // История Рогожского кладбища. - М., 1995. С. 37.

⁶⁸ Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 40.

Обед епископа Мелетия со священниками и мирянами. Черемшан.
 Фото 1909–1917 гг. СОМК.

он ответил памятными для старообрядцев словами: «Государь о вас хорошего мнения; он ваш защитник от нападков. Молитесь за Государя, теперь дышите свободно, пользуйтесь всеми благами, дарованными законом о равенстве исповеданий».

В 1907—1917 гг. Черемшан, как и вся старообрядческая Россия, переживает период кипучей созидательной деятельности: «куда ни загляни, всюду натыкаешься на пристройки и расширения; надстраиваются купола над церквями и восстанавливаются главы и кресты, устраиваются новые приделы, воздвигаются колокольни, подвешиваются колокола и проч.»⁶⁹. В эти годы в Успенском мужском скиту проходили епархиальные съезды Саратовской, Астраханской, Тамбовской и Пензенской епархий⁷⁰. Программа одного из таких съездов, организованного саратовским старообрядческим епископом Мелетием 26 мая 1913 года, демонстрирует те насущные проблемы, которые более всего волнуют тогда старообрядчество в целом. Вот её основные пункты:

1. Открытие «Саратовского благотворительного общества старообрядцев»;
2. О свечном епархиальном заводе;
3. О начётчиках и о пособиях на епархиальные нужды;
4. Приобретения для епархиального дома;
5. Открытие старообрядческих школ;
6. Принятие мер к искоренению народного пьянства среди старообрядческих приходов;
7. Рассмотрение дел, касающихся духовенства и вопросов церковной практики⁷¹.

Одним из важнейших по своим последствиям достижений старообрядчества в первый год ограниченной, но, все-таки, свободы было получение разрешения образовывать свои собственные общины-приходы. Указания «о правах общин» были высочайше утверждены 17 октября 1906 года. Со времени внесе-

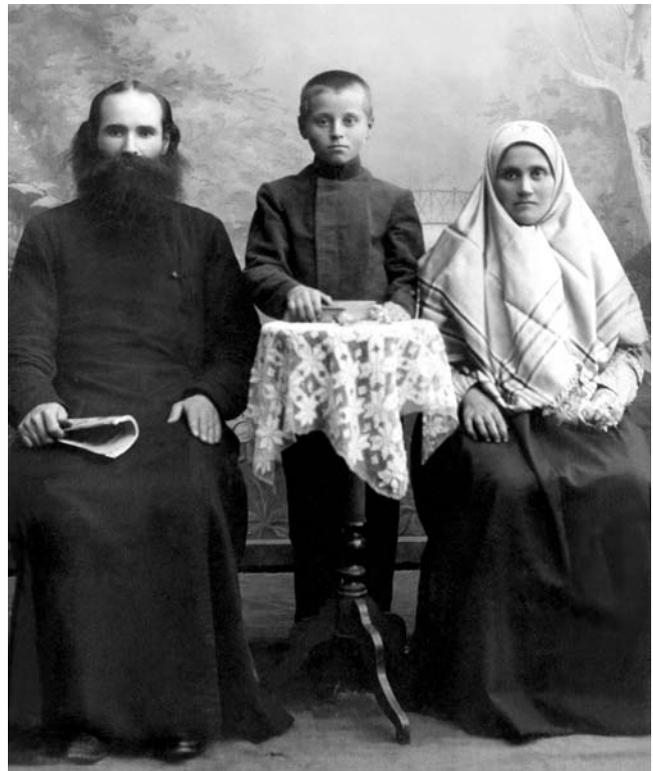
⁶⁹ Там же. С. 56.

⁷⁰ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ. соч. С. 307.

⁷¹ ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 10843, л. 3.

ния общины в реестр она могла: избирать духовных лиц, настоятелей или наставников, сооружать храмы, молитвенные дома, учреждать богоугодные заведения и школы, приобретать и отчуждать для осуществления целей общины недвижимое имущество (но не более, чем на сумму в 5.000 руб.).

В 1906 г. на Черемшане строится новый скит старообрядцами белокрыницкой иерархии с церковью Рождества Пресвятой Богородицы. Основательница его Енафа (в мире Екатерина Васильевна Кованцева) вышла из Фелицатиной обители. В 1910 г. прихожане храма Рождества Пресвятой Богородицы, на сновании Высочайшего указа 17 октября 1906 года «покорнейше просят» Губернское правление «разрешить образование Старообрядческой общины Рождества Пресвятой Богородицы, внести ее в реестр, опубликовать в сенатских объявлениях и местных губернских ведомостях и выдать нашей уполномоченной засвидетельствованную копию с постановления Губернского правления об учреждении общины. Подать настоящее заявление верим настоятельнице скита Екатерине Васильевне Кованцевой в иночестве Матери Енафе, живущей на Черемшане в женском скиту близ г. Хвалынска. Просим мещане г. Хвалынска:

Священник Моисей Никифоров с семьей.
Фото Т. Сергеева, Хвалынск. Нач. XX в.
Семейный архив А. В. Наумова.

Типы черемшанских монахов. Фото СУАК, 1920 г. СОМК.

Черемшанские инокини и послушницы.
Фото 1920 г. СОМК.

На Черемшане: схимница Фелицата, игумения
Измарагда и две послушницы. Фото 1920 г.
СОМК.

1) Екатерина Васильевна Кованцева;

2) вольская мещанка Евдокия Александровна Черзкина;

3) хвалынская мещанка Любовь Осиповна Рябова и другие.

Делами общины заведует Совет, избираемый во всём согласно правил Высочайшего Указа 17 октября 1906 года»⁷². Прилагается также список лиц, живущих в этом скиту на Черемшане. Всего 56 человек⁷³.

Мать Фелицата к 1908 году официально сложила с себя часть бремени по управлению монастырём (ей в сентябре 1908 г. исполнилось 80 лет⁷⁴), поставив в звание игуменьи инокиню Измарагду. Однако от этого ничего фактически не изменилось: монастырь как был Фелицатин, таким и остался. «На ектениях поминают обеих инокинь – Фелицатустроительницу и Измарагду настоятельницу»⁷⁵. Воля «матушки Фелицаты» – закон для всех, от белиц до стариц и схимниц, не исключая самой игуменьи Измарагды.

17 января 1916 г. «общее собрание Черемшанской старообрядческой общины Храма Введения Пресвятыя Богородицы при женском монастыре, на Мамонтовом ключе Хвалынского уезда Саратовской губернии» впервые избирает председателя и членов нового органа управления общиной – Совета. Члены этого Совета⁷⁶:

председатель — старообрядческий священник протоиерей г.Хвалынска Иоанн Карпович Исанчев, живущий в г.Хвалынске, в 1-й части, по Дворянской улице;

товарищ председателя — старообрядческий священник Моисей Григорьевич Никифоров;

⁷² Там же, д. 10261, л. 2.

⁷³ Там же, л. 4.

⁷⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 621, л. 9.

⁷⁵ Мизякин Л.Т. Указ. соч. С. 27.

⁷⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 2035, л. 133.

Санаторий «Черемшаны-1». Бывший Успенский собор мужского монастыря - корпус столовой санатория. Фото А. Кашанина, 2010 г.

крестьянка Евдокия Семёновна Семёнова и хвалынская мещанка Агафья Захарьевна Кандрунина, живущие «в дачах г. Хвалынска по Мамонтову ключу, в саду Толстиковой».

5 февраля 1916 года в контору хвалынского нотариуса Николая Петровича Разумовского, находящуюся в 1-й части г.Хвалынска, по Дворянской улице, в д. №11, явились: «поверенный законно-правоспособной хвалынской мещанки Ф.Е.Толстиковой Иустин Сидорович Голованов... в сопровождении... свидетелей хвалынского мещанина Василия Карповича Ступина и дворянина Владимира Азарьевича Иевлева»⁷⁷. Названные лица совершили дарственную запись, состоящую в следующем: «Я, Иустин Сидорович Голованов, в силу данной мне означенной выше доверенности хвалынской мещанки Ф.Е.Толстиковой, подарил... общине Храма Введения Пресвятыя Богородицы при женском ските: яблоневый (садовый) плодовый сад... с находящимися в том саду церковью Введения Пресвятыя Богородицы с приделом во имя святителя Николы, постройками её, Толстиковой; и при названной церкви богослужебными книгами, церковной утварью, иконами и всем прочим её движимым имуществом». Ещё, «по р.Черемшан, в соседстве с владениями Хвалынского городского общества, сад с пчельником в нём, который достался Толстиковой по домашнему духовному завещанию умершей хвалынской 2-й гильдии купеческой дочери, девицы Анны Кузминичны Михайловой». «Дарственная» включала следующие условия: «Дарительница Толстикова оставляет за собой право иметь ей [другим словом, жить – О.С.] до смерти в нанимаемом ею в настоящее время помещении с избранными ею послушницами, получая от выше названной общины полное содержание ей, Толстиковой, и послушницам во всём по её смерть»⁷⁸.

После 1917 года один из Черемшанских монастырей, мужской, был разогнан чекистами и превращён в Детскую трудовую колонию имени Джона

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 134, 135.

Санаторий «Родник» (бывший Введенский женский монастырь).
Фото А. Кашианина, 2010 г.

Рида⁷⁹. Другой монастырь превратили в женскую трудовую промышленную артель, просуществовавшую до 1927 года.

Позднее в зданиях келий всех монастырей были устроены санатории. До наших дней сохранились постройки мужского и одного женского монастыря. В начале 1990-х гг. постройки и территория мужского монастыря были проданы местной администрацией некоему акционерному обществу⁸⁰. Забвение основ веры, народных традиций в быту и труде – всего, что так бережно хранили старожилы – превратило святое место, цель паломничества десятков, а может быть и сотен тысяч наших прадедов, в «частную собственность». Прервалась история не только Черемшанских монастырей и даже не хвалынского старообрядчества; оборвалась, возможно, очень важная нить русской культуры. По силам ли истории вернуть память «не помнящим родства»?..

Фотографии из фондов Саратовского областного музея краеведения и Хвалынского краеведческого музея

⁷⁹ Непочатых В. Указ. соч. С. 80.

⁸⁰ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Указ.соч. С. 308.

Страница из прошлого старообрядческого Поволжья (Черновик неизданного сообщения в Саратовской ученой архивной комиссии¹)

Дорога русскому сердцу Волга!.. Много с её именем связано у русского народа преданий, поверий, пересказов. Любит русский народ Волгу; недаром он называет её матушкой и величает кормилицей.

Но едва ли кому дорога так Волга и памятен её простор, как старообрядцам, этим, если можно так выразиться, беглым пасынкам своей родины. Для них Волга была не только матушкой и кормилицей, но и охранительницей их заветных верований, преданий отцов. Густые непроходимые леса необъятной Волги, сплошь покрывавшие её берега, служили для старообрядцев надёжным убежищем, и они, ревниво оберегая древние иконы и старопечатные книги, старательно укрывались от зоркого ока властей предержавших.

Смутны и не ясны исторические данные далёкого прошлого, когда старообрядцы² впервые поселились на Волге; хотя достоверно известно, что там появились они вскоре после исторического разрыва русской церкви, когда власть светская и духовная с редким единодушием объявила их нетерпимыми. Гостеприимная Волга одинаково давала приют и жителям станиц, и обитателям далёкого севера, и выходцам из-за границы, куда бежало немало старообрядцев, искавших там свободы своим религиозным проявлениям. Времена Екатерины во многом изменили систему отношений правительства к старообрядчеству, явившись тем историческим периодом, которым отмечая обильный наплыв старообрядцев в Поволжье. Екатерина³ поняла бесцельность религиозных преследований и своим манифестом 4-го декабря 1762 года приглашала эмигрировавших за границу старообрядцев возвратиться на родину, обещая им свои милости и заботы об их судьбе и благосостоянии. Для жительства поселенцев, тысячами возвращавшихся в родную сторону, Екатерина отвела обширные участки земли, лежавшей до того пустопорожней и находившейся по левую сторону Волги, в теперешней Самарской губернии. Колонизация края пошла быстрыми шагами: предприимчивые старообрядцы населили здесь несколько сёл, деревень, хуторов; занялись земледелием, скотоводством, стала крепнуть и развиваться торговля и промышленность.

В царствование Екатерины II старообрядцам были даны некоторые льготы⁴ как в гражданском так и в религиозном отношении. Новая волна старообрядцев пришла тогда к Волге. Особенно густо осели они в Саратовской и Самар-

¹ Черновик, написанный почерком С. И. Быстрова чернилами и карандашом на листах писчей бумаги, находится в фондах Хвалынского музея краеведения. При публикации восстановлены почти все зачёркнутые (по-видимому, из цензурных соображений) места, допущена небольшая редакторская правка (разбивка на абзацы, сокращённые слова написаны полностью и т.д.). Текст даётся в современной орфографии. (Ред.)

² Зачёркнуто: внутренних губерний (Ред.).

³ Зачёркнуто: Умная царица (Ред.).

⁴ Зачёркнуто: им позволено было жить где угодно и отправлять богослужение по своему чиноположению невозбранно.

Черемшанские монахи. Фото нач. XX в. СОМК.

ской губерниях. В первой старообрядцы селились в г. Вольске, Хвалынске, а в последней, около реки Иргиза возникли знаменитые "Иргизские монастыри". О них мы поговорим как-нибудь в следующей заметке, а теперь проследим, хотя кратко, возникновение другой святыни старообрядцев – скитов по реке Черемшану, называемых «Черемшанскими монастырями».

Подъезжая на пароходе к Хвалынску и всматриваясь в горную сторону Волги, можно заметить: за целым рядом водяных мельниц, раскинутых среди фруктовых садов, большое белое здание, – это и есть старообрядческий монастырь, а белое здание, видимое с Волги, – каменная двухэтажная молельня. Когда вы подъедете ближе, то увидите, что около этой молельни расположены 3–4 двухэтажных корпуса и уютятся около десятка флигельков-келий. В них живут братия монастыря: монахи, или иноки по-старообрядчески, и миряне, т. е. не принявшие монашества. Прежде всего бросается в глаза красота места, на котором расположен монастырь. Он раскинут в широком ущелье. С трёх сторон его окружают горы, поросшие лиственным, а на вершинах хвойным лесом. С четвёртой стороны лежит обширный монастырский пруд с мельницей, а за ним непрерывной нитью тянутся сады, водяные мельницы; дальше широкой полосой раскинулась могучая Волга, которая вся видна отсюда на много вёрст. А там, в синеющей дали, видны: поля, луга, сёла... Воздух, дышишь – не насытитесь! Внизу шумят ручьи чистой прозрачной воды, холодной, как лёд. Среди дня редко кого увидишь в монастыре: всё точно вымерло. Разве только пройдёт какой-нибудь рабочий, или торопливо пробежит послушник-мальчик. Но лишь только звонарь ударит к вечеру (часа в 4 вечера) как иноки один за другим идут в церковь. Интересно видеть их согбенные летами тёмные фигуры, в круглых черных шапочках, с красным кантиком, обшитых барашком. Молчаливо идут они, опираясь на свои посохи. Более молодые идут скорее, а мальчики – так те просто бегут, шныряя между иноками. Иногда слышится досадливый окрик: «Тише, пострелёнок, уронишь!» Но «пострелёнка» давно и след простыл. Он успел уже ещё двух-трёх «ворчунов» зацепить на своём бегу.

Служба тянется долго, по-старинному, без пропусков. Заглянем на минутку в церковь к ним и посмотрим, что там делается. Нашим глазам представится просторное, светлое помещение. Прямо перед нами – иконостас, уставленный хотя и не старинными, но исполненными под древний «Византийский» стиль иконами. Постные, строгие лица святых смотрят на Вас сурово, как бы удивляясь, что видят перед собой необыкновенного посетителя. Кое-где виднеются действительно старинные иконы. Какой-нибудь словоохотливый «брат» подойдёт к вам и расскажет историю той или другой древней иконы. «Эта вот с Иргиза привезена, – начнёт он, указывая на одну из старинных икон. – Как написана, точно живая – матушка! Куда ни пойдёшь, всё, кажется, на вас глядит». Около стен, покрытые пелеринками (мантис), безмолвно стоят иноки, и только подрагивающая в ру-

ках лёстовка (чѣтки) доказывает, что владелец её бодрствует.

С клиросов несѣтся однообразное, монотонное чтение чтецов-иноков, прерываемое возгласами священнослужителя. Временами они поют разные стихѣры. Раздаѣтся заунывное монотонное пение, которое как-то хватает за душу, угнетает. В нём слышится что-то болезненное, стонущее.

После вечерни несколько ударов колокола — и братия чинно идут в трапѣзную, на ужин. Трапѣзная, или «келарня», помещается в нижнем этаже одного из корпусов. Это большая комната, уставленная столами. После краткой молитвы все сидят за столом в строгом молчании. Ни одного слова. Только слышится постукивание посуды и заунывное чтение монаха, который читает «жертвенник», т.е. жития святых.

Ужин кончен, и братия монастыря расходятся по своим кельям. Каждый занимается своим делом. Если заглянуть вечером в окна келий, то можно увидеть такие картины: вот один из иноков — седой, как лунь, старик — стоит посредине кельи, сложив молитвенно руки. Время от времени он усердно кладѣт «земные» поклоны и что-то учащенно шепчут его старые губы. Следующая келья — молодого инока. Сквозь редкую ткань занавески видно, что монах сидит за столом; перед ним лежит толстая с застѣжками книга, и он, облокотившись на обе руки, сосредоточенно смотрит в неё. Сосед его, в следующей келье, занят работой: с круглыми очками на носу он что-то шьѣт; но очевидно работа продвигается плохо, потому что рука то и дело останавливается, что-то поправляя, распутывая. В следующей келии ничего не видно: огня нет. Очевидно, обитатель её почивает, утомивши своё старое тело молитвами и поклонами.

Ночь опускается всё ниже и ниже. Тишина стоит невозмутимая. На тѣмном небе ярко блистают звѣзды, и только кое-где мелькают среди деревьев монастырского сада одинокие огоньки в кельях иноков. Тихо... Только временами порхнѣт крыльями ночная птица, раздастся стук ночного караульщика да прокричит в лесу диким голосом филин. И снова тишина: монастырь спит...

Часа в 4 утра звон колокола оглашает тихую долину Черемшана. Это — к заутрени. Монахи одиноко бредут в церковь. После утрени идѣт кряду обедня. К десяти часам служба кончается и братия идут в «келарню» перекусить чем Бог послал. Потом начинаются дневные труды каждого: кто работает в саду, огороде; кто на скотном дворе, кто в сапожной мастерской, другие — в монастырской кухне. Всякому своё дело. Без молитвы и благословения не начинается ни одно дело. То и дело раздаются смиренные возгласы: «Благослови, отче, дров порубить, воды принести», — и т. д. «Бог благословит», — раздаѣтся в ответ, и молодой иннок или «белец» идѣт на своё дело.

«Кем же и когда устроен этот монастырь, кто его основатель?» — полюбопытствует обозреватель. Основатель этого интересного уголка — известный в

Звонница и Успенская церковь в мужском старообрядческом монастыре.
Фото после 1905 г. СОМК.

Преподобный Серапион,
архимандрит Черемшанский.
Фото 1893–97 гг. СОМК.

старообрядчестве старец о. Серапион, умерший 12 лет тому назад. История жизни этого «великого старца» довольно любопытна. Он – уроженец Саратова⁵. Родители его были старообрядцы. Понятно, что и воспитание дали Симеону (так звали в миру о. Серапиона) в старообрядческом духе. До 20 лет Симеон жил с родителями, а потом тайно удалился и пошёл странствовать. Побывал за границей у тамошних старообрядцев, живших в Турции, Румынии, Австрии.

Переход за границу тайно был очень труден. Идти приходилось только ночью, а днём просиживали в высоких прибрежных камышах, стоя в воде. Жизнь за границей старообрядцев была куда привольней: их не стесняли, не преследовали, – но родная сторона неудержимо тянула к себе, и о. Серапион, будучи уже⁶ почти старцем, вернулся в Россию. Здесь их⁷ открыли и как беглецов посадили в тюрьму. По отбытии тюремного заключения их ожидало телесное наказание, но счастливая случайность спасла их от этого истязания. В то время, ког-

да их привезли на площадь и хотели уже приступить к истязанию, – последовал Высочайший манифест об отмене телесных наказаний, в силу которого их немедленно освободили.

1910 г.

⁵ В записной книжке С. И. Быстрова говорится, что родился о. Серапион в с. Мурашкино Нижегородской губернии, а позже с отцом переехал в Саратов (Ред.).

⁶ Зачеркнуто: средних лет.

⁷ Отца Серапиона и прибывших с ним иноков (Ред.).

С. И. Быстров

Серапион архимандрит, игумен мужского монастыря на Черемшане. (Из записной книжки С. И. Быстрова¹.)

В миру – Семён Иванович Абачин², родился в селе Мурашкине, Нижегородской губернии. Позднее с отцом своим (Иваном Ивановичем) переехал в Саратов, где и жил до 15–18 лет, а потом, увлечшись религиозными идеями, ушёл из родительского дома и пошёл странствовать.

Жил в Австрии, потом в Румынии, в Славском монастыре, где и принял иночество. 45-ти лет от роду ушёл из-за границы³ и прибыл в Хвалынский совместно с иноками Захарием, Варсонофием, Киприаном. Вначале они поселились на Нижнем Черемшане при владыке Афанасии, а потом поселились в саду Толстиковой⁴, где у них была устроена походная церковь. В 1865 г. полиция открыла их местопребывание и за совершение моления по старообрядческому обряду арестовала и отправила в Хвалынский острог. После их хотя и освободили, но судебное дело тянулось страшно долго, лет 5–7.

По окончании судебных дел о. Серапион поселился со своими товарищами в саду на мельнице Толстиковой, что было в мае 1871 г. Сад этот позднее был передан монастырю. Место, где теперь стоит монастырь, куплено у купчихи Курановой⁵ за 5000 руб. Деньги эти внёс астраханский купец Архип Дмитриевич Вёхов. Дом, в котором теперь помещается трапезная стариков, принадлежал Куранихе, и перенесён с мельницы Толстиковой.

В 1873 г. о. Серапиона выбрали во епископы на Кавказе, но он не поехал, потому что документы его были потеряны иноком Паисием по дороге на Кавказ. Полиция, однако, нашла их и вернула из села Воронцово-Александрова.

В обыденной жизни отец Серапион был прост, ласков со всеми, кроток. От братии не требовал особенно строго. Позволял пить чай желающим⁶ и сам пил, но только воду с изюмом⁷.

¹ Хранится в фондах Хвалынского краеведческого музея. Печатается в современной орфографии, с небольшой грамматической правкой, сокращённые слова приводятся полностью. (Ред.)

² В официальных документах он именовался турецкоподданным Семеном Игнатъевичем Игнатъевым (вероятно, желая скрыть своё прошлое бегство из Российской империи, огласка сведений о котором была для него опасной). (Ред.)

³ Возможно, что и официальный год рождения прп. Серапиона, 1823, не соответствует действительности, ибо если бы он родился в 1823 году, то 45 лет бы ему исполнилось в 1868 году, а не до 1865 года, когда он уже был арестован на территории России (Ред.).

⁴ Инокини Фелицаты (Ред.).

⁵ Вдовы новообрядца купца Куранова, жившего по соседству с черемшанскими скитами и выступавшего свидетелем обвинения во время судебного преследования инокини Фелицаты, о. Серапиона и других, арестованных с ними в 1865 году (Ред.).

⁶ В XIX веке среди старообрядцев бытовало мнение, будто бы язычники китайцы окропляют чай змеиною кровью, поэтому его нельзя пить; такого мнения придерживался, например, епископ Славский Аркадий (Дорофеев), у которого в Славском монастыре (Добруджа, Турция, ныне – Румыния) и начал свою иноческую жизнь прп. Серапион (Ред.).

⁷ Изюм употребляли вместо сахара. Бытовало мнение, что сахар очищают костной золой или бычьей кровью, поэтому многие старообрядцы либо совсем не употребляли сахара, либо воздерживались от него в постные дни (Ред.).

В 12 ч. дня у него собирались старшие из иноков и тут вели беседу по монастырским вопросам, и нередко читали Святое Писание.

Отец⁸ Киприан, сотрудник отца Серапиона, жил в доме при въезде в монастырь; ему же принадлежало и место с садиком. По смерти он завещал свой дом и сад отцу Израилю (иеродиакону), человеку близкому к отцу Серапиону; а отец Израиль отказал это имущество отцу Серапиону. Отец Серапион, в свою очередь, умирая, отказал по завещанию этот уголок: отцам Феодосию, Израилю, Александру, Пантелеймону, – при чём о. Серапион сказал, что «Феодосий не сумеет управиться».

В начале января⁹ у отца Серапиона обнаружилось рожистое воспаление ноги. Поставили было пиявки, но от этого стало хуже. Незадолго до смерти отец Серапион принял схиму¹⁰ и приобщился святых тайн, после чего вскоре последовала тихая кончина этого великого старца, в 10 часов утра 7 января.

11 января последовали торжественные похороны. Отпевал епископ Паисий, 8 священников, 2 диакона. Народу было свыше 1000 человек. Одних огарков от свечей было собрано свыше 800. (Смотри письмо инока Порфирия от 13 января 1898 года).

Отец Серапион пришел в Хвалынский, тогда, когда Анны Кузьминичны¹¹ уже не было в живых; с ним пришли 6 иноков: Киприан, Варсонофий, Иосиф, Дионисий, Макарий, Виссарион¹².

Из детских воспоминаний о Черемшане и преподобном Серапионе¹³.

Батюшка Серапион – игумен Черемшанского мужского монастыря – занимал весь верхний второй этаж одного корпуса. Крутая лестница вела на маленькую площадку перед входной дверью на правой стороне. Большая дверь открывала длинный узкий коридор. Налево в первой маленькой комнатке стоял большущий старинный умывальник, сделанный продолговатым вверх шестигранником. В этой каморке помещался Ванюшка – маленький-маленький, лет семи, «послушник». Бывало, в полночь, когда он спал на маленькой кровати-самоделке и когда батюшка Серапион умывался перед «заутреней», то всегда гладил его по головке. Ванюшка просыпался, улыбался ему и хватал руку поцеловать, а о. Серапион, также улыбаясь, закрывал его теплее одеяльцем и осенял крестным знаменем.

⁸ Прибывший с ним из-за границы (Ред.).

⁹ 1898 года (Ред.).

¹⁰ В единственном письменном первоисточнике о смерти прп. Серапиона – письме инока Порфирия (Морозова) – нет никаких сведений о том, что преподобный Серапион принял схиму перед смертью; этот факт вызывает сомнение, ибо при пострижении в схиму сменилось бы его имя, и его поминали бы уже не как архимандрита Серапиона, а как схимника с другим именем (Ред.).

¹¹ Михайлова А. К., тётка инокини Фелицаты, хозяйка земли, на которой создан первый черемшанский скит. Умерла в 1861 году. (Ред.)

¹² В некоторых публикациях Виссариона называют епископом; возможно, это был Тульчинский епископ Виссарион (Ред.).

¹³ Мемуарный рассказ «Бегуны» опубликован за подписью «Иван Логинов» (Церковь, 1910, №43). Возможно, написан С.И. Быстровым, который жил в в Успенском мужском монастыре с 7- до 12-летнего возраста (Ред.). Переиздан в сборнике «Вифлеем – Дом Хлеба» №3. (Ред.)

Направо в комнате жил эконоом монастыря отец Феодосий. Вся комната была загромождена разным хламом, а особенно «красным товаром», то есть мануфактурой для одеяния всех монастырских жителей. Другая дверь, налево, вела в комнату секретаря, иеродиакона о. Пантелёймона, впоследствии игумена того же монастыря. Кровать на «козелках» с тоненьким войлочком, жесткой засаленной подушкой и потертым байковым колючим одеялом, стул, стол, лэстовки, «подрушники», на стенах – картины о «суровых подвизах иночествующих», иконы с лампадочкой – показывали типичную обстановку кельи инока-старообрядца. Только эта келья отличалась от других шкафом с медикаментами (о. Пантелёймон из военных фельдшеров).

Коридор этими комнатами кончался, и следовал большой зал во всю ширину здания. Северная часть зала в длину была перегороджена занавесью. Здесь ставился самовар, приготавлилась закуска для «приезжих» гостей и «начальства». За залом находилась келья и самого игумена, ничем не отличавшаяся от монашеских, разве немного бóльшим размером и лишнею «иноческой» мебелью для «приходящих», да досрогими иконами в богатеиших окладах и большим сундуком. Из окон этой кельи зимой виднелись все монастырские постройки, а летом – только часть, ибо скрывались за зеленым покровом садовых деревьев.

Батюшка Серапион, старик лет шестидесяти, страшно близорук, высок ростом и очень худощав. Добрый, мягкий, восторженный. Серебристые волосы головы и бороды окаймляли продолговатое наивной юности лицо; мало продолговатый лоб резко выступал из-за глубоко впавших щек; под густыми бровями грустно и величественно глядели глубоко пронизывающие сероватые глаза; полугреческий нос, маленькие усики и рот добродушно привлекали и вызывали симпатию у каждого взглянувшего на него человека. Всегда мягкая врожденная улыбочка и веселость обаятельно располагала всех и открывала душу каждого, хотя бы и злостного человека и врага... Только пред одним лицом все таяли, смягчались, развлекались и каялись, не говоря уже о духовном богатстве этого единственного во всем [российском] старообрядчестве игумена.

Из рассказов С. И. Быстрова о преподобном Серапионе¹

В своей деятельности Серапион не знал усталости. Вот как рассказывает об этом один из интеллигентных старообрядцев, проживший на Черемшане около пяти лет вместе с Серапионом.

– Совершая ежедневно Божественную литургию, старец находил еще время заниматься распоряжением по обители, беседами с приходящими и чтением Священного Писания. Никто не видел, когда он отдыхал от трудов своих. Если кто из братии заболел, о. Серапион, оставляя всё, шёл к болящему, утешал его в постигшей скорби и до последней минуты не оставлял его своим вниманием. Ежедневно можно было видеть десятки нищих, ожидавших о. Серапиона из церкви, – отказа никому не было. Если же кто злоупотреблял его благотворительностью, и эконоом обители напоминал ему об этом, Серапион, улыбнувшись, бывало скажет: «Бог с ним, ему нужно, а когда нам потребуется – Господь пошлёт»... Братия относилась к о. Серапиону с величайшим уважением:

¹ Мизякин Л. Т. Черемшан. – Саратов: Тип. «Саратовского листка», 1909 г. – Сс. 13–14.

каждый старался предупредить малейшее желание, и это делалось не из страха наказания, но единственно из любви к настоятелю...

В 1893 году о. Серапион был посвящён епископом Паисием в сан архимандрита. К этому времени в монастыре было одной монашествующей братии до 13 человек.

– Местное начальство очень уважало о. Серапиона, – рассказывает тот же старообрядец. – Власти г. Хвалынска часто посещали Черемшан, особенно летом. Нередко можно было видеть исправника беседующим с о. Серапионом, а пристав С. прямо покровительствовал Черемшану. Этим только и можно объяснить то обстоятельство, что Черемшан за всё время существования ни разу почти не подвергался репрессиям со стороны полиции.

Письмо инока Порфирия о смерти и похоронах о. Серапиона¹. Г.И.Х.С.Б.П.Н.².

Мир Божий и наше благословение, здравия и спасения и во всем благое поспешение Матрене Ивановне и Агриппине Степановне. Честь имею Вас уведомить – отец Серапион отошел от нас ко Господу 7-го января³. Кончина его была сицева: заболел ногой и 1-го генваря поставили пиявки, т.е. в четверг, и до воскресенья перемены не было, а в воскресенье около 4-х часов утра сильно его трясло – и не мог более встать и поворотиться, и говорит – с великим трудом можно понять, – но чувств был не лишён и до самой смерти прощал и благословлял рукой, но слабо. Во вторник с утра было заметно несколько к лучшему, а к вечеру безнадежно. В среду во время литургии причастился теплыми дарами из церкви и запил теплотой, покрестился и кончил временную жизнь. И отошёл ко Господу, похороны были в 5 день, в воскресенье, в 11 день генваря, погребение было отпето Архиереем и 8-мь попов и 2 диакона в моленной вверху⁴.

Посторонних лиц было приезжих несчетно – около 100 лошадей, прихожих около 1000 чел., роздано было свечей около 800 шт., много было слез и воздыханий. С пожеланием упокойному Царствия Небеснаго и вечной радости, нам же всем печаль и воздыхание. Простите меня Христа ради. Инок Порфирий Морозов. 13-го генваря 1898 г. Черемшан. (Из писем Агрип. Степ. Шампиной, и из «Алфавитника» Г. Г. Дыбова.)

¹ Копия письма из материалов по истории Черемшана, собранных С. И. Быстровым (хранятся в фондах ХКМ).

² Это сокращённая молитва-приветствие, которой начинаются обычно письма старообрядцев: Господи Иисусе Христе Сыне Божии, помилуй нас (Ред.).

³ 1898 года (Ред.).

⁴ То есть на втором этаже собора, в Успенском храме (Ред.).

С. И. Быстров

На Черемшане и у останков отца Серапиона

С. И. Быстров.
С фото нач. XX в. МУЧ.

*Введенская Церковь
Фелицатина монастыря*

— Вот и Черемшан, — сказал наш возница, указывая на раскинувшиеся на склоне горы постройки, которые ярко выделялись из окружающей их зелени садов¹.

— Это женский монастырь, — продолжал он, — а через гору от него — мужской. Тоже на хорошем месте стоит. Славное место выбрал ихний прежний игумен о. Серапион. Слово дачи. Ну, и сам он, покойник, был хороший человек. Святой, можно сказать, жизни. Бывало, с какой нуждой ни приди, так не отпустит, непременно поможет. Я хоша и не старообрядец, а правду сказать надо: примерный человек. Здесь у нас слух носится, — повернулся он к нам, понизив голос, — будто он и сейчас нетленный лежит, а как помер, слишком десять лет прошло. Верно ли, нет ли, — Господь знает, — заключил извозчик, подгоняя свою лошадь.

Он, конечно, не предполагал, что мы хорошо знакомы с Черемшаном, и поэтому охотно рассказывал нам его прошлое и настоящее. Мы не мешали ему высказаться. Но когда он кончил, мы ему заметили, что бывали здесь не раз, а один из нас даже жил здесь.

— А... — протянул он и, почесав затылок, энергично принялся управлять лошастью.

Дорога наша — под гору, всё ближе и ближе к монастырю. Среди деревьев показалась белая церковь, с строящейся колокольней, около которой хлопотали десятка полтора рабочих. Кругом храма ютились келии и корпуса братии, одной стороной уходящие в лес, окружавший монастырь.

Мы скоро отыскали знакомых нам жителей монастыря и расстались с словоохотливым возницей.

Весь этот день мы провели в обозревании монастыря и его достопримечательностей. За последние три года Черемшан изменился много. Вместо прежней молельни, имевшей вид дома, теперь красуется церковь с куполом и крестами, воздвигнута и колокольня. Появилось много новых келий и корпусов, в которых помещается свыше двухсот человек сестёр-инокинь.

¹ Черемшан находится вблизи г. Хвалынска Саратовской губ. (*прим. авт.*).

Матушка Фелицата.

Вообще монастырь представлял из себя небольшое сельцо или деревушку, только в значительно лучшем виде, чем русские деревни. Всюду поражает чистота, порядок. На всём видна заботливая рука.

К нам подошла старушка игуменья Фелицата, основательница этого монастыря.

— Осматриваете? — добродушно спросила она.

— Да, матушка, — ответили мы, — смотрим плоды ваших трудов.

— Теперь слава Богу, хорошо, — ожилилась она. — А вот сначала-то немало хлопот было. Лишь один Господь ведаёт, что пришлось нам с о. Серапионом перенести. Всего было: и за границу бегали, и в тюрьму нас сажали. Всё хотели нас устранить.

Да нет. Господь сохранил. А теперь, по милости Божией, свобода наступила. Вот достраиваем колокольню. Тоже много дела. Лета уходят, а дела прибывают. Смотрите, смотрите, — спохватилась она, — а меня простите, я пойду глядеть на работы.

И матушка, опираясь на посох, пошла к постройке.

Мы отправились в мужской монастырь.

Идти пришлось через гору, густо поросшую лиственницей. От одного монастыря до другого по горе вьётся узкая тропинка. Это — кратчайший путь. Другой ведёт кругом горы, по нему пролегает дорога. С вершины этой горы открывается чудный вид на мужской монастырь и его окрестности. Внизу, в долине, раскинулся монастырь, состоящий из десятка корпусов и келий, с каменной двухэтажной молельней в центре. Налево от монастыря синеет громадный монастырский пруд, с построенной около него мельницей. Направо, с трёх сторон, высятся горы, покрытые густым лиственным лесом. Дальше синеет отроги других гор, поросших высоким хвойным лесом. (Этот лес принадлежит графу Воронцову-Дашкову).

С четвёртой стороны непрерывной нитью тянутся фруктовые сады, среди которых пестреют, крыши домиков и водяных, мельниц. За ними широкой лентой развернулась Волга, которая со всеми её заливами, островами и озёрами видна, как на ладони. А там, в туманной дали, тянутся луга, поля и сёла...

Мы на минуту остановились, залюбовавшись открывшейся пред нами панорамой.

В монастыре заблаговестили к вечерне. Мы поспешили в храм, надеясь увидеть там о. игумена, у которого мы хотели взять позволение осмотреть нетленные (как мы слышали) останки о. Серапиона.

Звонница и Успенский собор мужского монастыря

О. Феодосия (так зовут игумена) мы не нашли в храме: он хлопотал по монастырю. Один услужливый инок вызвался нам его отыскать. Через полчаса игумен пришел. Мы изложили ему цель нашей поездки к ним и просили не отказать в нашей просьбе. Выслушав нас, он заметил:

— Не знаю, что сказать вам. Намерение ваше благое; но то, что останки о. Серапиона почивают в нетлении, мы храним в тайне. Даже братия монастырская не вся это знает.

— Нет, отче, не откажите, — упрасивали мы, — вы этим принесёте громадную пользу нам. В теперешнее время, время неверия, это послужит веским подтверждением истины религии.

Игумен уступил.

— Хорошо, — сказал он, — я исполню ваше желание. Только повремените. После вечерни братия пойдёт на ужин, а мы с вами в это время сходим ко гробу о. Серапиона.

Нечего и говорить, что мы охотно согласились с предложением о. Феодосия, и чтобы заполнить время, стали осматривать достопримечательности монастыря. Побывали в том и другом храме, в которых, особенно в зимнем, есть много старинных икон. Замечательными по своей древности и величине выделяются иконы: Нерукотворенный образ и Казанская.

— Куда не отойдите, всё на вас глядит лик Богородицы, — заметил сопровождавший нас инок.

— Эти иконы принесены с Иргиза, — добавил он.

Мы и раньше видали эти иконы, но это не мешало нам воскресить в памяти впечатления прошлого. Мы с удвоенным вниманием смотрели на эти памятники древности.

Жителей в мужском монастыре оказалось не более 50 человек.

— Почему же так мало? — спрашивали мы игумена.

— Усердие оскудело в народе, мало жертвуют, содержать нечем, — ответил он, — бывало, при о. Серапионе братии было свыше ста человек, а теперь вот и с этими ничего не поделаешь, средств нет. А тут ещё неприятности вышли с некоторыми из братий. Монастырь был завещан покойным о. Серапионом на несколько лиц (потому что по законам наши приходы и монастыри не признавались в то время). Некоторые из этих лиц воспользовались этим правом и стали требовать через суд часть имущества, как бы принадлежащую им. Пришлось, по необходимости, выдать им требуемую сумму из скудных монастырских средств. Это и вовсе подорвало монастырь...

— Ну, теперь можно идти, — сказал игумен, подымаясь с места.

Мы последовали за ним.

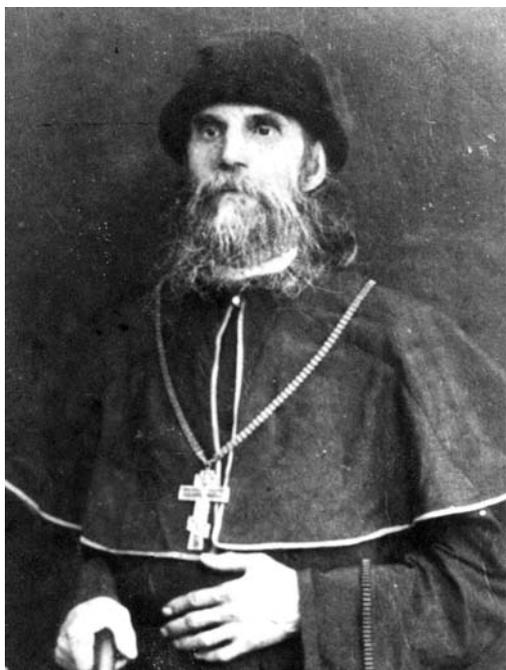
Склеп находится около алтаря храма и представляет из себя каменную часовню. В него ведёт деревянная дверь, затянутая проволочной сеткой.

— Идите за мной, — сказал игумен, спускаясь по каменным ступеням вниз.

На нас пахнуло холодом и сыростью, когда мы спустились внутрь склепа. Он был сводчатый и разделялся на 2 части: на верхнюю и нижнюю. Верхняя была пуста, а в нижней, на каменных фундаментах, около стены, стояли 2 тёмные гроба: с правой — епископа Паисия, а с левой — архимандрита Серапиона.

Мы подошли к последнему.

Игумен зажег 2 восковые огарка. Красноватый свет озарил внутренность склепа. О. Феодосий надел эпитрахиль и вместе с одним из монахов сняли крышку гроба... Мы увидели силуэт лежащего человека, покрытого тёмным полотном. Покрывало это изветшало и легко отрывалось лоскутами.

Преподобный Серапион.

«Десять лет прошло», — говорил игумен, снимая истлевшее покрывало. «А вот и риза, — добавил он. — Вот евангелие на груди». Мы ниже наклонились и пристально стали рассматривать. Действительно, перед нами лежало евангелие и крестообразно сложенные руки. Но на всем этом лежал белый слой плесени. Игумен отёр с рук плесень и сказал: «Смотрите».

Мы по очереди каждый, осматривали руки почившего. Они были темновато-жёлтого цвета. Тело на них совершенно сохранилось. Мы ощупывали их руками. В таком же положении оказались и ноги. Лицо не открывали, а лишь подняли часть покрывала над подбородком: «Слишком много придётся развязывать покрывал», — сказал о. Феодосий. Мы не стали затруднять его. И то, что видели, нам ясно показало, что останки приснопамятного

о. Серапиона почивают в нетлении, несмотря на сырость склепа. Отец диакон и И. П. Кованов, бывшие со мною, по предложению игумена, ощупали бока и грудь почившего. Всё это оказалось в таком же положении, как и руки.

— А вы попробуйте приподнять гроб, — предложил один из иноков, — вы сразу почувствуете тяжесть тела.

Действительно, гроб оказался тяжёлым, хотя сделан из очень тонкого леса.

Холод и сырость внутри склепа давали себя чувствовать, и мы поспешили выйти оттуда. В продолжение всего дня мы находились под впечатлением виденного.

В душе чувствовалось какое-то радостно-благоговейное чувство. Чудо нетления было воочию. Никакого сомнения не оставалось, что тут проявляется сила Божия. Естественные объяснения здесь не имели места...

Отсюда мы снова отправились в женский монастырь, но только не в главный, а граничащий с ним, — скит инокини Платонида. Этот скит составляет одно целое с большим монастырём, хотя и имеет отдельное управление. В недалёком прошлом все скиты эти были самостоятельны, но потом, по предложению местного епископа, соединились вместе под общим наименованием «Черемшанского женского монастыря».

Хотя и сейчас существует несколько самостоятельных скитов, как, например: Маргаритин, Енафин и другие, не вошедшие в общий состав, — но они слишком малы для того, чтобы считать их отдельными единицами.

Матушка Платонида была давно известна нам, поэтому встретила нас, как старинных знакомых, и несмотря на нездоровье, пригла-

Железные вериги из Черемшанского монастыря.

сила на чашку чая. Скит её состоит из одного большого двухэтажного корпуса и нескольких флигельков. Во втором этаже, между келиями инокинь, помещается небольшая домовая церковь с алтарём. В этой церковке совершается ежедневная служба. Число братии в её скиту определяется приблизительно около 50 человек.

Матушка Платонида, как любительница пения, организовала из молодых инокинь и белиц порядочный хор, который исполняет песнопения в главном монастырском храме. По нашей просьбе хор пропел несколько стихер и стихов религиозного характера. Пение их твёрдое, приятное, но, к сожалению, немножко ударяет «в носовую партию». Кроме древних икон, которых немало в молельне матушки Платониды, она показала нам медные и железные вериги, которые носят подвижницы-инокини. Некоторые вериги весят около 5—6 фунтов. Такие же вериги, по словам матушки Платониды, носил и о. Серапион. Вериги эти состоят из массивного четырёхугольника, к которому прикрепляются по углам 4 цепи. Цепи эти перекидываются через плечи и под руки, а концами сходятся вместе и запираются на замок.

— Некоторые подвижники и подвижницы, — рассказывала нам матушка, — носят такие вериги по несколько лет. Были случаи, что вериги совершенно вросли в тело.

Да, это были поистине мученики произволения и подвига. Они не старались кричать о своих подвигах, а делали великое дело подвижничества в тайне. Мне припомнился один такой аскет — инок Иларион. Он жил в обители о. Серапиона. Про него рассказывали, что он в скором времени по пострижении надел на себя вериги, запер их на замок, а ключ забросил в пруд. Таким образом, он подверг себя пожизненному изнурению. И этот случай был не единственный...

Вечером этого дня мы оставили Черемшан. С душевным удовлетворением уезжали мы из святыни старообрядчества. Нас радовало сознание, что мы, наконец, получили то, чего добивались долгое время.

Подпись: Б-вѣ.

(Церковь. 1909. №5, сс. 170–172.)

Черемшанский подвижник¹

Отец Серапион еще при жизни своей почитался Божиим угодником теми, кто его знал. По его смерти благодарные старообрядцы, желая увековечить память основателя монастыря, поместили гроб с его останками в склепе, устроенном подле церкви. При перенесении останков обнаружилось, что тело его нетленно. В начале XX века в склепе были помещены святые иконы, у которых горели неугасимые лампы, мощи о. Серапиона были покрыты стеклом, у склепа был приставник — инок, который следил за сохранностью склепа. Отец Серапион почитался как местночтимый святой; епископы, жившие в монастыре, часто посещали склеп, молились там и прикладывались к мощам. Также совершали туда паломничество и насельницы женских черемшанских монастырей, находившихся недалеко от Серапионова монастыря. Шли паломники и из других мест России.

¹ Фрагмент статьи из Старообрядческого церковного календаря на 1997 г.

О нетлении мощей о. Серапиона сообщалось в старообрядческом журнале «Церковь» (см. № 5, 1909 г.). Автор этих статей, С. И. Быстров, — бывший насельник монастыря и секретарь саратовского епископа Мелетия, — писал, что многие старообрядцы ждут канонизации о. Серапиона. Но трагические события 1917 года помешали осуществиться этим планам.

Незадолго до закрытия монастыря архимандрит Серапион в сонном видении явился настоятелю обители архимандриту Антонию и другим инокам, повелевая мощи свои перенести в другое место. В один из дней иноки обнаружили склеп открытым; гроб с телом о. Серапиона стоял на ступенях лестницы, ведущей в склеп. Мощи были перенесены в женский Введенский (Фелицатин) монастырь, где также были помещены в склепе. Почитание мощей продолжалось и в женской обители. Женских монастырей на Черемшане было несколько, но в то беспокойное время они один за другим были закрыты. Нависла угроза и над Введенской обителью. Инокини, не желая предать осквернению святые мощи, в 1924 году, в среду Пасхальной седмицы, с крестным ходом перенесли останки подвижника на монастырское кладбище. Вскоре был закрыт и последний монастырь. Но те, кто знал место захоронения о. Серапиона, продолжали посещать кладбище, чтя его память.

В настоящее время от бывших монастырей остались только сильно перестроенные здания святых храмов да еще некоторые постройки. Кладбище мужского монастыря уничтожено, на этом месте кощунственно устроена площадка для танцев. Но память о Черемшанских обителях в старообрядчестве жива, и есть еще надежда, что светильник Божий вновь засияет на свещнице.

Старообрядцы из Саратовской общины каждый год посещают эти священные и дорогие места и молятся об упокоении душ подвизавшихся здесь иноков и инокинь — тружеников Христовых, от них же первый — архимандрит-схимник Серапион.

Из постановлений Освященного Собора Русской Православной Старообрядческой Церкви (состоявшегося в граде Москве 18-20 октября 2011 г. н. ст.)

7. Об общецерковном прославлении прп. Серапиона Черемшанского
- 7.1. Благословить общецерковное почитание прп. Серапиона Черемшанского.
- 7.3. Установить день памяти прп. Серапиона Черемшанского 18 апреля по старому стилю, совершать ему службу как четверичному святому.

МѢЦА АПРѢЛѢА, ВО, НѢ, ДНЬ, ПАМЯТЬ ПРѢБНАГѠ
 И ВГОНОСНАГѠ ОЦА НАШЕГѠ СЕРАПІОНА,
 ЧЕРЕМШАНСКАГѠ ЧЮДОТВОРЦА, БЛГОСЛОВИ
 ОУЕ.

СВѢТІЙ ПРѢБЫИ ОЦЪ НАШЪ СЕРАПІОНЪ
 РОДИСЯ ѠРОДИТЕЛЮ БЛГОУЧИВУ, В
 ЕГІПТО, ЗѢЛА, И НАРЕКОША ИМА
 СМОУ СЪМЕОНЪ. ОТЕЦЪ ЖЕ ЕГѠ,
 ІѠАННЪ ЗОВОМЫИ, ПОРЕКЛОМЪ АБАУИИЪ,
 БЛШЕ ѠРОДА КЪПЕЧЕСКА. ПРЕСЕЛИЖЕСЯ
 Ѡ ОУЧЕСТВІА СВОЕГѠ, НИЖЕГРДСКИХЪ
 ПРЕДѢЛОВЪ, СЕЛА МЪРАШКІНА,
 ВОГРАДЪ САРАТОВЪ. СЪМЕОНЪ ЖЕ
 ОУТРОКЪ ВОРАСТАШЕ ВОСТРАСТЪ ВЪЖІИ И
 ЛЮБВИ КЪЖИТВЕННЫМЪ ПИСАНИЕМЪ. ПРИЛЕЖАШЕ ЖЕ ОУПАСНѠ
 ДРЕВЛЕБЛГОУЧИВОМУ ЦРКОВНОМУ ПРЕДАНИЮ, НОВИИЪ ЖЕ БЕЗАКОННИХЪ
 ОУДАЛШЕСЯ ВЪКОНЕЦЪ И ѠРЦАШЕ. И ТОЛІКУ ЯВЛШЕ ЛЮБОВЬ
 КЪ ЖИТВЕННОМУ ПИСАНИЮ, ЯКѠ ДНЬ И НОЩЬ ОУПРАЖНАТИСЯ
 ВО УЧЕНИИ ВЪЖИТВЕННЫХЪ СЛОВЕСЪ. ГОНЕНИА ЖЕ ЕРЕТИЧЕСКАГѠ
 РАДИ, ЯЖЕ ВОБРАНАХЪ ОУЧИТИСЯ УЧЕНИЮ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНЫМЪ
 ХРТИАНѠМЪ, ПОЧИТОВАШЕ СЕИ КНИГИ ОУТАИ, ВЪ ПОЗЕМЕЛИИ

домъ родительскаго. и исполнивша бжтвенныя любве, яще
 и юнъ еше въ возрастѣ тѣлесномъ, моудростію же дхѣвною
 многыхъ старецъ превзошедъ, остави домъ и сродники свѣа,
 и вожелѣ житіа мншескаго. И понеже бывша прѣже
 близъ саратова иргізскіа монастыри гонители разориша,
 поиде въ стародоубскіа предѣлы, во древлелѣгочестнѣаго
 преданіа монастырь. гонѣнію же еретическомъ врсіи
 оумножившюся, со нѣкѣи ми благоутѣвими хртїаны прѣиде
 во иностранныя предѣлы, и вселѣся въ тврѣцкѣю зѣмлю,
 въ доврѣдѣю, во славскіи монастырь, и бысть мнхъ. и
 наречѣся ѿ ма емоу серапїѡнъ. и тамъ пребываа еше и
 во время, егда пакѣ стѣа бжїа цркви воспрїахъ первѣю
 свою добротѣ, сречь сщєнныи архїерейскіи чинъ ѡбновѣ. и бо
 блѣто, зѣне, митрополитъ греческїи амбросїи, познавъ
 правдѣ древлеправославныя вѣры, совокупѣся ко стѣи цркви
 и возобновѣ стїицельскїи чинъ. И по лѣтѣхъ пѣтинадесѣти,
 пакѣ прїиде во страну рѣсїнскѣю, и вселѣся оу града хвалынска,
 въ мѣстѣ нарицаемѣ черемшанъ. и бысть начальникъ маломъ
 монастырю. и поставленъ бысть во сщєнныи іерейскїи санъ
 ѡпрѣсщєннаго епїска саратовскаго аданасїа, иже таможе
 крылшеся гонѣніа ради еретическаго, и бысть сщєнно
 инокъ, и игуменъ. и владѣ емоу епїскопъ малѣю платнѣнѣю
 црковь, со ѡсщєннымъ пѣчевымъ прѣоломъ, еже есть стїи
 однокѡнъ. и служаше во оной бжтвеннѣю слоужбѣ крылсѣ,
 занеже во оны дни не лѣтъ еше древлеправославнымъ
 хртїаномъ и мѣти ѡбнѣ ни цркви, ни звѡна, ни ходѡвъ
 крѣтнихъ, ни литоргїи, преценїа ради еретическаго.

монастырь же стѣгъ превываше сокровеннѣ въ вертоградѣ дѣвѣици дѣклы, порѣкломѣ толтнковы, ѿже тайнѣ прѣйтѣ мнѣшескѣи образѣ соименемѣ делнцѣта.

Иногдаже, всенощное творѣщѣ вѣдѣнїе стѣмѣ со братїею, прѣздника радн воскресѣнїа хрѣтова, вnezапѣ ѿкн тѣтїе и разбойницы, влезѣша воиши во окнѣ храминны, и дѣже вѣлше поутнаа црковь, и ѿша всѣхѣ ѿверѣтшнхѣа тѣмѣ, и всаднѣша въ темнѣцѣ во градѣ хвалынсцѣ. О ле дерзостн, ноуждахѣ во несщѣеннѣи, щѣенныхѣ страдальцевѣ, ѿверѣннѣа щѣеннаагѣ иноческѣагѣ образѣ, и древлеправославнаагѣ щѣенствѣ. ввергѣша же во юзнѣлицѣ и самоу тоу ю мѣтерѣ делнцѣтѣ, и долѣе лѣта еднѣного превыша бевнннѣи в неправедномѣ заточѣннѣи. бѣ же премлѣтнвыи ѿвн великое свое мѣрдїе на иноцѣхѣ снхѣ, ѿкѣ вложн вѣрѣцѣ начальника темнѣцы любовѣ нелицемѣрнѣа кѣстѣымѣ страдальцемѣ. и попѣстн вѣрнѣымѣ хрѣтїанѣмѣ, да принесѣутѣ во юзнѣлицѣ стѣыл кнѣгн и икѣны, и щѣенныа рнзы, и всѣ, ѿже сѣть потребна для црковннѣа слѣужбы. О ле чюдо: ѿкѣ бысть темнѣца и монастырь, и црковь вжѣа. и превѣльшее знѣменїе ѿвн гдѣ паки: ѿкѣ въ нощѣ всевѣтлаагѣ прѣздника пасхи хрѣтовы мнозѣи хрѣтїанѣ прѣндѣша и внндѣша в темнѣцѣ, начальникѣ тѣакѣ попѣстнѣвшѣ, состѣавнша собѣрѣ велѣн прѣздника хрѣтова радн, и свѣтла пресвѣтломѣ воскресѣнїю во темнѣцы прѣзднѣство дѣховное сотворнша.

Послѣдн же сѣдн невѣрннѣи, приговорнша вѣрнѣыхѣ ко взыскѣнїю пенѣзей и тѣлеснѣн позѣрнѣн кѣзнн. О вѣче бѣ же сѣдн иначе,

ѣкѡ вѣтѡй сѣмын чѣсѣ, ѣгда приведѡша прѣбныхѣ страдалецѣ на позѡрнице, ѣ оуготоваша сосѡды мѡчѣительныя, прѣспѣвнезѣпѣ вѣстникѣ црѣкѣн, прѣвѣзѣ оѡказѣ црѣвѣ ѡ вѡвранѣнѣн вѡвѣхѣ чѣвлѣсныхѣ казнѣн, ѣ ѣвѣе ѡпѡщенѣн вѣша мнѣнѣн.

Пѣкн же вѡвратѣнѣ прѣбнын на черемшѣнѣ, ѣ пѣкн ѡвѣчѣтель сосѡвѣлѣетѣ. ѣ оѡмножѣнѣ чѣсло брѣтѣн, ѣ прѣнѣде на нѡво мѣсто, вѣше по горѣ, ѣже вѣрхнѣн черемшѣнѣ нарицѣетѣсѣ. ѣ тѣмѡ сосѡвѣнѣсѣ моѡжескѣн монастырѣ. жѣнскѣн же прѣвѣчѣ на нѣжнемѣ черемшѣнѣ, ѣдѣже прѣвѣвѣше мѣтн делнцѣтѣ.

По мнѡзѣхѣ же лѣтѣхѣ вселѣнѣ на черемшѣнѣ ѡснѡфѣ гончарѡвѣ, вѣвын прѣже послѣднѣн ѣтамѣнѣ казѣкѡвѣ некрасовкнхѣ, ѣже жнвѣхѣ вѡдѡроѡдѣжн. сѣн вѣше ѡмнѡгѣ лѣтѣ знаѣмѣ прѣбномѣ серапѣѡнѣ, ѣ любѡвь нелнцемѣбрнѣ ѣмѣ ко сѣѡмѣ. вѣше же знаѣмѣ ѣ саѡмоѡу чѡмоѡу царѡ ѣлѣхѣндрѣ вѡторѡмѣ, ѣже ѣ прѣжде мнѡгаждѣ оѡвѣщѣвѣше гончарѡвѣ прѣселѣтнѣ ѡтѡрѣцкѣн держѣвѣ вѣрѣсѣю. сѣн же гончарѡвѣ вѣнѣтѣ послѣднѣ царѣвѣ совѣтѣ, ѣ вселѣнѣсѣ на черемшѣнѣ, ѣ прѣнѣде кѣ царѡ, ѣ прѣѣтѣ вѣстѣ свѣлнкою чѣстѣю. ѣ ѣспроснѣ ѡцарѣ оѡстроѣтнѣ на черемшѣнѣ кѣмѣннѣю црѣковѣ. ѣ пострѡнѣша собѡрнѣю црѣковѣ вѡ ѣмѣ прѣтѣнѣ влѣцы нашѣнѣ вѣцн ѣ прѣнѡдѣвѣ мрѣн, чѣтнѣгѡ ѣ славнѣгѡ ѣлѣ оѡспѣнѣнѣ, ѣ покрѡвѣ. гончарѡвѣ же, сѣтѣрѣ сын, ѣзѡлн прѣнѣтнѣ во мнѣшескѣн чѣнѣ, ѣ пострѣженѣ вѣстѣ ѡсѣтѣгѡ со ѣменѣмѣ ѡвѣсѣдѣ, ѣ вѣмѣлѣ врѣменнѣ прѣстѣвѣнѣсѣ, прѣже ѡсѣщенѣнѣ црѣквн.

В лѣто же, ~~жѣтѣ~~ мѣца ѡкѣтѣврѣлѣ, ѡсѣтнѣсѣ собѡрнаѣ црѣковѣ ѡ древлѣправѡславныхѣ архѣерѣвѣхѣ, ѣмѣбрѡсѣнѣ ѣпѣкпѣ сѣрѣтовскѣнѣгѡ,

и пафноутѣ епископа казанскаго, и трѣхъ стѣхъ исповѣдникъ,
 иже на премногѣмъ лѣтѣ претерпѣша заточеніе за вѣрѣ во темници
 соудальскаго монастыря: пресвѣщеннѣйшаго архіепископа аркадіа
 славскаго, иже первѣе живѣше во славетѣмъ монастырѣ,
 и дѣже и прѣбыви серапіонъ вѣтѣ же лѣтѣ постриженъ бысть;
 и влѣченнаго конона, епископа новозыбковскаго, и славнаго
 страдальца генадіа, епископа пермьскаго. аркадіи же стѣ претерпѣ
 неправедное заточеніе вѣ темници лѣтъ, двадцать и осемь,
 кононъ же епископъ, двадцать и шесть лѣтъ; пресвѣщенный же
 генадіи, шесть и десять лѣтъ. и чюдо вѣше зрѣти, иакѣ
 живи новѣи мѣницы оцѣхъ вѣжѣмъ олтарѣ, и моци дрѣвлнхъ
 мѣникъ, во стѣннцнхъ полагахъ.

Серапіонъ же стѣи толнѣхъ кротость и влѣше, иакѣ и прошаше
 епископа амбросія, да вѣстѣвнѣтѣ егѣмъ вѣнгѣменскѣмъ влѣсти.
 о вѣче архіерей не влѣтѣ моленію и не по вѣстѣи свѣтѣльннѣхъ
 быти поспѣдомъ, но на свѣщницѣ тогѣмъ водрѣзи, иакѣ не то чюю
 и гѣменства не вѣстѣвн, но и архимандритѣмъ сотворѣтѣ тогѣмъ.

Вѣше же стѣи серапіонъ, тѣломъ соухъ и вѣзорѣмъ при вѣтѣнѣ,
 и злнха ницелюбнѣхъ и млтннн подѣтель не вѣскоуденъ. и
 вѣше вѣдѣти на кѣждѣ днѣ множество проснѣтель и ницнхъ,
 вѣждѣющнхъ егда и зыдетѣ прѣбывнн и црѣкѣ. и ннктоже нхъ
 ннколнже вѣнде вѣпрѣбнаго прѣзденъ, и не полчнѣвѣ прошеніа
 своегѣ. кѣларѣ же монастырскѣи пенѣше стѣмъ, икн вѣ разорѣтѣ
 обнѣтель вѣмѣрныа радн млтннн. прѣбывнн же полчѣше тогѣмъ
 вѣстѣхъ пнснннн ненадѣвѣтнса на богѣтѣство гнѣлющее, но то чюю
 на вѣга вѣе оупѣваніе и мѣтн, и мнѣловѣтн нѣждѣющнхъ.

И велїи подвигъ твораше прѣвныи, ѿкѡ не точию желѣзныи вериги ношаше непрестанно, но и на многаи лѣта на кїиждо днь самъ служаше стою литоргию и причащася вѣтвеныхъ хрѣтовыхъ танинъ. посѣщаше же рѣно и больныи братїю и оутѣшаше ѿ. и на кїиждо днь почиташе братїи вѣтвеныи писанїи, и толкованїи стыхъ оцъ. и самъ рѣно оучаше вса люди блгчтїю и правои вѣрѣ, и любви и страху вѣтїю.

И такѡ поживъ вѣкломрїи и добродѣтелехъ многыхъ, поколѣ ногамн мало дїи, и причастився вѣтвеныхъ хрѣтовыхъ танинъ, и блгослови братїю. и преставися ко гдѣ, егѡже рѣно желаше, и емоу же во всемъ житїи своемъ непрестанно вѣ работал, вѣлѣто, ~~зѣс~~, мца генварѣ вѣ, 3, днь, на прѣзидникъ собора стѣгѡ іѡанна креститѣла. и велїе множество вѣрныхъ собрася на погребенїе стѣгѡ, и слѣзы проливаху на сщєннымъ тогѡ тѣломъ. и погребѡша того ѣтнѣ. и чрѣзъ, 1, лѣтѣ ѡвѣрѣтошася стѣиа моци прѣвнѣгѡ оца серапїѡна нечлѣбныи и цѣлы весьма. и множество народовъ свѣрою пристѣпающе ко егѡ грѡбу, покланѣхуся и лобызѣху стѣиа моци, и сщєленїа блгдѣть ѡнедоугъ прїемлюще, и ѡдержимїи ѡдхѡвъ нечтыхъ и сщєлѣхуся вѣ монастырїи томъ многажды по млѣвамъ стѣгѡ.

Млѣвами гдїи оугѡдника твоегѡ серапїѡна неспосли на ны млти твѡѣ, и подаждь намъ ѡставленїе грѣхѡвъ, и сподѡби рѣно оугаждѣти тебѣ, и воспѣвѣти тѣ стою трїцѣ, оца и сна и стѣгѡ дѣа, ннѣ и рѣно и во вѣкн вѣкѡмъ, ѡминь.

и́нѣ, гласъ, то́йже. **В**ѣ ты еси́ лоза́ истинна́я, воста́вшая на́мъ пло́дъ жи́вотныи, тебѣ́ съ мо́лимъ, моли́ся влѣце со прѣ́внымъ, помнѣ́ватися ду́шамъ на́шимъ;

На стнхѣвнѣ, ст҃ры, гласъ, в, по, до́ме е́вфра́довъ.

Ду́ю свою́ о́че, ѿскве́рны вса́кѣа ѡчи́стивъ, истиненъ я́вился до́мъ, дх҃ пресѣ́томъ, и́ чюдотво́рецъ показа́ся.

стнхъ, чѣ́на прѣд҃гдемъ, сме́рть прѣ́вныхъ е́гѡ.

Же́ртвѣ чѣ́у ѿкѡ сщ҃енникъ, прѣ́но кѣ́гѣ воно́силъ еси́, и́ ѿкѡ па́стырь до́брыи, ду́ю ѡ о́вцахъ полага́ше, наста́вляа всѣ́хъ ко спасе́нїю.

стнхъ, что́ возда́мъ гд҃евн ѡ всѣ́хъ, ѿ́же во́дѣстъ мнѣ.

Тѣ́ло трѣдо́любное, постѡ́мъ исто́чнѣлъ еси́, до́ухъ же вѣ́днѣи всемо́щныи, и́ непреста́нною моли́твою, сотвори́ страсте́мъ непресто́упенъ.

сла́ва, гласъ, ѿ. **К**ѡ гд҃ъ непреста́ннѡ взира́а, пре́внѣдѣ́ ѿ́же вми́рѣ тлѣ́ннаа, и́ нанетлѣ́нїе взы́де серапі́ѡне, съ нѣ́ныхъ насъ кроу́гъ назира́и, и́ моли́ся за чл҃да твоѡ́ бля́женне.

и́нѣ, гласъ, то́йже. **В**лѣце прѣ́имнѣ моли́твѣ ра́въ своѣхъ, и́збави́ насъ ѡ вса́кѣа но́жды и́ печа́ли, тебѣ́ велича́ющыа;

Тропа́рь, гласъ, а, по, вѣ́жтвѣ́ дѣство. **И́**же на зе́млѣ а́ггль, и́ нѣ́ныи чл҃къ, и́ пра́внло до́родѣ́телеи́ серапі́ѡне прѣ́мре, лю́бовїю взы́де ко истинно́му живо́тѡу, и́ моли́твами твоѣ́ми и́збавля́и ѡ сме́рти ду́ш на́ша.

слава, инѣ, прѣздникѣ, илѣ бѣ.

На пѣвечерницѣ, кондакъ, гласъ д, по. вознесѣна на крѣтѣ.
 Послѣдовавъ распѣньшемъ се болю, всѣ ѣже в мѣрѣ красна
 ѡставилъ еси, едина красота хрѣтова возжелѣвъ, и нѣ
 на небесѣхъ наслаждаѣа того доброты, дерзновеніе имѣа къ
 немю, мѣрѣ вселеннѣи испроси, и всѣмъ хрѣтіаномъ велю
 мѣлостъ;

На велицѣи вечерни, поемъ блаженъ мужъ, а, антифонъ.

На гдѣи вѣвахъ, стихѣры, гласъ в, подобенъ. егда ѡдрѣва.

Прѣидѣте мѣлости пѣчинѣ, и трѣдолюбѣа сокровище, и
 молѣтвенника неосыпнаго, серапѣона блаженнаго воспоемъ,
 хрѣтонъ бѣ ѡбѣа аггѣлъ пѣстыннын, и нѣнаго ѡтчества
 гражданинъ, собравъ инокствѣющихъ множество, ко спасенію
 настави ихъ, и за истинѣ мужески претерпѣ зачоченіе,
 прѣнесъ свободу дшѣю, и чтоущимъ егѣ испрошѣетъ, свободу
 истиннѣю оулѣичи ѡхрѣтѣ.

Неимѣаше на земли преbывающаго града, но нѣнаго прѣно
 желѣа, ѡноности прѣпѣне, ѡставилъ срѣдникъ изнаемыхъ,
 и пѣстыннын житель ѡбѣа, и вселѣа при исходнишихъ
 вѣдѣ, собравъ инокствѣющихъ множество, и пѣстырь ѡбѣа
 израденъ, настави ко спасенію чѣда своѣ.

Тѣло твоѣ трѣдолюбное, постѣмъ же и бѣбнними пѣдвиги,

оумѣ вои́стинѣ покорѣнъ еси́, и́ бѣстрѣстѣемъ летѣа, нѣбныхъ кроу́гъ достѣгнъ еси́, и́дѣже водворѣа со а́гглы, радостнѣ пѣсносло́внши гдѣ, и́ всѣмъ пою́щымъ тѣ испраша́еши, мѣръ и́ вѣлю́ млѣть.

сла́ва, гла́съ, ѿ. Гла́съ возлю́бльшагѣ тѣ оуслѣшавъ, ѿвѣржесѣ себѣ вои́стинѣ, и́ взѣмъ крѣтъ своѣ понесе́ съ любовію, послѣдовавъ тому́ всера́достнѣ. и́згна́нїа и́клеветы́ подѣмлаше, и́темнѣное за́точенїе, доконца́ же претерпѣвъ спасѣнїе оу́лчѣн, и́ чудотворецъ показасѣ, моли́сѣ ѿ дшѣхъ на́шнхъ.

И́нїѣ, прѣзѣдникѣ, и́ли богоро́диченъ, црѣ нѣбны;

Паремїи́, прѣбнѣнческїа.

Наисхо́жденїи, стѣры, гла́съ, ѿ. Прїидѣте дѣ́обными пѣсньми, восхва́лимъ дѣ́обнагѣ па́стырѣ, и́же дѣ́омъ стѣ́имъ просвѣ́щеннагѣ, и́ сокровѣще добро́дѣтелемъ и́вльшагѣсѣ, е́гоже премно́гїа раднѣ чѣоты́, и́звѣра́ и́ прїѣтъ гдѣ, прѣ моли́цасѣ ѿ дшѣхъ на́шнхъ.

На́нѣо стезѣю́ ведо́ущею, прѣ шѣстѣоваше прѣбнѣ, се́го раднѣ вни́де вѣра́дость гдѣ своегѣ, и́дѣже водворѣтисѣ рабѣмъ тѣвѣнѣмъ, и́спроси́ млѣтѣ серапїѣ́не.

Млѣ́тынн река́ многово́дна, ѿрѣкоу́ и́сточнѣсѣ тѣвоѣю, се́го раднѣ просла́ви тѣ бѣтъ нечлѣ́нїемъ, чудотворче́ серапїѣ́не, моли́твенниче ѿдшѣхъ на́шнхъ.

сла́ва, гла́съ, ѿ. Ра́ка мо́щей твои́хъ, исто́чникъ твои́
 прѣвнѣ, ѿсцѣлѣнїа подава́етъ, притека́ющимъ въкрою, ѿспроси́
 ѿ на́мъ моли́твами твои́ми, вса́кїа скверны ѡчи́стятиса,
 ѿ тѣлесемъ ѿсцѣлѣнїа, ѿ спасѣнїе ду́шамъ на́шимъ.

И́иѣ, прѣзди́къ, ѿнѣ бо, ѿчюдесе́ новагѡ;

На стиховнѣ, стихѣры, гла́съ, ѿ, подобенъ, прехвальныйи
 мѣници.

Прехвальное серапиѡне, земля непотай тебе, но ѡбнѣшася мо́щи
 твоа, источающе ѿсцѣлѣнїа, притека́ющимъ въкрою, древа
 животнагѡ браи наслажда́ася, хрѣтѡви моли́ся, дарова́ти
 ду́шамъ на́шимъ, миръ ѿ велию мѣть.

стихъ, чѣна прѣдъ гдѣмъ, смѣрть прѣвныхъ егѡ.

Жертвѡ чѣю, приноша́ше бгѡви, ѡкѡ сщѣнникъ законенъ,
 жизнь свою ѡкѡ всепло́днѡ жертвѡ, принеса́ еси́ томѡ
 всечѣне, ѿ насле́дова црѣтво нечлѣбное, егѡже ѿ на́мъ оу́лчѣити,
 моли́ся моли́твенниче дѣвныи.

стихъ, что́ возда́мъ гдѣви ѡ всѣхъ, ѡхже вода́стъ мѣ.

Аггльскїа чистоты, вѣреннемъ тѣлесѣ дости́же, тѣмъ
 ѿ попрѣставлѣнїи, вселенсѡ соагглы, вѣбныхъ чертѡсѣхъ,
 наслажда́ася нечлѣбныа радѡсти, хрѣтѡви моли́ся, дарова́ти
 ду́шамъ на́шимъ, миръ ѿ велию мѣть.

сла́ва, гла́съ, ѿ. Дюродѣтелей твои́хъ прѣвнѣ о́че пло́домъ,
 просвѣтѣла́ еси́ вѣрныхъ срѣа. кто́ бо послу́шалъ вѣчнеленнагѡ

твоегѡ смиренїа, и терпѣнїю недвїтса. еже кнїцымъ
тихость, и к скорбѣщымъ оутѣшенїе. всѧ болѣпнѡ наоучїа
еси прѣвнѣ исповѣдникѣ серапїонѣ, инѣк не оубаждѣмымъ
вѣнцѣмъ оубавзѣса. молїи ѡдшїахъ нашихъ.

И инѣк, прѣзидникѣ, и ли богородиченъ, вневѣстна дѣо;

Наоутрени, тропарї, повѣстѣвѣ. по, а, стихологїи, сѣдѣленъ,
гласъ, а, по. гровъ твоїи. Слѣжнїтель бѣвъ хрїтоу вслѣческихъ
влцѣк, просвѣтилъ еси людїи, вжтвеннымъ еѡльскимъ
оученїемъ, кразумѣнїю сего, настѣвль прѣвнѣ. тѣмже
исповѣдника тѣа истинѣ именовемъ, свѣтїльника и
оугодника хрїтова. двѣ.

слава, инѣк, прѣзидникѣ, и ли бѡ. Резневѣстна чѣа вѣ
дѣо, едина прѣстѣтельнице вѣрным и покровѣ, вѣдъ и скорбѣи,
и лютыхъ ѡвстоанїи всѣхъ и зѣаби, иже на тѣа оупованїе
и моущихъ отроковнїце. и дшїа наша спаси вжтвенными
молѣами си;

По, б, стихологїи, сѣдѣленъ, гласъ, е, по. собеначѣло.
Пѡстника гдѣа пѣсньми поутѣмъ, иакѡ оумертвѣвша всѧ
прилоги страстѣмъ, вѡдержанїемъ твѣрдымъ, и крѣпкимъ
терпѣнїемъ вѡистинѣ. и посрамѣвша сѣлѡ сопротивнагѡ
всѡ гордынїю. инѣк молѣщасѧ гдѣви, помнѡватисѧ дшїамъ
нашимъ. двѣ.

слава, инѣк, прѣзидникѣ, и ли бѡ. Отрашно чѣдо зачѣтїа.
и нескѣзаненъ ѡбра ржтѣа, втѣбѣк познѣса чѣа прѣо дѣо.

оужаслетъ мнѣ оумъ, и оуднвллетъ помышленіѣ. слава твоѣ
вще всѣмъ прострѣся, насасеніе душамъ нашимъ;

По полъелеосѣ, свѣдаленъ, гласъ, г, по. вжѣн вѣрѣ. Ржтвеннымъ
дохомъ просвѣщенъ, проповѣдалъ еси содерзновеніемъ,
православіѣ преданіе, всевлаженне серапіѡне. и мѣчители
безаконны посрамилъ еси. взаченіихъ неправедно ѡсылаемъ.
Оче прѣвне хрѣта бѣа молн, грѣхѡвъ ѡставленіе подати,
чтоущимъ любовію стою пѣмать твою. двѣ.

слава, инѣ, вѣ. Кождо нѣже спасетса, вправдѣ тамъ
привѣглетъ. и кое ино таково привѣжнице, ѣкѡ твоѣ вще,
покрывающее душѣ нашѣ;

степенна, ѣ, антнѣ, д, гласа. прокнменъ. чѣна предгдемъ
смерть прѣвнихъ егѡ. стн. что водамъ гдѣн ѡ всѣхъ,
нѣже водастъ мнѣ. всѣко дыханіе. еваліе, ѡматѣѣ, за, мѣ.
всѣ мнѣ предана соутъ.

по, н, мѣ ѡлѣ. стѣра. гла, н. Темныя дѣбри черемшанскіѣ,
пѣче слнца просвѣтилъ еси, сннѣемъ пѡдвигъ твоихъ
прѣвне. ипѣстыню градъ содѣлалъ еси, сонмъ инокихъ собравъ.
млчинею неѡскоудною, нанѣсѣхъ сокровище стѣжалъ еси,
нѣже веселѣся серапіѡне влженне, молн за поущыѣ тѣ;

канонъ, гласъ, в, нмѣѣ краегранесіе. серапіѡна восхвалю стѣгѡ.
пѣснь, ѣ. ірмосъ. Гдѣнѣ ѡкрылъ естѣ дно, и посѣхъ своихъ
нзводитъ, внѣн погроужъ сопрѣтвныѣ, крѣпкѣн вобранѣхъ
гдѣ, ѣко прославнѣся.

прпѣклъ. прѣвне Оче и исповѣднице серапіѡне, молн бѣа ѡ насъ.

сѣдѣленъ, гласъ, д, по. скорѡ прѣварѣ. Свѣтѣльниче пресвѣтлыи истинны хрѣтовы, вѣрѡ невлазненѡ до конца соблюде ѡче вѣогливе, ѡвѣргъ ереси словѣрныхъ хоулникъ. и погаси пламень плотскихъ страстѣи, тѣмъ ѡкъ оугодникъ хрѣтовъ всѣхъ просвѣщаешн. двѣжды.

слава, и нѣѣ, прѣзденнѡ, илн, вѣгороднченъ. Дѣо всенепорочнаа, превогачагѡ вѣа порождѡши, со веплотными того непрестанно молн, ѡставленіе прегрѣшеніи и исправленіе житіа дати намъ прѣже конца, вѣрою и любовію поющымъ тѣа подолгѡ, едина многопѣтаа.

пѣснь, д. ірмосъ. Пришествовавъ ѡдѣбы неходатаи ннѣггъ, но ты самъ гдн воплощсѡ, и спасе всегѡ мѡ члѡка, тѣмъ вопію ти, слава силѣ твоѣи.

Агница вѣжѡ мнрѡ грѣхн вѣземлющагѡ, подражаа неслобію, млчю и всепрощеніемъ прнсымъ, ѡче серапіѡне, и млчн тогѡ сподобсѡ.

Волетѡа вѣнѡ вѣлше оумомъ ѡчищеномъ, копрѣтолѡ вѣшнѡгѡ, равно аггльне серапіѡне, тѣмъже нѣѣ нанѣсѣхъ, соагглы прѣстѡнши томоу.

Огнемъ любве твоѣѡ когдѡ, попалнѡ еси тѣрніе грѣховное, плодоносѡ доушу своѡ содѣлавъ, тѣмъже сториченъ плодѡ добородѣтелѣи, влцѣ прннесѡ еси.

кѡ. Свѣтѡмъ ѡца вѣначальнагѡ, содѣнствіемъ же прѣтаго дѡа, вѣлѣтнагѡ сна зачала еси. и породн преславноа дѣо,

иже въпорѣдѣ намъ въходѣ ѿвѣрзшаго;

пѣснь, ѿ ірмосѣ. Просвѣщеніе вѣдѣмъ лежащимъ, и спасеніе ненаучаемымъ хрѣсте спсе мой, кѣтебѣ оутреннюю црѣю мѣрныи, просвѣтѣи мѣ сѣлнѣемъ сѣи, и ногѣ вѣ развѣ тебе вѣга незнаемъ.

Хрѣтова свѣтолітѣи ѿзаренію, и вѣнса єси серапѣоне причастникъ, молитвою и чѣстѣю, и всендѣвнымъ страшнѣхъ тѣннѣ слѣженіемъ, чѣмъ же вѣсвѣтѣ непрестоупѣ вселнса єси.

Всенѣщными прѣно вѣдѣннѣи, и трѣды прѣвнѣи мнѣогими, мнѣлостынею же непрестѣнною серапѣоне, и вѣжѣтвеннѣхъ оученіи сказѣннѣемъ, дѣвенѣ оугѣдннѣи вѣжѣи и вѣнса єси.

Аркѣдѣи сѣщеннѣи исповѣдннѣи, генѣдѣи же и кѣнонѣ дѣвнѣи страдѣльца, живѣи моученнѣи соудѣдѣльстѣи, мѣщи дрѣвннѣхъ мѣннѣи полагахѣ, ѿсѣяюще создѣннѣю тобою оѣе црѣкѣвѣ.

вѣ. Дожеснѣи несказѣннѣи вѣмѣстѣи єси, невѣмѣстѣи маго знѣдѣнѣтелѣи всѣи тѣвѣри, и мѣекѣомъ дѣвнѣескнѣмъ вѣспнѣтѣла єси, пнѣтѣющаго всѣю посѣлнѣннѣю, ѿ прѣсѣстѣствѣннаго тѣннѣства, єже ѿтѣбѣ вѣгонѣвѣкто;

пѣснь, ѿ ірмосѣ. Вѣвѣднѣи грѣхѣовнѣи ѿдѣржѣннѣи, нѣнслѣднѣю мнѣлосѣрдѣи твоего прнѣзѣвѣю вѣзднѣи, ѿтѣлнѣи вѣже мѣи вѣведѣи.

Юннѣмъ наказѣтелю прѣмѣрын, менѣ развѣмомъ мѣннѣствѣющѣи, настѣвнѣи настѣзѣи добродѣтельннѣи, оѣе серапѣоне.

Свѣтѣильннѣи прѣсвѣтѣломъ, речѣсѣи посѣпѣдомъ некѣрытнѣи, и

прояви гдѣ серапїѡне, мо́щи твоѡ негнѣнныя.

вса́кїа сло́вы прича́стникѸ, дѡрѸи мнѣ твои́ми моли́твами,
грѣхѸ мо́ихѸ ѡша́лчися, и прича́стїи́чися негнѣнныя пи́щи.

ѡ. **А**зы́комъ недо́сто́йнымъ, ка́ко тѡ воспѣ́ти дерза́ю, ю́же
оубла́жаютъ вси́ роди, ꙗ́коже прорекла́ єси́;

конда́къ, гла́съ, ѿ, по. вознесѡ́на на крѣ́тъ. Послѣ́довавъ
распѣ́ньшемѸса волею, всѡ ꙗ́же в мѡ́ртѣ краси́а ѡста́вила́
єси́, єди́ныя краси́ты хрѣ́товы ѡжелѣ́въ, и ни́къ на́невесѣхѸ
наслажда́ася того́ до́броты, дерзнове́нїе ѡмѣ́а къ нему́,
ми́ръ вселѣ́ннѣи ѡспросѡ́, и всѣ́мъ хрѣ́ти́аномъ вѣ́лю ми́лость;
ꙗ́косъ. Все́ єстество́ свое́ повинувѣ́ въго́ви, и лю́бовїю того́
распалѡ́вса, и ꙗ́ко ѡскра́ востече́ на́бо, прѡ́бне серапїѡ́не прѣмѣ́ре.
Идѣ́же вѡсвѣ́тѣ непресто́упнѣмъ, ѡ́тѣ зри́ши сто́ую трѣ́цѸ.
дерзнове́нїе вѣ́лю ѡмы́н, ми́ръ вселѣ́ннѣи ѡспросѡ́, и всѣ́мъ
хрѣ́ти́аномъ вѣ́лю ми́лость;

пѣ́снь, 3. ірмо́съ. Ю́ношы вѣ́рныя, вѣ́щъ ѡ́гненѸю влѣ́зша,
шѸма́щъ дѸхѸ хла́денъ невредѡ́мы сохрани́, и вѣ́жїа ѡ́ггла
схо́жденїе, тѣ́мже впла́мени прохладѡ́емн, бѡ́гдѡ́арственѸ
по́ахѸ, прѣпѣ́тын ѡ́цѣмъ гдѣ́ и вѣ́тъ бѡ́гословѣ́нъ єси́.

Темни́чное томлѣ́нїе, ꙗ́ко ѹ́ашю ме́двѡ́нѸю, ѡспѡ́лѣ́ єси́ прѡ́бне,
оубрѣ́плѡ́емъ вѣ́терпѣ́нїи, ꙗ́же пѣщъ ѡ́гненѸю прохладѡ́дшнмъ,
дѣ́тѣмъ бѡ́гдѡ́арственнѸ по́ющымъ, прѣпѣ́тын ѡ́цѣмъ гдѣ́ и
вѣ́тъ бѡ́гословѣ́нъ єси́.

Ѣще́ оубо́ тѣ́леснѣ́, ѡногдѡ́ затвори́са вѣ́темни́цѣ, страда́лче

серапіѡне, о́баче дѣхомъ свободнымъ, непрестанно прославляше
содѣтеля, о́трочески зовѣи, препѣтын о́цѣмъ гдѣ и бгѣ
блгословѣнъ єси.

Гдѣнимъ серапіѡне страсѣмъ, волею ѡбнѣл причастникъ,
тѣмъже и темница твоѡ, во свѣтлѡю црковь претворнѣл,
и дѣже со мно́жествомъ вѣрныхъ, прослави хрѣта воскрѣшагѡ,
препѣтын о́цѣмъ гдѣ и бгѣ блгословѣнъ єси.

бѡ. Ѡкормительница мѣ боуди, копрнѣтницѡ завѣтреннемѡ,
мѣти ісѡва, иже боуди и вѣтры, вѣтшиноу мѣнемъ
предлагѡшагѡ, да пою непрестанно зовѣи, препѣтын о́цѣмъ
гдѣ и бгѣ блгословѣнъ єси;

пѣснь, ѣ. ірмосъ. Гѣнѡ преслави вавѡлонскаѡ показѡ пѣць,
истоушаѡ хладъ. ѣкѡ страѡ хотѣше невещѣственныи о́гнь
прѣйти, іорданъ стерпѣти плѡтѣю крѣтѣма зиждѣтелѡ.
єгоже блгвѣтъ людіе, и превносаѣтъ во всѡ вѣки.

Мѣти истоуникъ показѡл, неизлѣкаемыи серапіѡне,
оутѣшаѡ скорѣщыѡ, больныхъ постѣщаѡ, снавѣдѣѡл же
нищѡл, и оуподобнѣл єси содѣтелю, єгоже блгвѣтъ людіе,
и превносаѣтъ во всѡ вѣки.

Дѡромъ чюдѣсѡ ѡбогатнѣл преславиѡ, честныи грѡбъ твоѡ
прѣне. и источѣѣтъ ищѣвлѣнѣѡ, водныи при нѣмъ истоуникъ,
приходѣщымъ свѣроу. молѣ ѡтпоушнхъ тѡ гдѡ, єгоже
блгвѣтъ людіе, и превносаѣтъ во всѡ вѣки.

Врачѡ тѡ дѡшѡмъ прѣнзѡщнѡ, и заблоуждышимъ настѡвника,

молѣбника хрѣтѣова непрестаннаго, и совершителя тогѣ
 тайнамъ, и адаманта вѣры, и вѣи тѣ гдѣ серапїѣне, егѣже
 благвѣтъ людіе, и превносаѣтъ во всѣ вѣки.

Гѣ. Исконн нескѣдомое тайнство, тобою прїѣтъ свершенїе, дѣво
 невлазнама. вѣлѣтныи бо и веплѣтныи, плѣтъ влѣтѣ ѡ тебе
 прїѣтъ. снѣ вжїи снѣ члѣкъ вѣтъ, егѣже благвѣтъ людіе, и
 превносаѣтъ во всѣ вѣки.

пѣснь, ѣ. ірмосѣ. Недоумѣетъ всѣкъ ѡзыкъ хвалити тѣ
 достѣннѣ, ни зоумѣетъ же оумъ премїрныи пѣти тѣ вѣѣ.
 Обѣче бѣга соущи вѣрѣ прїимнѣ, и во любовь вѣси бжѣтвенѣю нашю.
 тѣво хрѣтїанѣмъ еси предстаѣтельница, и тебе величѣемъ.

Бдѣнныа вѣшнїа радѣсти, ѡночнїа вѣжелѣвѣ бжѣеннѣ,
 всѣкаго мїрскаго наслажденїа, ѡшлѣтнѣ себѣ поноуднѣ,
 инокѣ вѣтъ истиненѣ, и инокѣущимъ оѣцѣ и вѣнѣ, и
 предстаѣтель за чѣоущыа тѣ.

Рнзы твоѣ дшѣвныа серапїѣне, пѣче снѣга оубѣлѣны и вѣншасѣ,
 чѣтогѣю житїа твоегѣ, постѣмѣже и непрестанною молнѣтвою,
 и любовью нерастлѣнною. сего ради сподѣбнѣ оѣче преднѣвныи,
 и чертога нѣнаго.

Бже ѡсквернабыхъ и недостѣнныхъ оустѣнѣ, прннесѣннаго
 тн сего моленїа, непрѣзри щѣенныи оѣче. по млѣти же твоеї
 некраснѣю пѣснь, прїимнѣ ѡ мене грѣшнаго. и молнѣ ко
 оѣцѣ всемлѣтнѣвомѣ, подѣти и мнѣ грѣхѣмъ прощенїе.

Гѣ. Іѣснѣова законнаа ѡброученице, тѣ пѣче слова и помысла,

невѣста ѿвѣса въшнѣгѡ. ѿ слова въмѣстѣлице вѣѣа, на нѣже серафѣми зрѣти не смѣютъ. ѿ на рѣкоу не сказанно поносѣла еси, вънѣ носѣмагѡ херувѣмы;

Свѣтѣленъ, по, прѣрцы. Пресвѣтлыи свѣтѣлникъ неогасѣмыи, ѡвостѡка мысленагѡ слнца хрѣта, ѿкѡ свѣтозарнаа лѣта восѣлѣвъ. ѿ мрѣчнѡю дѣбрь черемшѣнскѡю ѿ людѣи просвѣтѣнѣвъ, свѣтлостѣю словесѣвъ, ѿ добродѣтели дѣлѣнѣемъ. ѿ нѣкъ непрестѣн гдѣви молѣсѣ, ѿ насѣ въ мѣрѣ сохранити серафѣоне прѣбне, пѣмѣть твою почитѣющихъ.

слава, ѿ нѣкъ, прѣздникѣ, ѿлѣ бѡ. Премѣростъ ѡпостѣснѡю ѿ пресоущное слово, ѿ вратѣ всѣхъ рѡждѣшаа всечѣлаа вѣце, гноенѣа ѿ ѿзвы ѿсѣвлѣ дѣшѣ наѣшихъ. ѿ сохрани ѿ неприкосновенны всѣкагѡ нахѡда, всегда тѣа молѣщихъ, застоупнице мѣрѣ.

на хвалѣтѣхъ, сѣтры на, дѣ, гласѣ, ѿ, подѡбенъ, ѡпреслѣвное чѣдо.

Ѹте серафѣоне дѣвныи, тѣи ѡноности чѣтоуѡ волюбѣль, сосоудѣ ѿвѣса сѣагѡ дѣа, ѿ хрѣтовѣ оугѡдникѣ прѣсныи. млѣтынею ѡдолжѣнѣвъ всемлѣтнѣвагѡ, ѿ всепрѡщѣнѣемъ чѣмоуѡ подѡбѣсѣ, наслѣдова нѣвное црѣствѣе. ѿдѣже лѣкоуѣа соагѣлы, поминѣи насѣ твою пѣмѣть оублажающихъ.

Запѣтъ чѣобоу прѣбне, ѿрѣсѣа вѣрѣгѣ лѣкѣвыи, ѡвѣтель твою потѣсѣаа разорѣти, гонѣнѣе во дѣнѣгѣ. но ѿ вънепрѣвѣднѣ зачѡченѣи, вѣга непрестѣнно прославлѣше, темнѣца же тѣоа преслѣвнѡ,

вѣрковѣ преложисѧ, и попра смѣл серапїѡне предоблественѣ.

Ѡ преслѧвное чюдо, ѧко созданию твою црковѣ, влѣцѣ вѣцѣ,
и прѧно дѣвѣи мрѧн, ѡщїаютѣ стѡбою серапїѡне страдалѣте,
исповѣдницы стлн соудалѣстїи, и мѣнникѣ древнихѣ стѣл
моци, живїи вѣи мѣнци, полагаѣте во стѣлци.

слава, гласѣ, ѧ. Рѣшнїл свѣтлостїи, сподобисѧ Ѡте серапїѡне,
и вѡвѣки живѣши вѡсвѣтѣ, вселенїихѣ спрѧведнымїи, ѡзарѧл
насѣ свѣтомѣ житїл твоегѡ. молїсѧ влѣженне, даровѧти намѣ
мрѧка грѣхѡвнѧгѡ избѧвїтисѧ, и спастїсѧ дшлмѣ нашымѣ.

И нѣтѣ, прѧздникѣ, илїи вѡ. Рлѣце прїимнѣ молїтѡвѣ рѧвѣ
своихѣ, и избѧвн насѣ ѡвсѧкїл ноужн и печѧлн.

Ѡпоустѣ. Хрѣтѡсѣ истиннын бгѣ нашѣ, молїтѡвами прѣчѣтыл
ѣгѡ мѣре, и прѣвнѧгѡ и вѣноснагѡ Ѡца нашегѡ серапїѡна
исповѣдника, архїмандрїта черемшѧнскѧгѡ, ноѡгѡ
чюдотѡрца, и всѣхѣ рѧдн стѣихѣ, помїлѡетѣ и спасѣтѣ насѣ,
ѧкѡ блгѣ и члколюбѣцѣ.

На литѡргїи, влѣенна, стѡмѣ, пѣснь, г, и ѣ, по д. Прокїменѣ,
гласѣ, ѣ. чѣна прѣд гдемѣ смрѣ прѣвнѣхѣ ѣгѡ. стн. чѣ
вѡдамѣ гдѣвн ѡвсѣхѣ, и хже вѡдѧстѣ мн. аплѣ, галѣтѡмѣ,
ѣа, стн. аллїлѡїл, гласѣ, ѣ. влѣенѣ моужѣ вѡлнѣ гдѣ,
вѣзѧповѣдѣхѣ ѣгѡ вѡсхощѣтѣ сѣлѡ. стнхѣ, сїлнѡ наземлн
вѡудѣтѣ сѣмѧ ѣгѡ. ѣвалїе, ѡлѡкн, ѣа, ѣд. прнчѧстїенѣ,
впѧмѧть вѣчнѡ вѡудѣтѣ
прѧвѣдникѣ.

Сбор пожертвований на строительство храма преподобного Серапиона.

Балаковская православная старообрядческая община, несколько десятилетий не имеющая молитвенного храма, начинает строительство новой церкви во имя преподобного Серапиона Черемшанского. Храм задуман не только как духовный центр и украшение города, но и как памятник основателям Балакова – коренным русским людям, древлеправославным христианам – старообрядцам.

Братья и сестры, и все люди, не равнодушные к возрождению православной духовности! Призываем вас оказать посильную помощь в святом деле строительства Божьего храма – деньгами ли, строительными материалами, физическим трудом или добрым советом. Нам необходим также вагончик для начала служения на месте будущего храма. Любая помощь будет с благодарностью принята нашей христианской общиной.

Спаси вас Христос!

Реквизиты для пожертвований:

Местная религиозная организация Балаковская община Русской Православной Старообрядческой Церкви.

ОГРН 1086400003436. ИНН 6439069786.

КПП 643901001. Р/с 40703810201000000156

Балаковский филиал АКБ «СОФИЯ» (ЗАО).

БИК 046359826. Корр. счет 30101810600000000826.

По всем вопросам обращайтесь по адресу:

Священноиерей Михаил Родин (Родин Михаил Михайлович). Ул. Заводская, д. 49.

413850 г. Балаково,

тел: +7(8453)46-47-26,

+7-906-312-34-23